

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы И Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я К О М И С С И Я

Н О В О -
Н А Й Д Е Н Н Ы Й
А В Т О Г Р А Ф
П У Ш К И Н А

*Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского
«Биографические и литературные записки
о Денисе Ивановиче Фонвизине»*

Подготовка текста, статья и комментарии
Р. Э. ВАЦУРО
и М. И. ГИЛЛЕЛЬСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968 Ленинград

Ответственный редактор
Н. В. ИЗМАЙЛОВ

7-2-2

153—68 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новые строки Пушкина, вводимые ныне в научный оборот, представляют собой его пометы на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине». Рукопись хранится в коллекции Петербургского цензурного комитета в Центральном государственном историческом архиве (Ленинград)¹ и была обследована авторами настоящей публикации осенью 1965 г.²

Рукопись «Фонвизина» — переплетенная тетрадь, содержащая 122 листа (239 стр. авторской нумерации) и переписанная двумя писарскими почерками. Во многих местах правка чернилами рукой Вяземского. На титульном листе дата: «Москва. 1832.» На обороте его цензурская виза П. А. Корсакова с датой: 15 февраля 1836 г. Это та самая рукопись, о которой Пушкин писал Вяземскому во второй половине февраля 1836 г., поздравляя его «с благополучным возвращением из-под цензуры».³ Она представляет собой вторую редакцию монографии Вяземского; первая, датиро-

¹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 25, № 1903.

² См. сообщения о находке в периодической печати: Биение пушкинской мысли. — Смена, 1965, 9 декабря; Редкая находка. — Вечерний Ленинград, 1965, 17 декабря; Я. Лернер. Счастливое открытие. — Труд, 1966, 23 января; Написано Александром Пушкиным. — Литературная газета, 1966, 2 июня. Краткая характеристика автографа была дана в докладе Н. В. Измайлова на заседании Пушкинской комиссии 23 ноября 1965 г. (см.: О. А. Пини. Заседание Пушкинской комиссии. — Вестник АН СССР, 1966, № 2, стр. 176), анализ помет — в нашем докладе «Новонайденный автограф Пушкина» на XVIII Пушкинской конференции (см. хронику конференции: Р. В. Иезуитова. XVIII Пушкинская конференция. — Вестник АН СССР, 1966, № 9, стр. 130; Л. А. Шейман. Восемнадцатая Пушкинская. — Русский язык в киргизской школе, 1966, № 4, июль—август, стр. 32—33).

³ Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, № 1215. Здесь датировано концом мая—первой половиной июня 1836 г. Дата цензурского разрешения рукописи позволяет датировать точнее — второй половиной февраля 1836 г.

ванная 1831 г., сохранилась в Остафьевском архиве. Работа над этой второй редакцией продолжалась много лет, причем рукопись, хранящаяся ныне в ЦГАЛИ, служила рабочим экземпляром; так, некоторые изменения в нее Вяземский внес после 1837 г. (как явствует из сопоставления текста рукописи и восьмой главы «Фонвизина», опубликованной в «Современнике» 1837 г.).

По-видимому, весной 1832 г., готовя свой труд к печати, Вяземский дал рукопись для прочтения нескольким литераторам, в том числе Пушкину. Результатом этого чтения были многочисленные рецензентские пометы на полях рукописи; часть их Вяземский учел и внес в текст соответствующие поправки. В 1833 г. он публикует одну из глав в «Альционе на 1833 год» уже по исправленному тексту. Таким образом, пометы в основной своей части сделаны во всяком случае не позднее 18 октября 1832 г. (дата цензурного разрешения «Альционы»).

Сличение почерков позволило с большой степенью вероятности утверждать, что, кроме Пушкина, рукопись читали П. А. Плетнев, А. И. Тургенев и К. С. Сербинович. Несколько помет сделано неизвестными лицами; в ряде случаев атрибуция оказывается предположительной из-за недостаточности графического материала. Рука Пушкина удостоверяется, впрочем, не только анализом почерка: обнаружен отдельный листок с замечаниями П. А. Плетнева; в нем есть ссылка на «замечание Пушкина».⁴ Из замечания этого явствует, между прочим, что пометы Пушкина на книге предшествовали пометам Плетнева; они были сделаны и до помет Сербиновича (см. стр. 38 наст. изд.).

Пушкину принадлежит более тридцати замечаний, как правило чрезвычайно лаконичных, по форме очень близких его заметкам на полях статьи Вяземского о жизни и сочинениях Озерова. Кроме того, Пушкиным несомненно сделаны некоторые пометы NB и часть отчеркиваний и исправлений. Можно думать, что ему же принадлежат отметки ногтем в тексте; такая манера работы над книгой для Пушкина весьма характерна (именно ее отражает, например, строфа XXIII главы VII романа «Евгений Онегин» с описанием книг библиотеки Онегина; «отметку резкую ногтей» мы находим и на книгах собственной библиотеки Пушкина). В некоторых, специально оговариваемых случаях отмеченные ногтем фрагменты текста непосредственно включаются в круг размышлений Пушкина над книгой Вяземского.

По своей проблематике, функции и характеру пушкинские пометы условно делятся на несколько групп. Одна из них — «документирующие» пометы, содержащие дополнительные фактические сведения. Вторая — пометы полемические, среди которых особое место занимают замечания о заграничных письмах Фонвизина.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1151, л. 5.

Третья, очень важная группа — отметки в тех местах рукописи, которые соотносятся с собственными воззрениями Пушкина и частью получают развитие в его собственных трудах. Эта группа не содержит или почти не содержит пушкинского текста; она состоит из подчеркиваний, отметок ногтем, значков № и лаконичной характеристики «прекрасно». Последняя группа — стилистические исправления.

Совокупность всех рецензентских помет на книге Вяземского представляет чрезвычайно интересную картину работы писателей пушкинского круга над рукописью своего единомышленника. Они дают необходимый контекст пушкинским пометам, наглядно демонстрируя различия и сходство точек зрения и принципов подхода к разбираемому произведению. В ряде случаев пометы Пушкина и других «рецензентов» оказываются тесно связанными. Выделение из этого контекста одних только помет Пушкина неизбежно обеднило бы и даже исказило общую картину. Поэтому настоящее издание содержит публикацию всех помет на рукописи Вяземского. В соответствии с задачами настоящей публикации в основном тексте перепечатывается не вся рукопись, а лишь те ее фрагменты, которые вызвали замечания рецензентов. Равным образом в основном тексте дается первоначальный текст редакции 1832 г., т. е. тот, к которому относились замечания Пушкина. В подстрочных текстологических примечаниях приведены следующие исправления текста Вяземским, — причем не все, а лишь те, которые были вызваны пометами рецензентов. Вся правка Вяземского (за исключением единичных, специально оговариваемых случаев) сделана чернилами, все рецензентские пометы — карандашом; соответственно примечание «чернилами по карандашу» означает, что Вяземский принял предложенное рецензентом изменение и прямо обвел чернилами вписанное слово или зачеркивание. Подчеркивания в тексте и вертикальные линии на полях соответствуют аналогичным пометам рецензентов на рукописи; звездочка в тексте — местоположение пометы ногтем. Квадратные и ломаные скобки, как это обычно принято, обозначают соответственно авторские зачеркивания и редакторские конъектуры.

Пометы Пушкина выделены шрифтом (петит полужирный); принадлежность других помет обозначается условными сокращениями в скобках: *Пл* — Плетнев, *С* — Сербинович, *Т* — А. И. Тургенев, *Н* — неустановленные лица. Сокращение *Пл 1* означает, что данная помета сделана не на полях рукописи, а на отдельном листке, писанном рукой Плетнева (см. выше). В прилагаемой статье освещаются некоторые общие вопросы интерпретации помет; дополнительные фактические материалы и соображения вынесены в «Примечания» в конце книги. Примечания касаются только помет Пушкина и даются в тех случаях, когда помета требует пояснений или дает дополнительный новый материал. Номер комментария соответствует номеру комментируемого фрагмента.

Все цитаты из Пушкина приводятся по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1949 — с указанием в тексте тома и страницы.

Настоящая работа в целом и отдельными частями была прочитана рядом ученых; авторы публикации с благодарностью воспользовались замечаниями и соображениями П. Р. Заборова, С. С. Ланды, И. Э. Сермана, Т. Г. Цявловской. На протяжении всего времени работы авторы встречали неизменное благожелательное внимание работников Центрального государственного исторического архива и директора архива — И. Н. Фирсова. Особую признательность авторы приносят акад. М. П. Алексееву, инициатору и постоянному консультанту настоящего издания.

<1>

Глава I

л. 3

История литературы народа должна быть вместе историею и его общежития. Только в соединении с нею может она иметь для нас нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются движения,¹ страсти, мнения, самые предрассудки современного общества; если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо владычеству² и влиянию литературы, то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа *выражением общества*. Литературы бывают двойкие:³ одна для народа то, что дар слова для человека, высшая способность его после || способности чувствовать и мыслить; впрочем, разделять сии способности не должно, ибо первая служит дополнением и событием другой.⁴ Вторую литературу можно причислить к искусствам изящным: к ваянию, к живописи, к музыке. Она в разряде вспо-

NB

NB

л. 3 об.

¹ оттенки ² господству ³ Можно еще допустить, что литература бывает двойкая ⁴ высшая способность его ∞ дополнением и событием другой / то, чем передает он себя ближним и потомству, то чем он человек, то есть творение мыслящее и чувствующее. Человек без сего способа выражать себя и народ, не имеющий сей литературы, — создания неполные и ошибочные. *Вписанный текст правлен Тургеневым; слова то чем он человек и творение подчеркнуты карандашом, на полях: существо (л. 3). На л. 3 об. слово создания зачеркнуто; вместо него карандашом существа. Слова и ошибочные зачеркнуты; на полях карандашом не достигающие цели бытия своего. Карандашные исправления Вяземский повторил чернилами.*

Изобретенных способностей
(Пл 1)

[самобытно¹ и независ(мо)]
(Т)

Подчеркнутое слово² равно
относится к предшедшему и
к последующему (С)

Сочетание высокого *пре* с про-
стыми *ходчиво* (С)

№? *преходяще*, а не *переход-*
чиво (С)

л. 4

в безмолвии оно *внимает* им
(Т)

Но сие влияние, сия сила все
покоряющего чародея, как звук
в потрясенном воздухе, по-ви-
мому, теряется в душе слуша-
телей, вместе с минутным вос-
торгом их; но нравственное
действие впечатлений сие
не совсем пропадает: оно [от
ражается в] пробуждает душу,
отражается в тайнах бытия ее,
сердце познает наслаждения
доселе ему чуждые; в сих зву-
ках, в се(м) [гармонии] сочув-
ствии души с потрясенными
нервами — сопрягается мир
духовный с вещественным;
в нем вся психологическая

могательных, уже изобретенных способностей,
коими ум человеческий прихотливо выражает
мысль свою, коими народ образующийся често-
любиво знаменует³ успехи свои на поприще про-
свещения⁴ и умственного усовершенствования.
Посреди безмолвия, оцепенения, царствующего
при отсутствии первой из сих литератур, может
возвыситься иногда голос автора, который сильно
подействует на внимание общества, его окру-
жающего: общество отвечает ему с силою и бы-
строю потрясенного сочувствия; но сие действие
случайно, скоропостижно и преходчиво:⁵ не имев
предыдущего, оно едва объемлет стесненные
пределы настоящего и теряется вместе с минут-
ным впечатлением. Так || искусный⁶ Ромберг
всемогуществом игры своей порабощает понятия
и ощущения общества, которое слушает его,
погруженное в безмолвие и внимание.⁷ Он будит
в душе и в уме слушателей своих впечатления,
ему покорные.⁸ В раздражении сокровеннейших
ощущений⁹ своих, слушатели сии¹⁰ сочувствуют,
соответствуют сладкозвучным¹¹ излипаниям пове-
лительного чародея; но сие сочувствие, сия
обоюдность¹² в ощущениях, в сотрясениях сокровен-
ных были только мнимые, или, по крайней
мере, не естественные, а искусственные. Пора
баснословных чудес Орфея миновалась: ни горы
не тронутся с места, ни львы, ни люди не пре-
образуются. Звуки утихли,¹³ раздраженные нервы
успокоились,¹⁴ и между Ромбергом¹⁵ и слушателями
его уже нет никакого нравственного соответ-
ствия. Между творением замечательным¹⁶ и наро-
дом, коего общество еще не готово для лигера-

¹ Вписано над строкой. ² Помета к слову честолюбиво. ³ зна-
менует честолюбиво (чернилами по карандашу Тургенева) ⁴ граждан-
ственности (чернилами по карандашу Тургенева) ⁵ недолговременно
(чернилами по карандашу Тургенева) ⁶ сладкозвучный ⁷ которое ∞
внимание (Тургеневым зачеркнуло карандашом) ⁸ всемогуществом игры
своей ∞ впечатления, ему покорные / или молниеносный смычок Паганини
зажигают восторг и оковывают внимание слушателей. Слово молниеносный
подчеркнуто А. И. Тургеневым. ⁹ нервов ¹⁰ слушатели сии / они
¹¹ гармоническим ¹² взаимность ¹³ замолкли ¹⁴ утихли ¹⁵ вир-
туозами ¹⁶ беспрерывно, но для нас не приметно возобновляется (вписано
Тургеневым между строками текста Вяземского, видимо, как один из
возможных вариантов) ¹⁶ Между творением замечательным / Литература
также имеет своих виртуозов. Так и между творением отличным и т. д.
Фрагмент текста ни горы не тронутся с места ∞ нравственного соответ-
ствия зачеркнуто карандашом; рукой Тургенева: (совершенно переделать).

туры или литература еще не || готова¹ для общества, нет также обособности глубокой и постоянной. Концерт отошел,² книга прочтена; и тот и другая возбудили несколько изящных ощущений, может быть, несколько благородных соревнований, но тем все и кончилось. Некоторые явления литературные: великолепные оды Ломоносова; воспламененные, философические и сатирические гимны Державина; утонченности взыскательного общежития, европеизмы, введенные в прозу и стихи наши Карамзиным и Дмитриевым; опыты Озерова, который умел иногда сочетать блеск трагических форм Вольтера с благозвучием поэзии Расина; лукавое простосердечие и черты русской насмешливости и замысловатости, ярко оттенившие произведения Крылова; оригинальность заимствований⁴ Жуковского, положившего свою печать на подражания, завоеванные талантом,⁵ которые в свое время были смелые новизны;⁶ в Пушкине тот же дух, те же приемы поэтической притягательности, еще || более приуроченные к характеру времени и характеру русского ума и гораздо более разнообразные в своих действиях — все сии явления, более или менее, продолжительнее или кратковременнее, наносили резкие впечатления на внимание общества нашего и возбуждали повсеместное сочувствие. Со всем тем, кажется, не страшно нарекания в неблагодарности и несправедливости к литературе отечественной, можно применить ее ко второму разряду, описанному выше.⁸ Так, она не есть жизнь народа нашего, а разве одна из мелких отраслей общежития его: она в нем не дар слова, а одно постороннее выражение.

В русском обществе и в литературе русской не было и нет поныне сего обратного содействия,⁹ сего перелива оттенков с одного на другую, сей жизни, так сказать, общей в двух телах, сей общности, от коей литературы других народов являются нам столь исполненными движения, страстей и жизненности. Нет сомнения, русское

тайна природы человеческой, земного и вместе высокого его назначения. (Т)
кончилась³ (Т)
отслушан (С)

Европеизмы в прозе и стихах
(Пл 1)

О Жуковском не ясно или не точно (Пл 1)

л. 5

делали (С) Противоречие (Т)

в 4 и 5 раз

означен(ному)¹ (Т)
— упомянутому⁷ (Л)
Ко второму из вышеописанных разрядов (потому что описаны оба) (С)

Было и не могло не быть: разве NB Ломон(осов) придворными одами своими не произвел чего-то в народе, в обществе нашем? и разве это общество не имело обратного действия

¹ не дозрела ² отслушан ³ Вписано над строкой. Относится к слову отошел. ⁴ Вписано или завоеваний. ⁵ завоеванные талантом взято в скобки карандашом и зачеркнуто чернилами. ⁶ Исправлено карандашом Туриневым: смелыми новизнами. ⁷ Вписано. ⁸ ко второму из двух разрядов, описанных выше. ⁹ действия (чернилами по карандашу)

л. 5 об.

на авторов?

У нас не столько, потому что народ сильнее литературы (Т) еще (С)

Потому что ни в том, ни в другом нет ни *главной* мысли, ни *господствующего* чувства. Но чувство Ломоносова к Елисавете разве не отразилось в нашем обществе и формы его разве не владычествовали долго и вредно? (Т)

л. 6 ?

Но поприще его — отечество? а о том и дело. (Т)

противоречие (Т)

Человечество ничего еще не приобрело от побед наших, а кое-что наша гражданственность выиграла — (Т) ?

как и все (Т)

так (Т)

Выиграло ли [просвещение] человечество от того, что

общество не¹ выразилось || литературою. Вы должны искать следов его в истории двора, в истории походов, в истории успехов гражданственности: блестящие страницы могут здесь удовлетворять требование² честолюбия народного и явить, что сие общество, хотя еще мало говорливое, имеет во многих чертах свою физиогномику, свою нравственную самобытность. Но не ищите узнавать его по истории литературы: книжное знакомство с ним увлекло бы вас к заключению, что нет общества, а есть одно собрание людей.³ Русское общество не воспитано на чтении отечественных книг: вы не можете найти людей, которые чувствовали бы по Державину, мыслили бы по Княжину, коих мнения развились бы и созрели под влиянием таких-то или других русских авторов. Это неоспоримо. Какое может быть на народ влияние литературы, не имеющей эпопеи, театра, романов, философов, публицистов, моралистов, историков? ибо один историк, и то историк отечества своего, как ни сильно выразил ум свой в творении своем, но действие его все должно же⁴ быть односторонне и ограничено самыми пределами поприща его. Если || захотеть найти непременно господствующую черту нашей литературы, то должно остановиться на поэзии лирической. Сие соображение приведет нас к заключению, что и у нас литература, или то, что из литературы имеем, есть⁵ выражение общества. Общество наше, гражданственность наша образовалась победами. Не медленными, не постепенными успехами на поприще образованности; не долговременными, постоянными, трудными заслугами в деле человечества и просвещения — нет: быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное место в числе европейских держав. На полях сражений купили мы свою грамоту дворянства. При громах Полтавской победы совершилось наше, уже неоспориваемое водворение в семейство европейское. Сии громы, сии торжественные, победные молебствия отозвались в поэзия нашей и дали ей направление.

¹ Исправлено в связи с пометой Сербиновича: еще не вполне. ² требованию (чернилами по карандашу) ³ а есть одно собрание людей взято в скобки карандашом и зачеркнуто чернилами; сверху чернилами народонаселение. ⁴ должно все же (чернилами по карандашу) ⁵ есть / есть также однозвучное

Следующие эпохи, более или менее ознаменованные завоеваниями, войнами блестящими, питали в ней сей дух воинственный, сию торжественность, которая, || может быть, впоследствии времени была уже поддельная или подражательная¹ и неудовлетворительная; но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характер нашего политического быта. Воинственная слава была лучшим достоинством русского народа: упоенные, ослепленные ею, радели мы мало о других славах.² Военное достоинство было почти единою целью, единым упованием и средством для высшего звания народа, которое должно было первоначально сосредоточивать в себе исключительно лучи просвещения, медленно разливавшегося по нижним ступеням общества. Военная деятельность удовлетворяла честолюбию народному и потребностям возникающего гражданства. Торжественные оды были плодами сего воинственного вдохновения. Напряжение лирического восторга сделалось общим характером нашей поэзии. Поэзии философической, прозе умеренной, которая более размышляет, нежели чувствует, более способна хладнокровно судить, нежели пламенно пристра || ститься, тут не было места. Ломоносов, Петров, Державин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьем, праздновавшего победы или готовившегося к новым.⁴ Они поэты присяжные, поэты laureat⁵ победы еще более, нежели двора. Сию поэзию, так сказать, официальную, должно приписывать не столько характеру их, сколько характеру эпох, в которые они жили. Пример сих великих поэтов, предназначенных быть образцами, подействовал и на склонности поэтов второстепенных, которые были, может статься, не столько внимательны к вдохновениям первобытным и непосредственным, не столько в сочувствии с господствующим духом народа, сколько покорны движению, данному предшественниками, сколько увлечены духом

не земляки Густава Ад(ольфа) — героя Европы и просвещения — а Петр I остался победителями при Полтаве? Радуйся и гордись просвещению(?), но не за человечество. (Т)

л. б об.

единственным (Т)

л. 7

дво(ра)³ (Т)
двора, а не народа, не разделявшего энтузиазма их — искусственного и нечистого. (Т)
Лауреаты? (N)

Лавроносные? (N)

¹ поддельная или подражательная *отмечено карандашом; исправлено:* несколько разогретая или подражательная. ² славах / родах славы (*чернилами по карандашу Тургенева*) ³ Вписано. ⁴ Далее вписано: Тебя бога хвалим была тема их воинственных песнопений. ⁵ лауреаты; далее вписано *Тургеневым:* казенные.

а. 7 об. подражания. В этом отношении сатира «Чужой толк» не только литературное, но и нравственное свидетельство, обличительная ссылка для современных наблюдений. На души и на умы великих людей || действуют события, действует сила нравственная, скрывающаяся в начале сих событий; на умы людей, стоящих под ними, действует уже пример сих передовых стражей на поприще человеческого успехов. Говоря языком техническим, им нужны проводники. Удар силы электрической уже по сообщению отзывается в телах,¹ отдаленных от средоточия действия ее; ему нужно пройти до них через тело,² ближайшее к нему, непосредственно предстоящее внезапному потрясению.

⟨2⟩

а. 8 об. Первенствующие лица, явившиеся на сцене его «екатерининского царствования», были размера исполинского, героического: они рисуются пред глазами нашими, озаренные лучами какой-то * чудесности, баснословности, напоминающими нам действующие лица гомеровские.

⟨3⟩

а. 8 об. Нет сомнения, есть поэзия и в собственных именах. Державин это знал и оставил свидетельство тому в одной из строф «Водопада». Поэт взывает к умершему Потемкину:

а. 9
Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!

В стихе, составленном из собственного имени и глагола, есть не одно верноподданническое, но и высокое поэтическое чувство. Этот стих, без сомнения, исключительно русский стих, но вместе с тем он и русская картина. Счастлив поэт, умевший пользоваться средствами угадывать впечатления и высекать пламень поэзии из сочетания двух слов; но счастливее государь, который умел облечь имя свое красками и очарова-

Кажется лишнее

Все это так хорошо, что, кажется, не может быть лишним.
(С)

¹ звеньях (чернилами по карандашу) ² звено (чернилами по карандашу).

нием поэзии и, одарив им признательную историю, завещал его еще как сокровище и поэтам, которые дорожат истиною только тогда, когда она всемогуща над воображением.¹ Но властолюбие и слава побед не были единими страстями, можно сказать, единими добродетелями Екатерины. В мужественной душе своей она ценила высоко храбрость и воинственный героизм. Однажды || в приближенном обществе своем задала она Сегюру, принцу де-Линь и другим запрос: «если б я родилась мужчиною, как думаете вы, до какого военного чина дослужилась бы я?» Легко отгадать ответ: фельдмаршальский чин, достоинство отличного полководца, были единые меты, которые поставляли честолюбию могущественной монархини. «Ошибаетесь, — прервала она, — в чине подпоручика наша бы я смерть в первом сражении». Такой ответ обнаруживает душу: но душа, но ум Екатерины были доступны и к другим побуждениям. Душа ее вмещала в себе все отрасли человеческого славолюбия; ум ее был отверст ко всем возвышенным впечатлениям и способен на все усилия. В числе предметов, занимавших деятельность его, успехи образованности и просвещения были целью ее особенной заботливости. Она не только уважала ум, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила к нему, но, так сказать, баловала и щадилась неизбежные его уклонения. || Самая современная эпоха благоприятствовала сему августейшему² пристрастию.

<4>

Вольтер уже в царствование Елисаветы был, так сказать, союзником на жалованьи у двора нашего; || и если история Петра Великого, подвиг, совершенный им в силу дипломатико-литературных сделок, не отвечает достоинству ни героя, ни писателя, то должно видеть в нем новое доказательство, что наемный союзник бывает обыкновенно мало надежен для пользы назначенного предприятия. Шувалов — не тот, который * в

Его сочетание слов не принадлежит 19-му веку. (N)

л. 9 об.

Прекрасно

л. 10

Царственному

л. 10 об.

л. 11

[Кажется, что Историю Петра Вольтер начал для Елисаветы]. Виноват

¹ В стихе, составленном из собственного имени ∞ когда она всемогуща над воображением *взято Пушкиным в скобки (карандашом)*. ² царственному

его (по Карамзину) (С?)

царствование Екатерины писал французские стихи, припимые в самом Париже за произведение французской почвы, — по Шувалов, писавший и сам русские стихи, а более известный и достойный известности потому, что он едва ли не первый почувствовал красоту стихов Ломоносова, покровительствовал ему и умел от него выслушивать резкие истины и благородные упреки, Шувалов, вельможа двора Елисаветы и любимец ее, был уже посредником между нами и европейскою литературою.

<5>

л. 11 об.

Новые понятия, смело провозглашаемые во Франции, имели тогда отголоски в Петербурге. Мы нашли в записках, оставленных княгиней Дашковой, что до 15-ти летнего возраста прочла она в доме дяди своего, графа Воронцова, сочинения Беля, Вольтера, Монтескьё, Гельвеция: правда, прибавляет она, что кроме Екатерины, тогда еще великой княгини, и также в летах весьма молодых, и ее, никто из женщин в Петербурге не занимался подобными чтениями.¹ Оно и постижимо² и едва ли можно жалеть о том.

К чему будет относиться оно? к чтению ли? тогда по всей вероятности поставлено вместо сие. (С)

<6>

л. 12

Глагол *быть* [четыре] слышном часто (С)
[находились] (С)

Также и в Германии при Фридрихе (Л)

Лишнее: ибо то не имеет чему соответствовать в предыдущем. (С)

л. 12 об.

Представители нашей литературы не были участниками в деле, которое, казалось, должно было быть³ ближе к ним, нежели к тем, которые были на виду. Литература и литераторы наши оставались в стороне. Даже и в то время, когда один из полномочных французской философии, Дидерот, приезжал в Россию, то и тут⁴ не последовало никакого сближения между им и нашими авторами. По крайней мере, не отыскиваем ни одного следа тому ни в сочинениях Дидерота, ни в сочинениях соотечественников наших. Кажется, то же можно заметить и относительно к пребываниям Альфиери, Бернарден-де-Сен-Пьера и других известных писателей, посещавших Россию в то время. Все это подтверждает дока-

¹ подобным чтением (чернилами по карандашу) ² Оно и постижимо / Легко поверить тому ³ должно было быть / могло быть ⁴ то и тут вычеркнуто.

зательство, что между литературою нашею и нашим обществом не было ничего взаимного; что на нее действовали обыкновенные приливы и отливы общежития; что как наше Русское или Азовское море чуждо сего движения, общего другим морям, так и литература русская, не подверженная повсеместному закону, пребывает до времени в тишине бездействия, стихию отдельною и неподвизною; что если могли мы заметить, как указали выше, некоторое действие, сотрясение, некоторое переходчивое впечатление, произведенное обществом, или почти исключительно двором, || в явлениях литературы нашей или, вернее сказать, поэзии, то в самом обществе не найдем мы признаков, что литература отечественная входит в состав гражданского быта нашего, в число богатств нашего нравственного достояния. Изыскать и означить причины явления сего вовлечет в исследование слишком глубокое и многостороннее. Довольно указать на иные, которые более других на виду и едва ли не богаче в последствиях. Недостаток в основательном учении, недостаток в звании, которое по месту своему в чиноположении гражданском могло бы исключительно посвящать себя трудам ума и видело бы в них единую цель, доступную честолюбию, свойственному всем званиям; обязанность дворянства, более или менее, но вообще грамотного, служить и алчная нетерпеливость достигнуть офицерского чина в лета, когда еще не стыдно быть слушателем университетских лекций, — вот, без сомнения, одни из главных причин застоя нашего в движениях мысли || и творческой деятельности. От сих причин, несмотря на исполненное движение, данное России Петром, поощренное Екатериною и осененное покровительством¹ преемников их, нет у нас донныне литературы истинной, полной, коренной, литературы, которая была бы живою отраслью государственного благоденствия и непосредственным существованием людей, служащих отечеству трудами ума своего, как воин служит ему на поле брани, судия в храмине² закона, торговец на поприще промышленности.

Просто общество всегда презирало и презирает словесность. (N)

NB. Можно ли назвать литературу р(усскую) вовсе бездейственною и неподвизною? (C)

л. 13

В числе причин, почему у нас нет литературы, пропущена главная, кажется: презрение к своему языку (Пл 1)

л. 13 об.

NB есть и еще причина: недостаток в читателях: а без них можно ли заниматься авторством как ремеслом? (C)

покровительствуемое
(Пушкин?)

в палатах? (Пушкин?)

¹ осененное покровительством / покровительствуемое

² в палатах

л. 14
 знак — означить пропуск гла-
 гола (С)

В

л. 14 об.

его (С)

Фон-Визин один из малого числа писателей наших, которые выразили себя в сочинениях своих; сочинений его немного, это правда, но он умел быть оригинальным посреди¹ подражателей. Главные творения его имели много успеха в свое время; они носят на себе отпечаток ума и эпохи его, не утратили и ныне ходячей цены || и сохранились в народном обращении.

Фон-Визин жил в царствование Екатерины. Она любила ум не только за границею, но и у себя дома; покровительствуя ему² в чужих землях, благодетельствовала ему и в отечестве.

л. 15
 à revoir Современник эпохи
 (Пл. 1)

Почитель нравов (Пл 1)

л. 15 об.

Фон-Визин был современником эпохи благоприятной, был действующим лицом на сцене Петербургской, в сей сфере деятельности русской, в сем средоточии русской гражданственности; он был преимущественно писатель драматический и сатирический, следовательно, живописец и почитель нравов.

Обозревая сии объемы,³ я говорил себе, что из биографического портрета Фон-Визина может выдти⁴ историческая картина общества; но, после многих исследований и применений, не нашел ни связи, ни полноты в предмете своем, раскрытом на все стороны. В обществе не дознался я отголоска * Фон-Визина и в самом Фон-Визине отыскал мало || отпечатков общества. Например, комедии его — не картина нравов, господствовавших в обществе: некоторые из списанных им лиц, соглашаюсь, и верны и подсмотрены с природы; но истины сии суть почти отвлеченные, отдаленные, без живого применения к лицам, для коих они были писаны, пред коими были представлены. Комедии Фон-Визина были читаны и играны в столицах: театров по губернским городам, домашних театров тогда если и было, то весьма немного; следовательно, настоящие Простаковы в глуши губерний и деревень, вероятно, и не знали, что двор смеется им, глядя на их изоб-

Бабушка моя сказывала мне, что в представлении Недоросля в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотинных, приехавшие на

¹ среди (карандашом)
 (карандашом)

² его ³ указательные черты ⁴ выйти

ражения. Вероятно, были Недоросли и Бригадиры и в числе зрителей комических картин Фон-Визина; но комик колол не их глаза. Смех их был от того добродушнее, но менее было и пользы. Следовательно, и здесь автор и публика его не были в непосредственном соприкосновении.¹ Но довольно: к комедиям Фон-Визина обратимся в свое время.

После продолжительного введения пора приступить к самому предмету, подлежащему рассмотрению нашему: жизни и литературным трудам Фон-Визина. И здесь придется нам сетовать о скудости способов и средств применять жизнь действительную к явлениям жизни умственной. Биографические материалы у нас так недостаточны, что, при неимении принадлежностей и красок для написания исторической картины, едва ли можем написать и портрет во весь рост. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего.

Лишенные чужих вспомогательных источников, мы можем, по крайней мере, черпать в источнике, оставленном нам самим Фон-Визиним. Он несколько облегчил труд биографа своего. Сверх сочинений, в которых, как заметили мы выше, выразил он ум свой и образ мыслей в чертах довольно оригинальных, имеем в виду еще и другие пособия: часть исповеди его; письма к родственникам и приятелям; письма к нему от некоторых замечательных лиц; разные бумаги деловые, политические и совершенно домашние, которые не менее других любопытны в своем роде и носят на себе живые следы обычаев его и частной жизни.

<9>

Грамотою царя и великого князя Михайла Феодоровича род Фон-Визиных причисляется к родам, возвышающим достоинство свое историческими воспоминаниями. В ней сказано, что

службу из степных деревень, присутствовали тут и следств. (енно) видели перед собою своих близких знакомых, свою семью.

л. 16

Я согласен с замечан(ием) Пушкина (Пл 1)

Прекрасно

Лит. г. 1. 2. 3

л. 16 об.

л. 17

?

¹ Далее вставлено: Это не то что Мольер, который списывал с натуры Тартюфов, маркизов, жеманок и призывал оригиналов своих на очную ставку с их портретами.

бывши лютеранином? (С)

л. 17 об.

Не уволен ли? Отставлен
в наше время значит: выпан
из службы! (С)

Говорится вблизи, след. пишут
близь, а не близ (Л)

?Н большой (Л)

Упражнялась в занятиях (Пл 1)

во время осады Москвы Владиславом, «Денис Фон-Визин, помня бога и пречистую богородицу, и православную христианскую веру, и наше крестное целованье, с нами, великим государем, в осаде сидел, и за православную христианскую веру, и за святых божиих церкви, и за нас, великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, на Москве против королевича Владислава и Польских, и Литовских, и Немецких людей и Черкас стоял крепко и мужественно, и на боех и на приступех бился, не щадя головы своей, и ни на какие королевичевы || прелести не прельстился, и многую свою службу и правду к нам и ко всему Московскому государству показал, и будучи в осаде, во всем оскудение и нужду терпел». — Следовательно, потомок и соименник его — русский не одним пером своим.

Отец автора нашего, Иван Андреевич Фон-Визин, служил в Ревизион-коллегии членом в чине коллежского советника; отставлен¹ был статским советником; жил в Москве, в собственном доме близь² Московского университета. Но в этом ли доме родился творец «Недоросля», о том мы узнать не могли. Для дополнения скажем, что в летописях литературы нашей известно имя и другого сына его, Павла Ивановича, оставившего по себе некоторые стихотворения и переводы, напечатанные в ежемесячном сочинении «Доброе намерение», изданном в Москве 1764 года. Одна из сестер автора нашего, по замужеству своему Аргамакова, упражнялась также в литературных занятиях и перевела несколько повестей Мармонтеля.

<10>

л. 18

Ныне без помощи иностранного языка почти читать у нас нечего: переводчиков нет, * или труды их обращены на книги, или, лучше сказать, заглавия книг в чести у книгопродавцев, которые часто не питают, а портят вкус читающей публики; исключения редки. Поверьте, например, итоги переводов, вышедших от семиде-

¹ уволен ² близ (карандашом)

сятых годов до нашего столетия, с итогами нашего тридцатилетия, и вы убедитесь, что наша литература переводная весьма унизилась против прежнего. Тогда все, или почти все замечательные творения древности и современной эпохи во Франции¹ имели у нас переводчиков:² ныне знаменитейшие писатели нашего времени знакомы нам по одним журнальным переключкам. Один || Вальтер Скотт служит исключением, но и то благодаря тому, что он пишет³ романы. При тогдашних пособиях и неудивительно, что отец Фон-Визина, хотя и лишенный выгод образованного воспитания, любил чтение исторических и нравоучительных сочинений и мог удовлетворять свои наклонности. Старые книги наши уже не в ходу: с одной стороны, их нет в обращении книжной торговли; с другой — обветшалый язык, тяжелый слог оных пугают новых читателей: таким образом, провинциалы губернские и столичные, требующие пищи умственной, должны удовлетворяться малосочною и скороспелою⁴ журналов и альманахов.

и Германии (N)

л. 18 об.

Год рождения автора нашего не был доныне достоверно известен. В «Исповеди» не означает он эпохи рождения своего, и в «Опыте исторического словаря о российских писателях», изданном Новиковым при жизни Фон-Визина, о том умолчано. По биографическим сведениям, о нем собранном⁵ митрополитом⁶ Евгением в журнале «Друг просвещения» и в «Опыте краткой истории русской литературы» || Греча показано, что он родился 1745 года; но по другим указаниям и соображениям можно сказать утвердительно, что он родился в 1744 году. Автор наш, говоря о детстве своем, показывает, что оно было означено резкими чертами характера пылкого и решительного. Авторские склонности обнаружались в малолетстве его раннею чувствительностью, раздражительным воображением и жадностью, с которою вслушивался он в рассказы, пробудившие его ребяческое внимание. Тогдашнее вос-

л. 19

¹ во Франции *вычеркнуто (чернилами по карандашу)*. ² имели переводчиков у нас *(исправлено карандашом, затем исправление зачеркнуто, также карандашом)* ³ писал *(карандашом, неизвестной рукой)* ⁴ пищею *(вставлено чернилами по карандашу)* ⁵ собранным о нем *(карандашом)* ⁶ преосвященным *(чернилами по карандашу, возможно, Пушкина)*

Воспитание имело *свойственные* выгоды (Пл 1)

питание, при недостатках своих, имело и свойственные ему выгоды: ребенок оставался долее на русских руках; долее окружен был русскою атмосферою, в которой знакомился ранее и более с языком и обычаями русскими. Европейское воспитание, которое уже позднее довершало воспитание домашнее, исправляло предрассудки, просвещало ум, но ¹ не искореняло впечатлений первоначальных, которые были преимущественно отечественные. Укажем на одно свидетельство: большая часть переписки госу||дарственных людей царствования Екатерины велась на русском языке, несмотря на господство языка французского и нравов иноплеменных. После видим мы совершенно противное: первые звуки, первые понятия, кои передавали детству другого поколения, были исключительно иностранные, потому что ребенок с груди кормилицы русской обыкновенно вверяем был рукам чужеземцев. Уже только после,² в летах юношества, а часто и в возрасте, уже перезрелом для исправления погрешностей вкоренившихся, русский гражданин, по собственному обратному влечению и как будто по уязвлению пробудившейся совести, обращался к изучению отечественного.

л. 19 об.

NB с подлежащ.

Все, что говорится в начале сей страницы, необходимо нужно перенести на 21 страницу (о причинах недостатка рус. литер. вообще) (Пл 1)

<11>

л. 20

Ныне воспитание наше слишком отвлеченно и, пущенное в рост, ничем³ не упирается в коренной основани. Например, любопытно видеть, как отец Фон-Визин⁴ заставлял сына читать у крестов во время всенощных бдений, которые часто отправлялись у них дома; позднее детей другого поколения заставляли прежде всего вытвердить наизусть:

La cigale ayant chanté
Tout l'été.

Это не доказывает против Ф. В. (Пл)

Не соглашаюсь с автором, который приписывает упомянутому благочестивым упражнениям знание свое в русском языке. Дьячки и семинаристы, которые, верно, более его читали священные книги, не почитаются же у нас знато-

¹ исправляло предрассудки ~ но *взято в скобки карандашом; вычеркнуто чернилами.* ² позднее ³ ни на чем (*чернилами по карандашу*)
⁴ Например ~ Фон-Визин / Например, мы видим, что старик Фон-Визин

ками в языке и правильнейшими грамотеями. Помощь славянского языка, вопреки мнению его собственному и мнению многих литераторов наших, была не только не полезна, но, может быть, и вредна Фон-Визину: || он без размышления пользовался ею и не умел справиться в согласовании языка церковного с языком общества, когда покушался на такое сочетание.

л. 20 об.

<12>

Не менее того, я готов признать, что самые сии упражнения имели без сомнения¹ влияние и на развитие способностей будущего писателя, но не в художественном, а более в нравственном образовании. Я не пристрастный² поклонник старины, враг непримиримый предрассудков,³ которые хотели бы приковать поколение неподвижно, || как часовых, поочередно сменяющихся на одном месте; враг предрассудков,⁴ пугающих малодушие смелыми движениями времени и просвещения; но при том жалею, что новое воспитание, омногосложив способности⁵ и требования юношества, не умело теснее согласовать необходимые условия русского происхождения с независимостью европейского космополитства. Карамзин, защищая Петра Великого от обвинений, что он лишил нас русской нравственной физиогномии (а впрочем, и физической, обрив нам бороды), говорит: «Все народное ничто пред человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами». Истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости, которые⁶ можно пополнить и пояснить тем, что должно быть прежде, или более⁷ гражданином, нежели семьянином. Но в применении к воспитанию частному, то есть личному, а не народному, не должно терять из виду, что именно для того, чтоб европейцем быть,⁸ должно начать быть || русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле европейском и, следова-

л. 20 об.

литературном (Пл?)

л. 21

?

NB

л. 21 об.

¹ без сомнения имели (карандашом) ² исключительный ³ враг непримиримый предрассудков / не ослепляюсь предрассудками ⁴ враг предрассудков, пугающих малодушие / не разделяю безусловно страха людей, которые пугаются ⁵ обязанности ⁶ которое (чернилами по карандашу) ⁷ прежде или более (карандашом) ⁸ чтоб быть европейцем (карандашом)

Прекрасно

Л. Г. I. 17

тельно, должна в сынах своих¹ иметь полномочных представителей за себя. Русский, перерожденный во француза, француз в англичанина и так далее останутся всегда сиротами на родине и не усыновленными чужбиною.

⟨13⟩

л. 22—22 об.

Прекрасно

с Ломоносовым!²

Дарования не врождаются
(Пл 1)

театра (С)

л. 23

В числе разительнейших впечатлений, || пробудивших внимание 14-ти летнего отрока в приезд его в Петербург, была встреча у Шувалова и знакомство с человеком, который мог бы один служить выражением русской образованности, столь же внезапной, как и он, — с человеком, не приготовленным событиями и ознаменовавшимся в ученом мире явлением столь же самовластным, как и Петр Великий в мире государственным — кто не отгадал, что это Ломоносов!³ Блеск и великолепие двора, коему представлены были воспитанники, и новость театральных зрелищ оставили также живые следы в бдительном и наблюдательном уме его. Может быть, встрече с Ломоносовым смеху, порожденному игрою актера Шумского, обязаны мы наиболее, что в Фон-Визине имеем писателя, а от него хорошие комедии. Дарования не врождаются, но часто разворачиваются случаем. Посещениям его в театр⁴ обязан он был и оскорблением самолюбия, обратившимся в пользу его. Молодой бариц, столкнувшийся с ним в партере, начал, после ласковых привет||ствий, трунить над ним, узнав, что он не говорит по-французски. По возвращении своем в Москву Фон-Визин обратился с прилежанием к изучению языка сего и, вероятно, ревностнее принялся и за другие науки.

⟨14⟩

л. 23 об.

В особенности славилась в сем сочинении <«Жизнь Сифа, царя египетского»> речь главного мемфийского⁵ жреца, произнесенная при погребении царицы, матери Сифовой.

¹ в сынах своих должна (карандашом) ² Вписано, обведено чернилами. ³ кто не отгадал, что это Ломоносов! *зачеркнуто карандашом и чернилами.* ⁴ его в театр / театра ⁵ мемфисского (карандашом)

<15>

Он <Фонвизин> не был рожден поэтом, ни даже искусным стихотворцем, хотя и оставил несколько || хороших сатирических стихов в «Послании к слугам» и в басне «Лисица-кознодей». В одном письме к Елагину он сам говорит: «Пишу стихи, которые стóят мне не только незреченного труда, но и головной болезни, так что лекарь мой предписал мне в диэте отнюдь не пить английского пива и не писать стихов».

л. 25-25 об.

Ф. Виз. не был рожден поэтом! Да кого же после можно назвать более поэтом? Позвая его в воззрени. Если бы ему не удалось написать ни одного стиха—все-таки по воззрениям он подлинный поэт: без этого убеждения и Вы не захотели бы писать о нем (Пл 1)

<16>

В прежнее время менее могли надеяться на силу событий, на силу нравственную, еще не обдержанную, еще мало утвердившуюся: тяжба просвещения и образованности тогда не была еще решена большинством голосов и торжеством истины над предрассудками. Нужны были голоса, и каждое лицо надежное было на примете, завербовано и задобрено отличиями. Тогда просвещение об||разовало раскол: а в каждом расколе обнаруживаются жар, пристрастие, деятельность. Ныне просвещение — господствующая вера в нравственном мире, и потому оно спокойнее. Эпохи, подобные прежней, благоприятны для личного честолюбия. По крайней мере мы видим, что автор наш вышел в люди сам собою: кажется, ни родственные связи, ни счастливые случайности не проложили ему попутных следов.

л. 26 об.

л. 27

Прекрасно!

Не проложили попутных следов (Пл 1)

<17>

К сожалению, покровительство вышних не всегда бывает без примеси неудовольствий для лиц, взысканных покровительством. Елагин, благоприятствуя Фон-Визину, был отменно хорошо расположен и к Лукину. Будущий комик наш никак не мог ужиться с автором комедий, ныне неизвестных, но имевших некогда свою цветущую эпоху. Лукин был, видно, прозорлив и старался задатком мстить при || начальнике сопернику, еще неведомому, который после должен был выжить успехи его с другого поприща. Фон-Визин в «Исповеди» говорит довольно под-

л. 28

л. 28 об.

Мстить задатком (Пл 1)

робно и с чувством живейшего оскорбления о неудовольствиях, нанесенных ему Лукиным в доме Елагина. В письмах его отыскиваем и другие свидетельства сей неприязни. У Лукина не было ладов¹ с совместниками, в которых видел он опасных соперников.

⟨18⟩

л. 30 об.

И пыне Москва, в некотором отношении, все еще метрополия старины: при всех изменениях нового общежития, * в ней еще устоял древний Капитолий русского быта.

⟨19⟩

л. 31

Сии Петербургские философические обеды у какого-то князя ***, подобие парижских обедов барона Гольбаха; этот Чеб. . . , другой Нежон, Дидеротовский приятель, который, встретясь с гвардейским унтер-офицером на гостинном дворе, приветствует его словом, которым сам Дидерот, сказывают, в бытность свою в Петербурге, после жаркого обеда, приветствовал преосвященного Платона² — все это кидает живые краски на эпоху и отзвечивает обществу наше самым любопытным образом. Вскоре однако ж молодой Фон-Визин, уже и до того, как видим из слов его, недовольный сомнениями, испуганный безнадежностью разглашаемого учения и тоскующий по изысканию³ истины более отрадной, || нашел в Теплове вожакого, который подкрепил испытываемые усилия его и обратил их к цели, обещающей в награду, по крайней мере, упование.

NB

л. 31 об.

⟨20⟩

л. 31 об.

Впрочем, если обратить внимание на раскаяние его в соблазне, который мог он нанести шутками, рассыпанными в «Послании к слугам» и в некоторых сценах «Бригадира», то должно заметить, что и в позднейшем творении его «Не-

¹ Лукин не был в миролюбивых сношениях ² который, встретясь с гвардейским унтер-офицером ~ преосвященного Платона *взято в скобки и отчеркнуто цензором.* ³ изысканиями (карандашом)

доросль», роль Кутейкина могла бы также смутить православие несколько строгих читателей. Роль сия замечательна как вывеска эпохи: здесь вспомнишь определение Этьеня, комика Французского: «комедия история народов». Ныне комический писатель не осмелился бы выставить подобное лицо на посмешище зрителей; а в то время Фон-Визин, даже и по обращении своем, парисовал его шутливым пером и вывел на сцену, не боясь ни цензуры совести, ни совестливости цензуры.

<21>

Как раскаяние его <Фонвизина> ни назидательно и ни почтенно, если оно произвольное изливание сердца, но все можно заштитить его от самого себя¹ и от упреков слишком пугливой совести.

<22>

В рассуждении наблюдения нравов и духа времени весьма важен успех, увенчавший комедию «Бригадир» в избранном кругу именитостей тогдашнего общества. Фон-Визин подробно рассказывает о том в своей «Исповеди». Начиная от государыни и молодого наследника, все первейшие лица в Петербурге наперерыв приглашали автора и слушали чтение комедии его. Может быть, не в первый ли раз случилось тогда Русскому автору быть в моде. Ломоносов и Сумароков пользовались уважением и славою; но едва ли честолюбию их приносимы были сии мелочные, но соблазнительные дани, которые, так сказать, ручнее и употребительнее. К тому же Ломоносов самым свойством дарований и занятий своих не мог быть светским человеком; Сумароков по уму своему, напротив, хотя и мог играть блестящее лицо в обществе, но неуживчивость его и, вероятно, другие несообразности в нраве вредили ему в удержании за собою места, на которое он по другим отношениям имел несомненные права. — Слава, награды, утверждаемые временем, похожи на недвижимые имущества, которыми пользуешься медленно и продолжи-

Комедия история народов №. История говорит о прошлом, а комедия рисует единственно настоящее (Пл 1)

л. 32

л. 32 об.

Не лучше ли от него самого! По крайней мере правильнее (С)

л. 33

л. 33 об.

Дани ручнее и употребительнее (Пл 1)

¹ от него самого

тельно; молва, упоения тщеславия похожи на реализованные капиталы, которые скорее уплывают, но за то проживаются веселее. Можно сказать в этом отношении, что Фон-Визин пожил на своем веку. Русский автор, который с бала во дворец приглашается Екатериною в приближенное общество ее, читает перед нею свою комедию, заслуживает одобрение высокой || слушательницы, есть событие, которое авторское поколение может внести в летопись своих блестящих воспоминаний.

л. 34

Русский автор... есть событие (Пл 1)

⟨23⟩

л. 34

Монтескье сказал, что честь — душа монархического правления; можно прибавить: * и почести. Когда обратишь внимание на содержание и краски комедии, о которой идет речь, то удача ее еще замечательнее. Оценка двора сему произведению была совершенно¹ бескорыстная. Мы уже заметили, что картина нравов, в ней <комедии «Бригадир»> выставленная, есть картина совершенно чуждая обществу, которому она была представлена.

?

От того то и хвалили, что осмеян был только сосед. (Л)

⟨24⟩

л. 34 об.

л. 35

Кажется эти два слова лишние (N)

С другой стороны, может ли литература наша, как и другие отрасли промышленности народной, обойтись без поощре||ния, без поощрений Меценатовских, довольствуясь быть под² покровом общих законов, в числе прочих ремесл, искусств и промыслов позволенных?

⟨25⟩

л. 35

Жаль, что автор <Фонвизин> не успел закончить своих записок и что прекращаются они почти до вступления его в новую сферу — в сферу разнообразнейшей деятельности. Может быть однако ж и самое полное исполнение плана, предначертанного им себе в составлении оных, не удовлетворило бы совершенно всем требованиям любопытства нашего.

¹ совершенно вычеркнуто.
и вычеркнуто чернилами.

² быть под взято карандашом в скобки

Но, несмотря на сокращения, на многие изъятия и вообще на какую-то совестливость и целомудрие, свойственные русским писателям, никогда ничего не договаривающим, несмотря на все сии недостатки, которые, вероятно, лишили бы записки его <Фонвизина> многих запасов, драгоценных для истории гражданства, общежития и литературы в России, мы должны, дорожа тем, что есть, жалеть о том, что не было дописано. Мы не имеем *средних веков* * ни в государственном, ни в общежительском бытии. В первом наша давность не заходит за царствование Петра и во многом начинается от Екатерины. По счастью, эпитет *Великий* придан справедливостью и благодарностью народною обоим родоначальникам.¹ В другом отношении, все вчерашнее, все сегодняшнее, а еще более все завтрашнее. Житницы преданий наших пусты, и если надеять||ся на жатву для наших романов, исторических комедий, биографий лиц и общества, то разве на ту, которая зеленеет еще в глазах наших. Теперь никак не свяжешь настоящего с прошедшим, упований с преданиями; никак не сведешь концов с концами. Личности так мало отделяются у нас от толпы, все так уравнено, или так изглажено, что мы должны дорожить и малейшими оконечностями, которые выдаются наружу. На голой степи и мелкая лоза служит внимательному путнику указательною вехою и отрадою праздному зрению. Признаюсь, большую часть² изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов *записок*, за несколько *Несторских летописей* тех событий, правов и лиц, коими пренебрегает история. Наш язык, может быть, не был бы столь обработан, стих наш столь звучен; но тогда была бы у нас не одна *словесность*, но и³ *литература* со всеми своими богатыми последствиями.

л. 35 об.

НВ?

Прекрасно

л. 36

?

Какая же разница между л(итературой) и с(ловесностью)?
(С)

¹ По счастью, эпитет *Великий* ~ обоим родоначальникам *вычеркнуто*.
² *Далее вставлено*: так называемой. ³ но и / *изящная*, но и *голословная*, а была бы и живая

Глава IV

л. 36 об.

это слово имеет смысл многократного действия, а тут нужно выразить однократнос² (С)

время настоящее, а тут нужно прошедшее: такое как наприм. в слове *обдумыванный*⁴ (С)

л. 37

Не ясно, в чем именно *первое* и в чем *второе* сочетание? (Л)

Между литературными трудами, обозначившими период жизни, рассмотренный нами, перевод «Иосифа», повести, писанной Г-ном Битобе,¹ заслуживает особенное упоминание.³ Он и ныне еще находится в книжной торговле и перепечатан в 1819-м году. В предисловии переводчик излагает мысли о затруднениях, встретившихся в труде, им совершенном. Любопытно остановиться на них, ибо они касаются до запроса, много раз решанного и донныне еще не решенного.⁵ Оно тем более любопытно, что по каким-то преданиям Фон-Визин почитается у нас после Ломоносова первым писателем, умевшим сочетать языки славянский и русский. Новиков сказал о сем переводе, что переводчик «держался в нем важности славянского и чистоты русского языка». С его слов все повторили то же. Во-первых, кажется, должно бы обозначить, о каком сочетании идет здесь дело, ибо нельзя же определить, что в русском языке нет *важности*, или в || славянском *чистоты*, ему свойственной. Есть сочетание слов,⁶ и есть сочетание форм, оборотов, свойств двух языков, или даже одного и того же языка, но изменившегося в постепенных своих возрастах. Первое сочетание полезно и даже необходимо: нет ни единого языка, родившегося как Минерва из головы Юпитера, или как воины Кадма, в поре мужества и во всеоружии. Каждый язык разрастался отраслями, листьями и плодами при содействии времени, трудов и прививок. Второе сочетание несбыточно и нежелательно: оно не может быть естественно и, следовательно, не будет изящно. В языках не бывает *сросшихся сямцев*, и тем лучше: ибо такой язык был бы урод. Первого сочетания держались и держатся все писатели наши;

¹ писанной Г-ном Битобе / сочинения Битобе ² *Примечание к слову* упоминание. ³ особенную отметку ⁴ *Примечание к слову* решанного. ⁵ много раз ~ решенного / который много раз решали и ⟨который⟩ донныне еще не решен. ⁶ одних слов

второго не нахожу нигде, ни у Ломоносова, ни у Кострова, ни у самого Петрова, который всех откровеннее поработался славянскому игу. Говорю нигде; ибо не признаю за *сочетание* то, в чем нет *согласия*. Можно найти во многих писател||ях наших насильственное и частное сопряжение двух языков, но тогда вспомнишь стихи баснописца:

л. 37 об

Диковинка ль всегда в упряжке быть одной,
А розно жить душой.

<28>

Язык славянский * имел у нас двух ходатеев за себя: Ломоносова и Карамзина. Поэтическое чувство и музыкальное ухо первого не могли сносить терпеливо нестройность языка, который господствовал между современниками его. Смесь малороссийских, польских и немецких слов дико звучала в тогдашнем книжном наречии. Поэт и оратор, Ломоносов должен был предпочесть ему на первый случай язык священных книг наших и начал проповедовать учение его, которое, впрочем, полезно || и необходимо, но не должно слепо и исключительно держаться слов его. Повторять за ним безусловно то, что говорил он о пользе славянских книг — то же, что ограничиться чтением псалтири и арифметики Магницкого потому, что он называл их *воротами учености своей*. Но, всегда оставаясь в воротах, не далеко уйдешь. Карамзин другими, почти противоположными,¹ средствами пробудил старинную тягбу: он постиг тайну,² что для размножения читателей должно образовать язык общежития, не допуская существования *языка книжного* отдельно от первого, доступного только малому числу посвященных в таинства его; он уразумел, что писатели народа образованного не должны походить на жрецов древнего Египта: им, может статься, была выгода быть загадками для народа, но другим нет выгоды морочить читателей, имеющих полное право понимать то, что для них пишется.

л. 38

л. 38 об.

Близость или отдаленность языка книжного от разговорного не зависит ли больше от характера просвещения эпохи, чем от характера писателя? — (Л)

¹ противоположными (*карандашом*) ² понял

⟨29⟩

л. 39 об.

В начале повести переводчик говорит: «Свободное слово мое возвышенным стихотворства* языком вещати будет».

⟨30⟩

л. 43 об.

Слова Mirabeau: la petite morale tue la grande

Напрасно говорил Мирабо, что общая нравственность убивает частную (la grande morale tue la petite).¹ Нет ни двух нравственностей, ни двух политик.

⟨31⟩

л. 45 об.

Следуя сему указанию, кажется, не излишним * будет обойти круг общежития, в котором Фоп-Визин занимал столь почетное место.

⟨32⟩

л. 46

Политического гражданства
(II л 1)

Избранный в предводители депутатской комиссии, собранной для составления проекта нового уложения, он ⟨Фонвизин⟩, можно сказать, увековечил имя свое вместе с памятью мгновения, столь важного в летописях нашего политического гражданства.

⟨33⟩

л. 46 об.

⟨. . .⟩ противопоставленные усилия ⟨. . .⟩.²

⟨34⟩

л. 46 об.

л. 47

⟨. . .⟩ развитием патриотических чувств, смятых унынием и оцепеневших ужасом,³ оживает он ⟨Бибилов⟩ упавший дух || губерний ⟨. . .⟩.

⟨35⟩

л. 47

Наконец, обстоятельства ему ⟨Бибилову⟩ подвластны: он наносит первые и решительные удары мятежу и еще раз вписывает имя свое на скрижалях внимательного и благодарного оте-

¹ что общая нравственность ~ la petite) / о какой-то вражде между нравственностью общей и частною. ² противопоставленные (чернилами по карандашу) ³ от ужаса (чернилами по карандашу)

чества. Но здесь пресекается поприще военного и гражданского героя. Завистливая судьба не дает ему и здесь * довершить начатый подвиг. На 44-м году жизни блестящей, краткой, но богатой делами, смерть, после нескольких дней болезни, настигает его в бедном Татарском селении, вдали семейства и друзей. И орден св. Андрея Первозванного, посланный ему Екатериною в награду новых заслуг, уже не застав его в живых, обращается ему в одну почесть погребальную.

⟨36⟩

Нельзя без уважения обратить внимания на литературные труды его ⟨Я. И. Булгакова⟩, служившие ему деятельным отдохновением от разнообразных и по важности политических событий весьма многосложных государственных занятий.¹ л. 52

⟨37⟩

В письме ⟨Я. И. Булгакова Фонвизину⟩ от 26 июня 1773 ⟨...⟩ говорит он между прочим: «Если б в первом случае, который * дал мне познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мне попечения, отказали вы мне помощь вашу, я бы меньше, признаюсь, вас любил, но оставил бы в покое и тишине пользоваться всем хорошим в вашем месте, не требуя, чтобы вы уделили и на нас бедных света лучей, изливаемых на вас от солнца». л. 53 об.

⟨38⟩

⟨Из письма Я. И. Булгакова к Фонвизину от 26 июня 1773 г.⟩

Есть еще здесь человек, всякой чести достойный, и обещает вам первую ваканцию || на лоне Авраамле, если вы с ним покажете милость, показанную его собратиям. Вы догадаться можете, что я хочу говорить о попе посольства. Вам известно, что они все коротко знаются со | ценаура не пропустит ² .3 л. 53 об. л. 54

¹ от разнообразных ~ занятий / от государственных занятий, разнообразных и весьма многосложных по важности политических событий (карандашом обозначен порядок слов) ² Помета тщательно стерта.

Святым Духом.¹ Сей слуга божий и духовник посольства имел вдохновение, что его товарищам жалованье прибавлено, а он обойден. Приходит мне теперь до себя: но какой имею я мотив для побуждения вас за меня молеbstвовать? У бога, я не поп; у царя, вы сами ближе: а без них двух волос с головы не сгинет, или, чему я больше верю, не вырастет.² И так остается мне только доброе ваше сердце. Не созижду я на нем как на камне церкви, но основать могу госпиталь, где на старости кости мои (ибо в теле у меня и теперь недостаток) будут величать ваше имя».

<39>

л. 54
Кажется Морков (N)

Молодой Марков, коего имя облеклось после блестящею известностью на дипломатическом прище, находился тогда под начальством Сальдерна, министра нашего при польском дворе.

<40>

л. 56 об.
сказал (N)

Однажды, жалуясь на худое здоровье, || расстроенное прихотливостью его в настольных наслаждениях, говорил³ он <Стакельберг> забавно: «Si l'on pouvoit trouver quelque canaille qui digérât pour nous!».

<41>

л. 58

Группировав в картине нашей эти разнообразныя лица и отметив их по возможности чертами, собственно им * принадлежавшими, мы, кажется, успели пояснить и лицо, особенно внимание наше привлекающее.

<42>

л. 58

Переписка чиновника, в доверенности у могущего министра находящегося,⁴ есть верный и многозначительный оселок <...>.

¹ Вам известно ~ со Святым Духом *зачеркнуто цензором*. ² или, чему я больше верю, не вырастет *зачеркнуто цензором*. ³ сказал ⁴ в доверенности ~ находящегося / находящегося в доверенности у могущего министра (*порядок слов проставлен карандашом*)

<43>

Герой Бейдер, довершитель подвига, начатого приятелем его Бибиковым в низложении Пугачевского мятежа <П. И. Панин>, был человек ума твердого, строгой чести и характера непреклонного.

л. 58 об.

№

<44>

Слог его <П. И. Панина> несколько тяжел, выражения часто темны; но из-под грубой коры пробиваются мысли светлые и чувства * всегда благородные.

л. 61

<45>

<Письмо Фонвизина к П. И. Панину от 7 февраля 1772 г.>

Не могу довольно изъяснить, с какою сердечною радостью отправляю я здесь к вашему сиятельству все обещанное мною на прошедшей почте. Вы, М. Г., увидите тут истинное торжество брата вашего: положение всех дел приняло вдруг для нас новый, славный и полезный оборот; неукротимый венский двор, почитавший до сего дня все наши резоны недостойными своего внимания, приемлет уже их за доказательства геометрические, почитает кондиции наши справедливыми и признает систему нашу нейтральною. Все сие есть действие душевной твердости брата вашего, которому отечество наше одолжено будет миром, возводящим его на верх славы и блаженства.

л. 62 об.

л. 63

В подлин. см. (N)

<46>

<Из письма Фонвизина к П. И. Панину от 17 апреля 1772 г.>

Вот, М. Г., что венский двор себе открыть хочет: || «Часть Краковского воеводства по правую сторону Вислы, от Биала вдоль по сей реке до Сендомира, а оттуда вперед до супротив Сволена по реке Випперге; оттуда до Баркова в угол, где соединяются границы воеводства Люблинского, Красно-Русского и воеводства Брцеского и где впадает в сию реку рукав дру-

л. 63 об.

л. 64

Должен быть Вепрж или Вепржик (N)

Ержэстского (N)

гой реки, начинающейся на границе воеводства Брцеского, до сего последнего воеводства и Великой Литвы <...>».

<47>

л. 64 об.

<...> мне кажется, что хотя требование венское и великовато, но с некоторыми малыми выключениями можно нам на оное согласиться; ибо за сию цену купим мы прекращение большой войны, нас изнуряющей, купим прекращение * польских мятежей, которые отвлекают наше внимание от других дел и причиняют нам лишние хлопоты и непрестанную заботу.

<48>

<Из письма Фонвизина к П. И. Панину. Петергоф, 26 июня 1772 г.>

л. 65 об.

Главнокомандующий нашими силами в Архипелаге рассудил за благо публиковать манифест, который В. С. изволите найти в приложенных при сем гамбургских газетах. Противу военных прав, принятых всею Европою, почитает он между запрещенными товарами и съестными припасы. Сие самое [взволновало все европейские державы, а особливо ненавидящую нас Францию. Она первая принесла ныне жалобы двору нашему на такое запрещение. Чем бы дело сие не кончилось, но и то сказать надобно, что если флот наш не будет неприятеля мучить голодом, не пуская к нему съестных припасов, то ему в Архипелаге и делать будет нечего: ибо атаковать силою неприятеля он отнюдь не в состоянии. Напротив того, не пропуская неутральных держав судов с хлебом, должно поспориться с ними, а может быть — и подраться; в каком случае бой для нас не равен будет. Случай в самом деле замечательный, и я для любопытства В. С. не пропущу, конечно, сообщить вам, какие меры здесь по сему приняты будут. *

л. 66

№

В приложенных при сем из Варшавы письмах В. С. найти изволите, сколь нежно положение наше и с австрийцами.

<Из письма Фонвизина к П. И. Панину

(без даты)>

Впрочем, хула невежд, которыми свет столько изобилует, не может оскорблять истинных достоинств, равно как и похвала от невежд цены оным не прибавляет. Сие привело мне на мысль два стишка || г. Сумарокова, заключающие в себе сию истину:

л. 68

л. 68 об.

Достоинной похвалы невежи не умалят;
А то не похвала, когда невежи хвалят.

ВВ

Рассказывают, что Фон-Визин, искав милости в князе Потемкине, был готов предать ему любовь и благодарность свою к графу Никите Ивановичу Панину; что, забавляя вельможу, передражничал он пред ним своего начальника и покровителя; но что Потемкин, по своею правию и непостоянству прихотей своих, скоро наскучил искательствами нового поклонника и выжидал только случая проводить его от себя с оскорблением. Случай сей скоро подоспел: однажды жаловался он пред Фон-Визиним на толпу докучников и льстецов, которые без отбоя осаждают его. Фон-Визин советовал ему в сем случае следовать примеру государственных людей в других землях, которые в кабинетах своих недоступны для праздношатающихся искателей. Потемкин обещал воспользоваться советом его — и || тут же дал приказание вперед не впускать к себе Фон-Визина. <...> Из всего этого рассказа можно допустить только два обстоятельства: не мудрено, что Фон-Визин, который имел дар передражничания, представлял в лицах и начальника своего — шутка невинная! Еще сбыточнее и то, что князь Потемкин, известный неровностию и права своего, то обходительный, то неприступный, то ласковый до обольщения, то || высокомерный до обиды, сперва приласкал Фон-Визина, уважая ум его; а после охладил к нему и даже рад был оскорбить в нем человека, преданного санов-

л. 72 об.

л. 73

л. 73 об.

нику, коему он недоброжелательствовал. Сии предположения, по крайней мере, основаны на вероятности; но все прочее, предосудительное для чести Фон-Визина, оспаривается приведенными здесь свидетельствами и должно быть приписано к выдумкам клеветы.

*

<51>

л. 74 об.

Четвертое путешествие его <Фонвизина>, предпринятое им в 1786 году, имело целию поправление здоровья. Пробыв в Вене несколько месяцев, ездил он в Карлсбад для пользования¹ целительными водами.

лечиться

<52>

л. 75

<...> сын не может быть никогда судиею отца своего; не ему замечать его недостатки, исправлять его погрешности, противодействовать² его склонностям.

<53>

л. 75 об.

Требуем от писателя не упрямства, не ложной верности к мнимым обязательствам, не превратного толкования понятий о чести, но основательности и твердости. Их не много, но есть несколько истин несомнительных, правил непреложных, коих святость ненарушима, несмотря на частные, на случайные последствия,³ независямые от воли людей.

ПВ

<54>

л. 76

Нет сомнения, что врач, не ободряемый упованием в пользу искусства своего, воин слишком сострадательный, слишком совестный пред неприятелем и мнительный писатель, робеющий торжества⁴ тяжбы, коей он присяжный ходатай, равно погрешают пред своими обязанностями, равно предатели своих обетов.

¹-для пользования целительными *взято карандашом в скобки*; для пользования *вычеркнуто чернилами; чернилами по карандашу, на полях* лечиться. § ² противодействовать (*карандашом*) ³ Их не много ~ случайные последствия / Немного таких истин несомнительных, немного таких правил непреложных, коих святость ненарушима, несмотря на частные, на случайные и противоречащие последствия ⁴ *робеющий пред торжеством. На полях карандашная помета, тщательно зачеркнутая.*

<...> тем строже судим мы мнения писателя, который, в частной и приятной переписке, мог высказывать впечатления и мнения свои наголо.

л. 76

Откровенно или чистосердечно. (X)

В брезгливости своей находит он <Фонвизин>, что Париж немножко почище свиного хлева; что людям, не вовсе оскотинившимся, переносить нечистоту его весьма трудно;¹ что во всей Франции столовое белье так мерзко, что праздничное у знатных людей хуже того, которое у нас в бедных домах в будни подается; что оно так скверно вымыто, что гадко рот утереть; жалуется,² что дыры на салфетках зашиты голубыми нитками. Одним словом, анекдот путешественника, который, проезжая || через один немецкий город, нашел в гостинице рыжую женщину, бывшую мальчика, и записал в своих путевых записках: здесь все женщины рыжи и сердиты — может совершенно быть применен к большей части наблюдений Фон-Визина.

л. 77

Нечистота Парижа вошла в пословицу — *voyez Voltaire, Mercier, Stern etc.*

Славного Dr Johnson

л. 77 об.

франц.³

Даламберта, Дидерота, Мармонтеля описывает он <Фонвизин> шарлатанами, обманывающими народ за деньги, побродягами, таскающимися по передним вельмож для испрашивания милостыни,⁴ — Даламберта, коего бескорыстие обратило на него внимание Европы, когда он отказался от обольстительного приглашения Екатерины, желавшей ему поручить воспитание наследника престола, и от убедительных увещаний прусского короля, предлагавшего ему место в Берлинской академии! <...> Неужели Фон-Визин не знал того, что знала * вся Европа — не знал, что императрица, предлагая Далам-

л. 78

В

¹ В брезгливости своей ~ весьма трудно / Понимаем брезгливость его, когда он находит, что Париж немного почище свиного хлева, ибо нечистота Парижа, особенно тогдашнего, засвидетельствована большинством голосов; что людям, не *вовсе оскотинившимся*, переносить нечистоту его весьма трудно; но мудро поверить ² жалуется / далее жалуется он ³ *Вписано над словом немецкий.* ⁴ таскающимися ~ милостыни *подчеркнуто чернилами.*

берту 100 000 рублей ежегодного оклада, приглашала его приехать в Петербург со всеми приятелями своими, обещая ему и им все удобства и приятности, от нее зависящие; и, может быть, прибавляет она, — более свободы и спокойствия, нежели имеете вы у себя.

<58>

л. 78 об.

Отзыв очень любопытный и вовсе не оскорбительный. — Даламб. <ер> и Кондорсет имели подлинную наружность. Первый был известен своим буффонством

Почтешь ли следующий отзыв отзывом литератора: «Из всех ученых более всех удивил меня Даламберт: я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премерзкую фигуру и преподлинную физиогномию!» Имея недостаток весьма ограниченный, он и в нем по умеренности желаний своих находил еще избыток и уделял его на благотворения.¹ И что же могло побудить Фон-Визина противоречить таким образом общему мнению, общему убеждению? Приезд в Париж русского полковника, брата одного из петербургских временщиков, к которому явились Даламберт, Мармонтель и другие, для засвидетельствования нижайшего почтения и будто с тем, чтобы чрез него доставить подарки от нишего двора.

<59>

л. 79

Польская дама, — полячка. Полька, Палагея

но полька нежнее, а полячка только что не браня (С)

Обязательства, или как-нибудь иначе (Л)

А мне кажется лучше оставить **закабаления**: **обязательство** не выразит того же (С)

Одна полька,² говоря мне о соотечественниках своих, которые в бурные времена республики бывали на жалованьи у разных дворов, защищала их тем, что не корыстолюбие было причиною сего закабаления, потому что нередко богатейшие паны получали весьма умеренные пенсии, но необходимость принадлежать к одной или к другой партии заставляла брать сии пенсии, как в древности давали за себя аманатов в залог верности. Писатели, о коих мы говорим, были в положении сходном. Тогда мыслящая Франция и республика литературы разделены были * на две партии: так называемые философы-энциклопедисты были главами одной; другая была безымянная и дарования ее предводителей * не могли дать

¹ Имея недостаток весьма ограниченный ~ уделял его на благотворения *вычеркнуто при дальнейшей работе над рукописью.* * ² польская патриотка

ей ни победы, ни самобытной известности. Из многочисленной фаланги ее отпрынули одни имена, заклеянные язвительными пасмешками Вольтера.

<60>

Кажется, никогда предубеждение, ожесточение и фанатизм ненависти не доходили до подобного иступления. Фреры, Ноты должны казаться хладнокровными, и разве один граф Мейстер мог перещеголять Фон-Визина, и то призывая на помощь палача.¹ Во время пребывания путешественника <Фонвизина> в Париже, приезжал Вольтер. Восторги, поклонение, апофеоз заживо, которыми приветствовала его благодарность сограждан,² сие торжество, напоминающее народные празднества древней Греции, не возбудили никакого умиления³ в душе писателя. Крики упоенной публики в театре: vive Voltaire! кажутся ему неблагопристойными,⁴ и вместо того, чтобы в лице его участвовать в торжестве, приносящем честь всем авторским заслугам, он, как будто чуждый сим заслугам,* дивится, что народ может гордиться своим писателем и приносить ему дань удивления и любви.

<61>

Имена Болинброка, Гюма, Гиббона, Адама Смита, Франклина, Стерна, Беккария, Альфieri, Гальяни, герцога Браганцского, || принцев крови, коронованных глав и многих других встречаются в протоколах Парижского общества. Мнение Гиббона о французах, мнение, которое нельзя приписывать ни пристрастию, ни легкомыслию, достойно быть здесь упомянуто; тем более дорожу им, что оно служит мне спорю в обвинениях моих на Фон-Визина: Vous direz (Mémoires de Gibbon).⁵ В опровержение

л. 79 об.

!

Описание Вольтерова торжества в Ф. В. превосходно, и есть исторический документ. О Вольтере Ф. В. везде отзывается не только с уважением, но и с явной симпатией.

л. 79 об.

л. 80

Сам ты Гиббон

¹ и то призывая на помощь палача *вычеркнуто (чернилами по карандашу)*. *Рукой Вяземского*: и то когда он воздвигал памятник Вольтеру рукою палача. ² приветствовала его благодарностью сограждан, приветствовали его сограждане ³ сочувствия ⁴ неблагопристойными *взято Пушкиным в скобки карандашом*. ⁵ Mémoires de Gibbon / tout ce qu'il vous plaira de la frivolité des Français, mais je vous assure qu'en quinze jours passés à Paris, j'ai assisté à plus de conversations bonnes à retenir, et vu plus d'hommes de lettres parmi les gens comme il faut, qu'il ne m'est arrivé à Londres dans deux ou trois hivers (Lettre de M. Gibbon à M-me Gibbon, sa belle-mère. Paris, le 12 Février, 1763)

злословия Фон-Визина о корифеях Французской * литературы приведем свидетельство княгини Дашковой из записок, оставленных ею.

⟨62⟩

л. 80 об.

№

Мне приятно было резким приговорам Фон-Визина противопоставить благонамеренный отзыв нашей же соотечественницы: это будет примирительное, очистительное жертвоприношение от лица русских¹ памяти мужей, которые имели свои заблуждения и погрешности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвещения и следовательно человечеству. Можно указать еще и на «Письма русского путешественника», писанные без педантизма, без догматической важности. Они содержат более истин и тонких наблюдений о Франции и французах, нежели письма Фон-Визина, которые писаны будто с кафедры во услышание и трепет грешников. В одном только * Карамзин сходится с ним: во мнении о физической нечистоте Парижа.

⟨63⟩

л. 81 об.

позволял отрокам

Сцена экзамена взята из Вольтерова *Jeanot & Collin*

Понимаем, что промышленникам чужою собственностью должно дорожить законом спартанским, который кражу ставил в числе гражданских добродетелей,² и жалеть, что сия мера государственного благочиния не внесена в уложение новейших законодательств; но напомним им, что и в Спарте уличение * кражи было наказываемо законом. А какой способ укрыться от уличения там, где простая очная ставка выводит похищение наружу? Мы слышали от старожилы литературы нашей, что в роле Стародума встречаются еще мозаические вставки из какой-то старинной повести, в коей описаны приключения американца или какого-то дикого. Из любви к истине и в звании присяжного биографа, коего беспристрастие есть первая обя-

¹ это ~ от лица русских / это будет от лица русских примирительное, очистительное жертвоприношение (знаки изменения порядка слов — чернилами по карандашу) ² который ~ добродетелей взято Пушкиным в скобки (карандашом); вычеркнуто чернилами; на полях (чернилами по карандашу): позволяющим отрокам воровать.

занность, мы рылись в некоторых старинных книгах и не нашли следов к подтверждению сей улики.

<64>

Нет сомнения, что Сен-Жермень был шарлатан; но одним шарлатанством не мог бы он добиться до известности, которою пользовался <...>. || Тайна, облакавшая сего наставника знаменитого Калиостро, и гонимые совершенно не разрешена. Правда, что мы с того времени видели на театре света столько кудесников и столько чудес всякого рода, пред коими чудеса алхимии ясны как дважды два четыре, что любопытство наше успело опостылеть к сим волшебникам второстепенным. Но не менее того, иногда хотелось бы найти в тысяче и одних записках исторических, раскрывающих¹ * пред нами всю подноготную человеческого рода, разрешение загадок, которые под именем Железной Маски, Сен-Жерменя и других были брошены сфинксом старины² на мучение или одурачивание неутомимых Единцов.

л. 82 об.

**И шпнок. Смотри Са-
занова**

л. 83

NB

сф. <никсом> — молвою

<65>

Тем более биограф Фон-Визина обязан был упомянуть о сей связи, что в сведениях, доставленных ему г. Клостерманом, почерпнул он несколько любопытных подробностей о жизни, им описываемой, а в слезах его, и ныне еще брызгающих³ при имени автора, удостоверение, что Фон-Визин умел вселять к себе приязнь и уважение и выбирать своих приятелей.

л. 83

<66>

В Италии путешественник наш был нрава⁴ поблагосклоннее. Если он и в ней к людям не очень снисходителен, то по крайней мере художества, великие памятники искусств пробуждают в нем сочувствия, его достойные. Из уважения к сим благородным впечатлениям не станем, подражая ему, слишком ссориться с ним за

л. 83 об.

¹ Исправлено чернилами по карандашу: тысяче и одной исторической записке, раскрывающей и т. д. ² старины взято в скобки карандашом и вычеркнуто чернилами; чернилами: молвою. ³ брызгающих/ сверкающих в глазах его ⁴ нравом (чернилами по карандашу)

обыкновенные выходки его нетерпимости,¹ за резкие, ожесточенные приговоры, подводящие частные замечания, частные недостатки под общий знаменатель порицания и обвинения.

<67>

л. 83 об.

Но если это правда?

Будем ли иметь право изобличать пред судом Европы недоброжелательство Масона, Кларка и других ему подобных, если не подосадуем на соотечественника своего, когда он, например, говорит, «что честных людей во всей Италии, по истине сказать, так мало, что можно жить несколько лет и ни одного не встретить; что господа делают с своими холопьями деньги, которые они последние получают от приезжих; что в знатнейших домах должно пройти несколько хлевов, чтобы добраться до гостинной; что в папских владениях застрелить человека или собаку все равно; что для человечества Рим есть земной ад!»²

<68>

л. 83 об.

л. 84

Но зато с удовольствием следуем за Фон-Визиним во храм Святого Петра, который кажется ему *создан богом для самого себя*, по галереям картин, по хранилищам || чудес искусства; смотрим на него с участием, когда он живет только * с картинами и статуями и боится, *чтобы самому не превратиться в бюст*: тут узнаем мы писателя, поклонника всего изящного, великого, который везде у себя, где может чувствовать прекрасное и постигать высокое.

<69>

л. 84

Политическое чудо — союз Австрии с Францией есть дело Берни и оно не маленькая интрига.

Сей представитель светского французского духовенства (кардинал Берни), добившийся некоторой знаменитости маленькими стишками и маленькими интригами,³ прозванный прусским королем *Бабетюю цветощницею* за излишне цветистые стихи, был тогда в Риме послом версальского двора. Впрочем, человек умный и лю-

¹ нетерпимости его (чернилами по карандашу) равно *вычеркнуто*; после земной ад *добавлено* и проч. ² что господа ~ все ³ и маленькими интригами *взято Пушкиным карандашом в скобки*.

безный, который, если трудами и смирением своим не пролагал верных следов ни к бессмертию славы, ни к вечности духовной, то, по крайней мере, временную жизнь умел усеять цветами, и приятными качествами общежития привлечь к себе любовь и уважение знавших его. «В целом Риме, — писал Фон-Визин к Клостерману, — в одном его доме можно встретиться с людьми и отобедать».

NB

<70>

<Из журнала путешествия
Фонвизина в Ригу, Бальдон и Митаву.
Суббота, 21 июля 1789 г.>

л. 87 об.

<...> увидел я лежащего человека, мужика моего хозяина. Обнаженная спина его, из которой текла кровь, показывала, что он был бит немилосердо. Я призвал хозяина и спросил: за что сей *человек так растерзан? Хозяин рассказал мне, что сей битой мужик был теперь на сенокосе, где чужой мужик, поссорясь с ним и будучи его сильнее, так бесчеловечно его изувечил.

<71>

<Там же, 26 июля>

<...> стал в трактире у Герцеля и послал Штендера за доктором Герцом, который, пришед ко мне, рассматривал с великим прилежанием состояние моей болезни и нашел, что четыре года совсем у меня пропали: ибо доктора лечили меня очень кавалерски. Он находил, что помочь мне может.

л. 88 об.

NB

<72>

<Там же, 28 июля>

Всех более одолжил меня молодой * доктор Штендер: ибо он не допустил меня до гнилой горячки и отдал меня на руки Герцу.

л. 89

<Т а м ж е, 19 а в г у с т а>

л. 91

<...> был доктор Герц и водил меня в ани-
мальную баню к мяснику, где я держал руку
в быке. Возвратясь домой и отдохнув несколько,
ездил я с Михайлом Алексеевичем прогуливаться.
Весь сей день воспоминание моего несчастья
возмущало мою душу. Доктор Герц и хирург В.
пускали мне подъязычную кровь.

*

Глава VII¹

переписать свою главу (N)

л. 91

л. 91 об.

в низу

< >

Приступая к рассмотрению двух комедий
Фон-Визина, поговорим вообще о нашей старой
комедии, которая, при всей ничтожности своей,
существеннее новейшей и, во всяком случае,
занимательнее. В настоящем² недостаток в жизни,
в образе, в оригинальности охлаждает и отбивает
внимание.

Темная фраза (Пл 1)

л. 91 об.

Прекрасно

Наша драма подкидывш. Перенесенная к нам
с чуждой почвы, она похожа на те деревья,
которые по вырубке втыкают в землю уже в пол-
ном их развитии. Конечно, хозяину нет труда
ходить за ними, возвращать, расправлять их; де-
рево, как дерево,³ но та беда, что в нем нет
прозябения: оно увядает, сохнет и хотя кое-где
и пробивается на нем уцелевшая зелень, но не
ждите от него ни тени, ни плода, ни отпрысков.

л. 92 об.

сделалась разговором (вышла
прекрасно, если бы слова из
действия не мутили смысла)
(С)

Если комедия есть род повести в действии,
зеркало, в котором драматически отражаются
общество и ежедневные события его, то мы
комедии не имеем. Из действия в разговорах
комедия наша вышла⁴ разговор в действии или
в движении.

¹ Глава VII зачеркнуто карандашом; ниже: О нашей старой комедии.
Помета стерта. ² Далее добавлено: и близком к нам ³ Исправ-
лены карандашом пунктуация: расправлять их: дерево как дерево;
⁴ обратилась в

За неумением составлять верные списки с живых подлинников, комики наши не умели даже¹ создать и условленных лиц, заставить масками, кои на сценах иноплеменных под именами арлекинов, Криспинов, испанских грациозо и многих других заменяют истинные лица существенного мира.

л. 93

№

<...> пока, наподобие мудреца, начавшего ходить в опровержение софиста, который не признавал движения,² не пройдет на сцене нашей Мольер или Гольдони,³ пока не явится у нас писатель, который извлечет из нравов русских⁴ комические материалы, а из головы своей выждет мысль русской комедии, я позволю себе обнаружить несколько своих предположений.

л. 93

У нас почти нет общественной жизни: мы или домоседы, или действуем на поприще службы. На той и на другой сцене мы мало доступны преследованиям комиков: на первой из уважения к семейным тайнам; на второй из уважения, которое обязаны мы иметь к предметам государственным, и потому, что злоупотребления чиновников более подлежат ведению Правительствующего Сената, нежели комедии. Вот отчего, мимоходом будь сказано, «Ябеда», творение Капниста, хотя во многих отношениях достойная уважения и приближающаяся, сколько нравы наши дозволяют, к сатиро-политической комедии Аристофана, не поэма, а уголовное дело, коего развязка зависит не от соображения поэта, а от подведения указа. В общежитии мы очень чинны, мерны и опасливы в своих поступках и разговорах.⁵ Не только гласные события общества нашего, но

л. 93 об.

Не надобно (Λ)

¹ даже *вычеркнуто*. ² пока, наподобие мудреца, который начал ходить в опровержение софиста, отрицавшего движение и т. д., как в тексте. ³ Слово Гольдони взято в скобки карандашом и *вычеркнуто чернилами*; вписано: Шеридан, или по крайней мере Коцебу. ⁴ Исправлен (чернилами по карандашу) порядок слов: который из нравов русских извлечет. ⁵ В общежитии ~ разговорах *обведено карандашом*; к этой фразе относится помета.

и тайные хроники его не могут быть обильным источником драматических приключений. У нас мало огласок в общественной жизни; а драма любит соблазн, крутые перевероты в жребиях людей, любит междоусобия общегития.¹ Стройный, правильный, выравненный, симметрический, одноцветный, цельный Петербург² может некоторым образом служить эмблемою нашего общегития.

⟨80⟩

л. 94

Военный был или будет статским и обратно; он же и автор, он же и деревенский помещик, он же и купец, ибо торговля связана с помещичьими преимуществами.³ <...>

л. 94 об.

И заметьте еще, что собираются не игроки в собственном значении сего слова.⁴ Тут не увидите вы поэзии страсти, имеющей всегда и в безобразии своем поэтическую⁵ сторону: нет, тут одна холодная, механическая⁶ страсть, проза страсти во всей плоскости своей.

⟨81⟩

л. 94 об.

Вот отчего не наступают они грудью на пороки могущие⁷ и надменные, а вертятся около мелких и смиренных слабостей <...>.

⟨82⟩

л. 96

или Тебаиды или Фиванды
(V)

Но уничтожь Александровскую мануфактуру карт, запрети все игры, запри в столицах все английские клубы — и новые пещеры, новые Фебанды⁸ населятся добровольными изгнанниками.

⟨83⟩

л. 96

Взгляните на одну одежду актеров: что тут русского? В трескучие морозы они на открытом воздухе являються в тонком полотне и в кисейных

¹ *Вместо общегития вставлено: семейств и общегития.* Об этом жалеть нечего. Было сказано: счастливы народы, коих история скупа. Можно прибавить: счастливы общества, в коих комическим авторам мало поживы (подчеркнуто карандашом). ² Слово Петербург *Вяземским подчеркнуто, затем вычеркнуто.* ³ он же и купец ~ преимуществами / он же и промышленник, он же и купец ⁴ сего слова / слова, не живописные Бевверлен. ⁵ драматическую ⁶ маниакальная ⁷ На полях: затвердые. ⁸ *Исправлено карандашом в тексте: Фиванды.*

тюниках. Это то же, что наши русские богатыри в древних тогах.¹ Бородачи наши, глаза на чужестранную мимику, отвечают народным хохотом только при появлении русского бутوشника² и русской палки.

<84>

Все у них <авторов русской комедии> в обрез: л. 97 об.
нет перелива в красках; все действующие обращены к зрителям лицом к лицу; профилей нет, и потому зрителю угадывать нечего.³

<85>

[Мне] Известна одна только комедия, в которой подобное лицо <не боящееся адских мук> л. 98
[было бы у места] имело бы заслуженное место: это Дантова *divina comedia*. Но Лукин не Данте и комическая сцена не ад. *Чужеват*, лицо из не нужно переписать
упомянутой комедии Сумарокова «Опекун», боится по крайней мере ада, и говорит: «Кнута я не боюсь, да боюсь я вечной муки, а мне ее, как видно, не миновать». ⁴

<86>

Как не знать Доблестину <в комедии Веревкина «Так и должно»>, что участь колодника не может л. 99
зависеть от него, по крайней мере непосредственно.⁵

<87>

Можно ⁶ предположить, что вообще женщине и ⁷ трудно быть драматическим писателем; по крайней мере доньше не было примера.⁸ Женщины имеют свой ⁹ взгляд на жизнь, на общество, на людские пороки и слабости. При всей тонкости чувства, изощренного в сем поле ¹⁰ природою,¹¹ при всей верности их рассудка, когда он свобо-

¹ Весь фрагмент вписан Вяземским на полях. ² Исправлено карандашом: бутوشника. ³ нечего всматриваться. ⁴ Правка текста Вяземским, по-видимому, предшествует карандашным пометам. Слова: Чужеват ~ да боюсь *обведены карандашом и отмечены крестиком; к ним относится помета на полях.* ⁵ участь ~ непосредственно / колодник не властен по произволу своему переменить квартиру. ⁶ Вписано также. ⁷ и *вычеркнуто.* ⁸ по крайней мере ~ примера *вычеркнуто.* ⁹ свой / особенный ¹⁰ в сем поле / в них ¹¹ Далее вписано: и привычкою утаивать в себе впечатления свои.

деп,¹ они не имеют той постоянной, глубокомысленной наблюдательности, той опытности, которые необходимы судьбе. Женщины скорее и вернее нашего угадают человека, но хуже нашего узнают² его.

⟨88⟩

л. 99 об.

Уже самая мысль Екатерины: писать для театра — есть событие в истории искусства. Ее исторические представления в подражание Шекспиру (хотя в них шекспировского и немного), были у нас первыми романтическими опытами; они могли быть великолепными театральными зрелищами. Намерение счастливое и поэтическое! Жаль, что сей пример не был богаче последствиями. При скудости своей, наш театр мог бы оживиться и обнародоваться³ подобными представлениями. Вообще лирическое свойство поэзии нашей оказалось бы с успехом на сем поприще. Не довольствуясь подавать собою пример,⁴ императрица задавала драматические уроки и приближенным своим. Вследствие такой задачи княгиня Дашкова написала комедию. Вот что сама она говорит о ней⁵ в своих неизданных записках:⁶ «Вследствие⁷ некоторых сердечных огорчений она была в большом унынии духа; жизнь становилась ей в тягость и самые мрачные мысли витали в ней желание скорого конца <...>».

даванием⁴ Не довольствуясь тем, что подавала

⟨89⟩

л. 100 об.

Воскресить его <старый театр> на сцене, вероятно, уже невозможно; но выбрав для чтения из многотомного собрания его тома три или четыре, мы заплатили бы дань признательности и уважения к людям века минувшего, которые были не хуже нашего.

⟨90⟩

л. 101

Фон-Визин не был решительно драматиком, не был даже и комиком, каков Княжнин, который

¹ Далее вписано: и беспристрастен. ² знают ³ сделаться народным

⁴ Вписано карандашом над строкой; далее карандашом исправлено: примера. ⁵ Рукою Вяземского исправлено: преподаванием собою примера.

⁶ о ней зачеркнуто карандашом. ⁷ Вот ~ записках / Вот подробный рассказ о сем сочинении, извлеченный из неизданных записок княгини

⁸ После

был сильнее его в изобретении.¹ || <...> Кое-где <в «Бригадире»> встречаются шутки, так сказать, слишком заряженные; непомерный заряд в орудии не * дает удару достигнуть цели от безвременного и худо рассчитанного разрыва; шутка, слишком туго набитая, также минует свое назначение.²

Княжнин ничего не изобретал —

л. 102

ва³

<91>

В роле Советника заметил я противоречие, которое должно затруднить актера, его представляющего. В явлении признания в любви Бригадира говорит Советнику: «Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь — и долго ли тебе изнурыть свое тело?» В другом же явлении, когда Бригадир говорит ему об одном сослуживце своим *ростом чуть не вдвое выше его*, прибавляя, что когда он был моложе, народ был гораздо крупнее, то Советник отвечает ему: «*правда! и в нашей коллегии был один канцелярист чуть не впятеро меня толще!*» По этому указанию должно полагать, что автор для комического действия облакал Бригадира своего в богатырские формы, а Советника тучностью; что противоречит прежнему изображению. По преданию оказывается, что все это место относится до президента одной из коллегий, который любил великорослых и по росту назначал места подчиненным своим. <...>

л. 102 об.

Потому и смешно слово Бригадириши, что Советник толст (N)

Кажется, в Москве бригадирство погребено было смертью одних и почетною метемпсихозою прочих. Петербургские злоязычники называют Москву старую бригадиршею.⁴

<92>

Между тем и комическая сторона «Недоросля» не менее удачна. В сей драме заметен один не-

л. 103 об.

¹ каков Княжнин ~ изобретении / каков Княжнин, по крайней мере в художественном отношении последний был изобретательнее его в распоряжении, в хозяйственном устройстве комедии. ² непомерный заряд ~ значение / шутка, слишком туго набитая, как и орудие, не попадает в цель, а разрывается в сторону. ³ В первом слое правки Вяземский принял исправление: разрыва / варыва. ⁴ Весь отрывок В роле Советника ~ подчиненным своим вычеркнут. Исключение произведено после 1837 г., так как он еще есть в тексте «Современника» (1837, т. V, стр. 56—57). Петербургские злоязычники ~ старую Бригадиршею вписано.

достаток, уже замеченный выше: недостаток движения¹ и бездеятельность² события <...>.

Разговор ее <Простаковой> с портным Тришкой, или лучше сказать, поставленным в портные, исполнен комической силы, которая может равняться с лучшими образцами³ <...>. Поболее таких явлений — и Фон-Визин был бы величайшим комиком.⁴ Характер мужа в следующем явлении обрисовывается значительно и резко: за исключением одного двусмыслия, неприличного и слишком площадного,⁵ все явление очень хорошо.

grâcel. .

<93>

л. 104

мелодр. (N)

Скотинин — карикатура и слишком увеличенная.⁶ Он в роде театральных тиранов классической трагедии⁷ и говорит о любви своей к свиньям, как Димитрий Самозванец Сумарокова о любви к злодействам. Но сцена его с Митрофанушкой и Еремеевною очень забавна. Вообще характер мамы, хотя слегка⁸ обозначенный, удивительно верен: в нем много русской холопской оригинальности.

NB ?

<94>

л. 104

NB

л. 104 об.

Роль Стародума можно разделить на две части: в первой он решитель действия и развязки, если не содействием, то волею || своею; в другой он отвечает хору древней трагедии.⁹ В ней¹⁰ автор выразил несколько истин, изложил несколько мнений своих.

<95>

л. 105

разрезывает (N)

Правдин — чиновник; он развязывает¹¹ мечом закона сплетение действия, которое должно б быть развязано соображениями автора, а не

¹ изобретения ² неподвижность ³ которая ~ образцами *взято карандашом в скобки и вычеркнуто Вяземским.* ⁴ был бы один из величайших комиков. *Исправления — это и предыдущее — учтены в тексте «Современника» 1837 г.*

⁵ неприличного и слишком площадного *взято карандашом в скобки.* ⁶ и слишком увеличенная *взято в скобки и зачеркнуто карандашом.* ⁷ классической трагедии *взято в скобки карандашом.* ⁸ вскользь ⁹ отвечает ~ трагедии / лицо вставное, нравоучение, подобие хора в древней трагедии. ¹⁰ Тут ¹¹ развязывает *зачеркнуто карандашом.* *Исправлено Вяземским: разрезывает. В тексте «Современника» 1837 г. не учтено.*

правительственными¹ мерами наместника. <...>
Кутейкин, Цыфиркин и Вральман забавные карикатуры; последний и слишком карикатурен, хотя, к сожалению, и не совсем несбыточное дело, что в старину (и дай бог, если б только в старину)² немец-кучер попал в учителя в дом Простаковых.

<96>

Успех комедии «Недоросль» был решительный. Нравственное действие ее несомненно. Некоторые из имен действующих лиц сделались нарицательными и употребляются доныне в народном обращении. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют еще и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случилось встретить двух или трех живых экземпляров Митрофанушки.³ Вероятно, предание ложное, но и в самых ложных преданиях есть некоторый дух⁴ истины.⁵ Если правда, что князь Потемкин, после первого представления «Недоросля», сказал автору: «Умри Денис, или больше ничего уже не пиши!», то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фон-Визин не писал уже более для театра. Он далеко не дошел до Геркулесовых столпов драматического искусства; можно сказать, что он и не создал русской комедии, какова она быть должна; но и полуумок,⁶ особенно же при общих неудачах, есть уже важное событие. Шлегель, разбирая творения двух британских драматиков (Бомон и Флетчер), говорит, что они соорудили прекрасное здание, но только в предместьях поэзии, тогда как Шекспир в самом средоточии столицы основал свою царскую обитель. То же скажем и о трудах Фон-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застраивается, что если в некоторых новейших зданиях и оказывается более вкуса

л. 105 об.

Сравните это все с тем, что на 26 странице (Пл 1)

см. выше

¹ полицейскими ² и дай бог, если б только в старину *вычеркнуто цензором.* ³ встретить ~ Митрофанушки / встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть будто служившими образцом Фон-Визину (*правка Вяземского карандашом*) ⁴ отголосок ⁵ *Далее вставлено:* В «Бригадире» есть тоже намеки на живые лица, и между прочими на какого-то президента коллегии, который любил великорослых, и по росту определял подчиненных своих на места. ⁶ полуумок / то, что он совершил

не лишнее ли?

в архитектуре, лучшая отделка в частных принадлежностях, то в зодчестве Фон-Визина более прочности, уютности и принаровки к потребностям и климату отечественным; наконец, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидает царских¹ чертогов, для коих не родились достойные зрители.²

⟨97⟩

л. 106

вв

Я любил автора ⟨Грибоедова⟩, уважал ум и дарования его; вероятно, я один из тех, которые живее и глубже были поражены преждевременным и бедственным концом его; но сам автор знал, что я не безусловный поклонник комедии его; вероятно, даже увеличивал мою умеренность³ по щекотливости, свойственной авторскому самолюбию и по сплетням охотников, всегда ищущих случая разводить честных людей. Комедия Грибоедова не комедия нравов, а разве обычаев, и в этом отношении многие части картины превосходны. Если искать вывески современных нравов в Софии, единственном характере в комедии, коей все прочие лица портреты то в профиль, то в бюст, то во весь рост,⁴ то должно сказать, что эта вывеска поклеп на нравы, или исключение, неуместное на сцене. Действия в драме, как и в творениях Фон-Визина, нет, или еще и менее. Здесь почти все лица эпизодические, все явления выдвигаемые: их можно выдвинуть, вдвинуть, переместить, пополнить и нигде не заметишь ни трещины, ни приделки.

Тем вернее зеркало (Пл?)

⟨98⟩

л. 106 об.

Сатирический пыл, согревающий ⟨в «Горе от ума»⟩ многие явления, никогда не выдохнется; комическая веселость, с которою изображены многие частности, будут смешить и тех, которые не станут искать в сей комедии современного себе зеркала.⁵ Если она не⁶ сатира наша

¹ драматических ² строители ³ увеличивал мою умеренность / в глазах его умеренность моя сбивалась на недобрежелательство ⁴ портреты в профиль, в бюст, или во весь рост ⁵ современного себе зеркала / зеркала современному. ⁶ Вставлено: лучшая.

лучше написанная,¹ потому что небрежность языка и стихосложения доведены в ней иногда до непростительного своеволия, то² она сатира лучше и жарче всех³ обдуманная.

<99>

Может быть, у нас есть еще одна комедия, которую можно не сравнивать, а издали уподобить комедиям Фон-Визина: это «Вести, или убитый живой», сочинение графа Раstopчина. В ней нет искусства, но есть русская веселость и довольно верная съемка. Не понимаю, почему не имела она успеха на сцене и едва ли не⁴ совершенно упала в первое представление.

л. 107

<100>

Пока в самой «Исповеди» автора имели верного себе вожаго, мы шли за ним; но после, когда только изредка, сбивчиво и отдельно встречались нам указания, мы должны были отка-заться от постепенности в повествовании. Довольствуясь соображать разные виды и подводить⁵ их под одну точку зрения, мы старались более сосредоточивать события, нежели разви-вать их постепенно.

л. 107 об.

<101>

<Из письма Фонвизина к сестре 23 и 24 января 1766 г.>

Например, Ш., женатый на Руб., разводится с женою за самую || безделицу, а именно за то, что она в самый новый год приняла было намерение его поколотить. Он, не хотя в сей торжественный день быть от супруги своей битым и оставляя прошлогоднее свое дурачество, которое имел, претерпевая такие действия женина гнева, вздумал разводиться и тем пошел противу *самого бога*,⁶ который соединил их не-исповедимым своим промыслом.

л. 110 об.

л. 111

№

(печатать)⁷

¹ лучше написанная / в литературном отношении ² Вставлено: по крайней мере ³ жарче всех / живее всех прочих ⁴ едва ли не *взято в скобки карандашом и вычеркнуто чернилами.* ⁵ соображением разных видов и подведением (*чернилами по карандашу*) ⁶ самого бога *зачеркнуто цензором.* ⁷ Помета чернилами рукой Вяземского. Далее на

л. 111 об.

Дочь Графа П. Г. Чернышева помолвлена за брата Князя Василья¹ Борисовича Голицына.

л. 113 об.

Как мало у нас помнят старину! Где бы неизвестен был такой поступок? а кто у нас его знает? (N)

л. 114

Граф Панин, по окончании воспитания наследника престола, между многими щедротами, оказанными ему императрицею, получил богатые поместья. По редкому бескорыстию, которое могло бы показаться несбыточным, из 9000 душ, пожалованных ему в новоприобретенных областях, отдал он около 4000 душ трем секретарям своим: Фон-Визину, Бакунину и Убри. Приписывать ли сей поступок единственно щедрости графа Панина и благородной признательности || его за труды помощников своих в исполнении государственных обязанностей, столь блистательно награжденных, или причине политической, на которую указано в жизни Бибикова: но в том и другом случае поступок сей принадлежит истории.

л. 114 об.

В гардеробном списке его <Фонвизина> значатся: несколько бархатных кафтанов и суконных шитых золотом; пара платья весеннего бархата, пара перуановая летняя, парчевой шлафрок, тулуп на лисьем меху, клетчатую материею покрытый, и прочее. В домовых уборах, пожитках и добре всякого рода виден пристойный достаток, а в исчислении их мелочная точность. Ничего не забыто: от картин до разломанной вафельной доски!

Отец мой посетивший Ф.-В. <изи> на перед его смертью, говорит, что он был занят своими картинами более чем своими || сочинениями se qui est beau-coup dire
л. 115

л. 112—112 об. цензор отчеркнул большой фрагмент текста письма Фонвизина сестре и Арамакову: (Ныне страстная неделя ~ поведа мне сне видение), подчеркнув слова и бе видение страшно и поставив на полях NB. ¹ [Владимира] карандашом.

<105>

Сию быстроту и знойность¹ глаз сохранил он <Фонвизин> до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. л. 115 об.

<106>

Можно представить себе, как <...> || в сем дружеском и просвещенном ареопаге судимы были «Водопад» Державина, новый отрывок «Душеньки», «Рослав» Княжнина; как Фон-Визин, долго слушая выходки сего героического² нормандца, наконец спрашивает автора: когда же вырастет твой герой? он все твердит: я Росс, я Росс; пора бы и перестать! — и как Княжнин отвечает ему: мой Рослав совершенно вырастет тогда, когда твоего Бригадира произведут в генералы! **классического**

<107>

В доказательство, что сие смирение духа не было в нем ни ханжеством, ни робким унынием духа,³ должно прибавить, что он и в самое то время сохранил по возможности живость мыслей и веселость разговора. л. 117

<108>

Нельзя без особенного внимания, без благодарности, без живейшего ощущения различных чувств, читать и ныне сей памятник золотого века литературы нашей <«Собеседник»>. Рассматривая его в отношении чисто изящном, найдем в нем соединение имен, коими наиболее гордятся летописи словесности нашей — Державина, Хераскова, Богдановича, Княжнина, М. Н. Муравьева, Капниста. В отношении философическом⁴ сие издание не менее, если не более, замечательно и важно. л. 118
Ощущение чувств (Пл 1)

<109>

Ныне развелись у нас живописцы нравов от журнальных статей до романов. Каждый жур- л. 119

¹ Взято в скобки карандашом. ² классического ³ духа вычек-к- нуту (чернилами по карандашу). ⁴ умозрительном

Прекрасно

NB

Странное дело, что так называемое улучшение общества так похоже на распадение! Верхний слой все выше и выше подымается, а нижний все остается в том же положении. Везде так, а так быть не должно. Етим разрывом уничтожается всяческое сочувствие, а лучше грубость, чем просвещение такого рода. Оно противучеловеческое. (N)

нал имеет своего гюмориста, как в старину каждый дом имел своего крепостного шута, или еще вернее, своего доморожденного карлу. Но что узнает потомство по картинам нынешней школы, не заклеянным отпечатком современным, не расцвеченным ни живостью лиц, ни верностью костюмов? Картины прежних художников писаны масляными красками, не теряющими от времени яркости своей; ныне пишут *пастельными*, которые стираются под рукою самого художника. Одно заимствовали новейшие у предместников своих: местоположение их сцены и колорит действующих лиц. Но и тут оказался недостаток их соображения. Простаковы, Дурыкины, подьячие и тому подобные лица были оригиналами той эпохи и требовали красок, им свойственных. Ныне должно искать оригиналов в сфере более возвышенной: пороки, дурачества наши равно ненавистны, равно смешны; но наружность их, так сказать, благороднее и требует красок более резких, оттенков более нежных. Фон-Визин и Сумароков со всем умом своим если б жили в наше время, но не перенесли бы выше своей палитры и кисти, то и они писали бы для одной черни. Чего же ждать от новейших, которые не имеют и тени их ума, ни искры их веселости?

<110>

л. 121

начале (N)

Два перевода летописей Тацита: Румовского и Пospelова, в первый раз напечатаны были в царствование¹ Александра.

<111>

л. 122

NB

В следующую ночь за описанным нами вечером поразил его новый удар паралича, и на другой день, то есть 1 декабря 1792-го года, Фон-Визина не стало. Сие число вдвойне памятно в летописях русской литературы: смертью творца «Недоросля» и рождением за двадцать шесть лет перед тем Карамзина, которому суждено было довершить и усовершенствовать начатый Фон-Визиным переворот в нашей прозе.

¹ в начале царствования (чернилами по карандашу)

Кажется, судьба не сводила сих писателей. Последние годы жизни Фон-Визина были проведены в Петербурге; Карамзин в то время был в Москве и после ездил за границу; к тому же известность его началась изданием «Московского журнала» за год до кончины Фон-Визина: следовательно, на поприще литературы они не были в виду друг друга.¹

Cela a l'air calembourg²

¹ следовательно ~ друг друга *вычеркнуто*; при последующей правке исключен и весь текст: которому суждено было ~ друг друга. ² Записано под текстом Вяземского.

ПУШКИН И КНИГА ВЯЗЕМСКОГО О ФОНВИЗИНЕ

1

Первые следы занятий Вяземского творчеством Фонвизина относятся к 1818—1819 гг., когда он написал сатирическую статью «О злоупотреблении слов». Образцом для нее послужила «Придворная грамматика» Фонвизина; в тексте статьи Вяземский привел отрывок из этого произведения. Запрещенная Екатериной II «Придворная грамматика» только в 1830 г. была включена в собрание сочинений Фонвизина. Таким образом, пуская по рукам свою статью в 1819 г., а затем печатая ее в 1827 г.,¹ Вяземский ознакомил широкий круг читателей с выдающимся памятником фонвизинской сатиры. В стихотворении Вяземского «Негодование» (1820) строки «Я вижу подданных царя, Но где ж отечества граждане?» заключают пересказ одного из положений Фонвизина в его «Рассуждении о неперемennых государственных законах».²

Итак, уже к началу 1820-х годов в руках Вяземского находились неопубликованные в то время сочинения Фонвизина, знакомство с которыми получило отражение в его творчестве. Тогда же у него появился замысел написать биографию Фонвизина. 22 сентября 1821 г. Вяземский сообщил И. И. Дмитриеву, что был бы рад написать известие о жизни и сочинениях Фонвизина.³ Два года спустя в открытом письме к издателю «Сына отечества» Вяземский писал: «Недостаток полных сочинений писателя, каков Фон-Визин, замечен в библиотеках наших. Ныне, наследники его, удовлетворяя справедливому ожиданию публики, вверили все рукописи покойника П. П. Бекетову, коему обязаны мы изданием

¹ Московский телеграф, 1827, ч. 13, отд. 2, стр. 6—23.

² Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов. — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 98 (Труды по русской и славянской филологии, III), 1960, стр. 98—99.

³ Русский архив, 1866, столб. 1711.

многих уважаемых книг. — Собираясь печатать сии рукописи, удостаивает он меня своею доверенностию, и просит, чтобы я составил жизнеописание автора, для приложения к собранию полных его трудов <...>. За скудостью материалов решился я, милостивый государь, с позволения вашего, обратиться посредством журнала, вами издаваемого, к тем, кои могли бы помочь мне в этом деле, и просить их о доставлении сведений, касательных жизни Д. И. Фон-Визина».⁴

Помимо публичного выступления в печати, с той же просьбой он обращался к своим друзьям и знакомым: А. А. Бестужеву, И. И. Дмитриеву, А. Я. Княжнину, А. И. Тургеневу и др.; в последующие годы он расширил список своих корреспондентов и консультантов, среди которых мы находим князя Н. Б. Юсупова, А. Я. Булгакова, П. В. Мятлева, Г. Клостермана и др., либо лично общавшихся с Фонвизиным, либо имевших материалы о нем в своих семейных архивах.⁵

По первоначальному замыслу Вяземский предполагал написать предисловие к изданию сочинений Фонвизина, предпринятому П. П. Бекетовым (двоюродным братом И. И. Дмитриева) с согласия и с помощью наследников сатирика; как раз в связи с этим начинанием Пушкин и спрашивал Вяземского 19 февраля 1825 г.: «Что издание Фонвизина?» (XIII, 145). Однако подготовка издания затягивалась, и лишь осенью 1829 г. его осуществление в ближайшем будущем стало реальным. Работа Вяземского

⁴ Сын отечества, 1823, ч. 88, № 37, стр. 163—165. Письмо Вяземского датировано августом 1823 г.

⁵ См.: письма Вяземского к И. И. Дмитриеву (Русский архив, 1868, столб. 615—645) и ответные письма И. И. Дмитриева (Старина и новизна, кн. 2, 1898, стр. 184—190); письмо к А. Я. Булгакову от 27 ноября 1830 г. (Русский архив, 1879, кн. 2, стр. 104—105); письмо к Пушкину от 19 декабря 1830 г. (XIV, 135). 4 февраля 1830 г. Вяземский писал П. В. Мятлеву: «Зная Ваш просвещенный ум, Ваш постоянный вкус к литературе, я даже уверен, что Ваше превосходительство, прочитав письмо мое, обратит деятельное внимание на содержание оногo и не откажете мне в полезном содействии. Вот в чем дело. Я занимаюсь составлением биографии Фонвизина. В записной книжке его 1789 г. встретила я несколько раз и Ваше имя. По этому всedневному журналу видно, что Вы хотели купить дом его, что Вы у него обедали и проч. Между тем Ив. Ив. Дмитриев сказывал мне, что у Вас хранятся картоны с письмами, бумагами, любопытными записками разного рода; к тому же и память Ваша богатый архив. Все это побуждает меня прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою одолжить меня, если можно, из Ваших запасов материальных и умственных, нужными мне биографическими пособиями. Нет ли у Вас писем, собственноручных бумаг, напечатанных сочинений Ф. Визина? Не помните ли анекдотов о нем, острых слов его?» (ИРЛИ, ф. 196, № 31). Сведения из ответного письма П. В. Мятлева Вяземский использовал в девятой и десятой главах «Фонвизина». Кроме того, сохранились два письма Г. Клостермана к Вяземскому о Фонвизине от 29 июля и 11 ноября 1830 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2046); письмо А. Ф. Малиновского к Вяземскому от 17 апреля 1836 г. о дневнике С. А. Порошина и других материалах по Фонвизину (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2234, л. 2).

над предисловием в это время быстро продвигалась вперед: 13 (25) апреля 1830 г. Жуковский сообщал Д. П. Северину, что Вяземский, находясь в Петербурге, «литераторствует и готовит издание полных сочинений Фонвизина».⁶

В декабре 1829 г. у Вяземского уже готовы первые части биографии; «Введение к жизнеописанию Фонвизина» вместе с неопубликованным «Разговором у княгини Халдиной» он передает Пушкину для готовящейся «Литературной газеты»;⁷ оба этих произведения появились во втором и третьем номерах.⁸ Появление на страницах «Литературной газеты» фрагментов из биографии Фонвизина и его неизвестного произведения сразу же стало фактом литературной борьбы, непосредственное участие в которой принял Пушкин. Прежде всего, оно совпало с выходом в свет «Собрания сочинений и переводов Дениса Ивановича Фонвизина» в двух частях, выпущенного в 1829 г. московским книгопродавцем А. С. Ширяевым. Это издание, носившее чисто коммерческий характер, вызвало протест племянника писателя И. А. Фонвизина, объявившего в «Московских ведомостях», что книга, изобилующая ошибками и искажениями, «заключает в себе обезображенные сочинения бессмертного автора „Недоросля“ и наносит «бесславию памяти сочинителя, под именем которого... выдана». Протест И. А. Фонвизина был перепечатан в «Литературной газете»⁹ вместе с объявлением о подготовке нового издания И. Г. Салаева, с биографией Фонвизина, написанной Вяземским. Можно думать, что выход конкурировавшего издания заставил Вяземского и наследников Фонвизина поторопиться с подготовкой текстов и частичной их публикацией. Между тем, в ответ на напечатание «Разговора у княгини Халдиной» появилась заметка Булгарина в «Северной пчеле», где авторство Фонвизина было поставлено под сомнение.¹⁰ Отвечая Булгарину, Пушкин напечатал свою заметку «Недавно в одном из наших журналов», в которой содержалась оценка «Разговора» в литературном и историческом отношении;¹¹ выступил и издатель И. Г. Салаев, сославшийся на авторграф Фонвизина как на источник текста. Письмо И. Г. Салаева в «Литературную газету» касается в числе других и специальных вопросов филологической критики: «„Северная пчела“ замечает, что при жизни Фонвизина существовал один Московский университет. — Это правда; но сатирический разговор не

⁶ Русская старина, 1896, № 7, стр. 84.

⁷ Письмо О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу от 20 декабря 1829 г. (ЦГИАЛ, ф. 1661, оп. 1, № 1521, л. 28).

⁸ Литературная газета, 1830, № 2, стр. 11—14; № 3, стр. 17—20, 21—22; позднее (№ 40, стр. 31—32) был напечатан еще один фрагмент — «Отрывок из биографии Фонвизина»).

⁹ Литературная газета, 1830, № 1, стр. 5.

¹⁰ Северная пчела, 1830, № 10 (23 января).

¹¹ Литературная газета, 1830, № 7, стр. 55 (ср. XI, 96); № 10, стр. 81—82.

статистическая таблица. Впрочем, мы часто принимаем множественное число за единственное, и говорим напр. „когда являются у нас Державины“, хотя Державин один, и проч.¹² Заметка же Пушкина прямо подчеркивала актуальность «воскрешения» Фонвизина — в ней содержался иронический намек на монополию Булгарина в области «нравственно-сатирического романа»: «Прочитав „Разговор у княгини Халдиной“, пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.¹³ Этот намек имел особый смысл, так как в дальнейшем «Литературная газета» начинает последовательное наступление на художественные и идейные устои монополизированного Булгариным жанра, возводя его генеалогию к «мелкотравчатой» литературе XVIII в. и противопоставляя ему образцы «истинной» литературы, такие, например, как романы Погорельского и П. Яковлева в настоящем, или произведения Фонвизина в прошлом. Таким образом, творчество Фонвизина становилось объектом литературной полемики.

Равным образом и отрывки из «Жизнеописания Фонвизина» Вяземского играли свою роль в ожесточенных литературных спорах того времени. Н. А. Полевой сразу же справедливо усмотрел в них тенденцию возвеличить значение культурной верхушки дворянского общества второй половины XVIII в. и не оставил их без внимания. Пародируя слова Вяземского «На полях сражений купили мы свою грамматику дворянства» и самый его стиль, Полевой писал в фельетоне «Слава, нас учили, — дым»: «Впопад начать, да и начать на беду школьным педантам, конечно, дело удачи, но удачи гениальной, скажем простее — вековой. Начавшись дворянскою грамматою, данную нам на *Европеизм* под Полтавою, наша литература захрясла было, но теперь она разрыхлила землю и пустила корень в мир, и прибавим, корень добрый. Пусть кажется она галлицизмом невеждам; мы не примем этого прозванья, неверно прилагаемого, и поспорим за *вселеннизм* ее...».¹⁴ Пародия на «Жизнеописание Фонвизина» была одним из проявлений острой полемики между Н. А. Полевым и писателями пушкинского круга о «литературном аристократизме», т. е. в сущности о роли дворянской культуры.

В архиве Вяземского сохранились многочисленные материалы, собранные им во время работы над монографией: списки произведений Фонвизина «Корион», «Политическое сочинение» («Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных»), «Рассуждение о суетной жизни человеческой на случай смерти князя Потемкина», «Чистосердечное признание в делах

¹² Там же, № 10, стр. 82. Имеются в виду слова Здравомысла: «Если бы я знал, что моя идея о заведении в университетах класса политической науки найдена была полезною и угодною, я охотно составил бы мое мнение, как к сему приступить удобнее».

¹³ Литературная газета, 1830, № 7, стр. 55.

¹⁴ Новый живописец общества и литературы, 1830, № 12. стр. 214.

моих и помышлениях», «Друг честных людей или Стародум», «Отрывок из придворной грамматики»; письма Фонвизина и к нему адресованные; деловые бумаги (договор Фонвизина с П. В. Бакуниным и Я. Я. Убри о разделе имения, договор Фонвизина с бароном Медемом об аренде деревни, распоряжения Фонвизина о движимом и недвижимом имуществе при отъезде за границу в 1777 г.); справки разрядного архива из родословных росписей, грамоты фамилии Фонвизиных; выписка из воспоминаний И. И. Дмитриева о последнем вечере Фонвизина; вопросы Вяземского и ответы И. А. Фонвизина, касающиеся до семейной жизни Фонвизина и его заграничных путешествий, и др.¹⁵ Об обилии печатных и рукописных источников, использованных при написании «Фонвизина», Вяземский упоминал в предисловии к монографии: «Под руками моими была обширная библиотека, много рукописей, записок и писем, относящихся до царствования и эпохи Екатерины Великой; к тому же было много времени и досуга. Открытие каждого нового сведения влекло меня к новым розысканиям. Круг действия моего беспрестанно расширялся под изыскательным пером. Так, например, письма Бибикова и Сальдерна заставили меня перечитать записки Фридриха Великого и т. д. Старые русские книги и старые русские журналы прочитаны были мною с любопытством и добросовестностью».¹⁶

В дневниковой записи от 7 ноября 1830 г. дан более подробный перечень источников: «Составляя биографию Фон-Визина, я нашел в бумагах его письма Бибикова. Это дало мне мысль перечитать жизнь его, написанную сыном. Роль, игранная им в Польше, побудила меня кинуться в „Histoire des trois démembrements de la Pologne“, par Ferrand, там в жизнь Екатерины, там взять „Histoire de mon temps“ Фридриха Великого. Между прочим пробежал я, все по поводу Фон-Визина: драматургию Шлегеля, „Историю полуденной литературы“ Сисмонди, драматические рассуждения Дидерота, Вольтера, Лагарпа, Мармонтеля, множество русских старых книг. Вот каким образом очерк действия моего расширяется и часто касается вдруг противоположных берегов».¹⁷

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, №№ 1144—1159. Кроме того, ряд рукописей Фонвизина и некоторые другие материалы, которыми пользовался Вяземский и которые были в его архиве, ныне переданы в фонд Фонвизина (ЦГАЛИ), а именно: тетрадь с черновыми рукописями Фонвизина (отрывок из комедии «Добрый наставник», отрывок поэмы «Смерть Авелева» и др.), журнал заграничного путешествия Фонвизина (1787—1788 гг.), переписка Фонвизина с П. И. Паниным, письма к Фонвизину (А. Бибикова, Я. Булгакова, С. Зиновьева, П. Левашева, А. Моркова, Е. Дашковой, А. Обрескова, Н. Репнина, А. Стахиева, И. Хотинского и других лиц).

¹⁶ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. VI. (В дальнейшем — Вяземский).

¹⁷ П. А. Вяземский, Записные книжки (1813—1848). Изд. подготовила В. С. Нечаева. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 203—204.

Привлечение большого количества биографических, творческих и историко-литературных материалов расширило первоначальный замысел: предисловие к сочинениям Фонвизина разрасталось в большую документированную монографию, в которой личность и творчество Фонвизина были искусно вставлены в широкую раму русской жизни екатерининского времени.

14 декабря 1830 г. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Между тем я, под шумом взрывов вулканов политических и падений газет и царств, дописываю в тишине своего Ф<он>-Визина. Завтра при помощи божией допишу последнюю главу. Тут стану исправлять, переписывать набело и в скорости надеюсь представить вам на суд».¹⁸

Пушкин, который был в курсе усиленных занятий Вяземского, писал ему 5 ноября 1830 г. из Болдино: «Радуюсь, что ты принял за Ф.<он>Визина. Что ты ни скажешь о нем, или к стати о нем, все будет хорошо, потому что будет сказано. Об Истине (т. е. о точности применения истины) нечего тебе заботиться: пуля виноватого съест. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подымется» (XIV, 122). Зная злободневность, публицистический характер критических статей Вяземского, Пушкин не сомневался, что книга о Фонвизине, о русском XVIII веке будет не только историко-литературным исследованием, но и работой, непосредственно связанной с острой литературной полемикой 1830-х годов. Антидворянская коалиция оппозиционного «Московского телеграфа» и прорправительственной «Северной пчелы» вызывала необходимость деятельной защиты социальных идей и литературной платформы передового дворянства, и Пушкин не без оснований рассчитывал на публицистические «пули» в историко-литературном труде Вяземского.

Окончив «Фонвизина», Вяземский познакомил с ним Пушкина — в «Автобиографическом введении» Вяземский вспоминает о приезде Пушкина в Остафьево в конце 1830 г. и о чтении ему рукописи: «Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьево Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал»; «день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд».¹⁹

В письме к П. И. Бартеневу от 22 февраля 1867 г. Вяземский вносит некоторые уточнения: «Помню, когда холера начала уже спадать, зимою Пушкин приехал к нам в Остафьево. Я про-

¹⁸ Русский архив, 1868, стлб. 615.

¹⁹ Вяземский, т. I, стр. LI.

чел ему несколько глав труда своего. Главою о театре был он очень доволен».²⁰ Глава о театре — VII глава монографии. В этой главе дан разбор комедий Сумарокова, Лукина, Вережкина, Екатерины II, упоминаются пьесы Княжнина, Клушина, Ефимьева. Естественным продолжением этой главы являлась следующая глава, посвященная комедиям Фонвизина и Грибоедова. Вероятно, она также была прочитана Пушкину. Кроме того, Вяземский безусловно прочел Пушкину VI главу, в которой говорилось о заграничном путешествии Фонвизина; именно эта глава служила предметом споров между Пушкиным и Вяземским (о чем речь пойдет ниже). Итак, по нашим предположениям, Вяземский прочел Пушкину три главы — VI, VII и VIII. Вряд ли ему удалось ознакомить Пушкина в этот раз с другими главами: ведь читал не один Вяземский, читал и Пушкин свои новые произведения. 19 декабря Вяземский занес в записную книжку: «Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника. Куплеты «Я мещанин, я мещанин», эпиграмму на Булгарина за Арапа...».²¹

Два дня спустя Вяземский писал Пушкину в Москву: «Я третьего дня и позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Ф.<он> Визине. Вижу по письмам, что они были знакомы. Не вспомнит ли к.<нязь> каких-либо анекдотов о нем, острых слов его? Нет ли писем его?» (XIV, 135).

В середине января 1831 г. Пушкин ответил Вяземскому: «Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое препоручение, допросил его о Ф.<он> Визине, и вот чего добился: Он очень знал Ф.<он> Визина, который несколько времени жил с ним в одном доме. *C'était un autre Beaumarchais pour la conversation.*²² Он [помнит] знает пропасть его *bon-mots*, да не припомнит». И далее Пушкин, приводя со слов Н. Б. Юсупова жесткий отзыв Фонвизина об «Агриопе» В. И. Майкова, добавляет: «Остро и неожиданно! Не правда ли? Помести это в биографию, а я скажу тебе спасибо» (XIV, 143).

Критические замечания Пушкина не помешали исключительно высокой оценке, данной им труду Вяземского в целом — когда весной 1831 г. Вяземский предполагал поехать в Петербург, Пушкин сообщал Плетневу: «Вяземский везет к вам Жизнь Ф.<он> Визина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)» (письмо от 11 апреля 1831 г. — XIV, 161).

²⁰ Звенья, VI, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 151.

²¹ П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 208.

²² Это второй Бомарше по разговору (франц.).

Судьба книги Вяземского продолжала интересовать Пушкина и в дальнейшем. 3 июля 1831 г. он спрашивал Вяземского в письме из Царского села в Москву: «Вышел ли Фон-Визин из цензуры и поступил ли в печать?» (XIV, 187). Однако Вяземский не торопился с опубликованием своего труда — 14 июля он ответил Пушкину: «Мой Фон-Визин еще не в цензуре. На досуге хочу его пересмотреть и выправить» (XIV, 190); две недели спустя, 27 июля, он вновь сообщал Пушкину: «Мой Адольф, то есть нет, мой Фон-Визин зрел лежа: примусь за него окончательно на той неделе...» (XIV, 199).

Рукопись «Фонвизина» 1831 г. свидетельствует лишь о незначительной стилистической правке, предпринятой Вяземским в то время. Как бы то ни было, есть все основания полагать, что осенью 1831 г. Вяземский передал рукопись «Фонвизина» книгоиздателю И. Г. Салаеву.

Впервые рукопись «Фонвизина» попала в цензуру в конце 1831 г. В журнале заседания Московского цензурного комитета от 6 ноября 1831 г. значится представленной на рассмотрение рукопись «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине».²³ Автор рукописи в журнале комитета не обозначен; лишь отмечено, что рукопись передана цензору И. М. Снегиреву. В настоящее время она хранится среди бумаг Остафьевского архива.²⁴ На первой заглавной странице сверху помета И. М. Снегирева, подтверждающая, что эта рукопись за № 638 поступила к нему 6 ноября 1831 г. Первые главы, имеющие его цензурные скрепы, написаны на листах тетрадного размера; остальные главы, на которых нет цензурных скреп, переписаны на листах размером *in folio*. Вся рукопись имеет общий переплет, на корешке которого золотом вытиснено два слова: «Вяземский» и ниже «Фонвизин».

Состояние рукописи позволяет предполагать, что работа цензора была внезапно прервана; во всяком случае никаких дальнейших сведений о ее прохождении в делах Московского цензурного комитета обнаружить не удалось. Почему же цензор прервал свою работу? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к письмам Вяземского. 12 января 1832 г. он писал из Петербурга жене в Москву: «Пошли спросить Салаева, скоро ли он мне пришлет свою рукопись Фонвизина...»;²⁵ 8 февраля он снова писал Вере Федоровне: «Сделай одолжение, пошли непременно за Салаевым и спроси у него моего Фонвизина, чтобы он отнюдь не отдавал его ни в печать, ни в цензуру, не прислав прежде ко мне. Требуя того непременно».²⁶ Салаев выслал рукопись вместе

²³ Государственный исторический архив г. Москвы, т. 31, оп. 3, № 2165, л. 80 об.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, № 1143.

²⁵ Эвеня, т. IX, М., 1951, стр. 251.

²⁶ Там же, стр. 283.

с сопроводительным письмом 15 февраля, и 23 апреля Вяземский сообщил жене: «Скажи ему <Салаеву>, что я биографию Фонвизина получил и занимаюсь ею, но не столько, сколько бы хотел, потому что у меня дела теперь много. Но скоро буду свободнее и примусь за эту работу дружнее».²⁷

Исходя из этих сведений можно представить следующую картину: И. Салаев передал рукопись «Фонвизина» в начале ноября 1831 г. в цензуру, а затем, получив предписание Вяземского о возврате рукописи, попросил цензора Снегирева отдать ее обратно и переслал в Петербург автору.

Весной 1832 г. Вяземский внес некоторые исправления в текст «Фонвизина», однако, по неизвестным нам причинам, он воздержался от передачи рукописи в цензуру. Правда, одну из глав книги он дал Е. Ф. Розену для помещения в его альманах: в «Альционе на 1833 год» была напечатана седьмая глава «Фонвизина» под названием «О нашей старой комедии».²⁸ Ведя непрекращающуюся полемику с пушкинским кругом, Ксенофонт Полевой дал отрицательную оценку альманаху Е. Ф. Розена, и в частности этой главе: «Главный предмет статьи князя Вяземского (старая комедия наша) рассмотрен довольно поверхностно и недостаточно верно <...>. Мы нашли в сем отрывке обыкновенные недостатки и достоинства прозаических сочинений князя Вяземского: много ума и остроты в подробностях, и мало связи, мало обдуманности в целом. Это блуждающие огоньки, которые не освещают и не греют, но иногда сбивают с пути».²⁹

Осенью 1833 г. Вяземский обратился к И. В. Киреевскому с просьбой переговорить с И. Салаевым о возможности издания «Фонвизина». 7 октября 1833 г. И. В. Киреевский писал Вяземскому: «Получив письмо Ваше, я тотчас же отправился к Салаеву и узнал от него следующее: второе издание Фонвизина он не продал Смирдину, но отдал даром, с тем только, чтобы Смирдин напечатал ему на свой счет 1200 экземпляров жизни Ф.<он> В.<изина>. — Для своего же второго издания сочинений Ф.<он> В.<изина> должен Смирдин купить его жизнь у Вас, за сколько Вам продать заблагорассудится, и в это Салаев не вмешивается, претендуя только на обещанные Вами 1200. Между тем, продавая Смирдину право на второе издание жизни Ф.<он> В.<изина>, Вы можете принять в соображение то, что первое издание его сочинений уже разошлось и у Салаева осталось 5 или 6 экз. Этому,

²⁷ Там же, стр. 345. Письмо Салаева см. в комментарии, стр. 126—127.

²⁸ Альцион на 1833 год (ценз. разр. 18 октября 1832 г.), стр. 187—229. Три года спустя А. Ф. Воейков перепечатал отрывки из этой главы в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (1836, № 46, стр. 366—367; № 63, стр. 502; № 74, стр. 589—590).

²⁹ Московский телеграф, 1833, ч. 49, № 1, стр. 154—155. В «Северной пчеле» (1832, № 300) появилась краткая, в целом положительная рецензия на «Альциону» — глава из «Фонвизина» упомянута в ней без всякой оценки.

вероятно, много способствовал билет на жизнь, потому что кроме ее в нем нет почти ничего нового. Если так скоро разошлось 1200 экз., то, вероятно, разойдется еще 2000, следовательно, Вы не должны продешевить своей книги, если не хотите сделать подарка Смирдину, как сделали Салаеву. Последний уверяет, будто тому уже два года как у Вас все кончено и переписано и, следовательно, Вам стоит только решиться вдохнуть эту жизнь в типографский станок, а потому он поручил мне просить Вас: дайте, Ваше сиятельство, жизнь сочинениям Фонвизина — Спешу окончить это письмо, потому что почтовый час наступает. На днях пришлю Вам подробности о судьбе Языкова. Нельзя ли стихи к нему³⁰ прислать и ко мне? Я не журналист, не альманашник и не <А. И.> Тургенев. — Благодарю Вас за известие о Свербеевых. Всею душою Вам преданный И. Киреевский».³¹ Вступал ли Вяземский в переговоры со Смирдиным, нам неизвестно.

В том же 1833 г. Пушкин ссылается на «Фонвизина» в примечаниях к пятой главе «Истории Пугачева»: «См. в Приложении письмо Бибикова к Фонвизину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками Фонвизина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора „Недоросля“. Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение» (IX, 110). В черновике Пушкина перед последней фразой читаем: «Ныне оконченная рукопись находится в моих руках — для напечатания» (IX, 456). Помимо неоспоримой важности того факта, что Пушкин хотел быть издателем «Фонвизина», эта фраза из черновика свидетельствует о том, что рукопись книги Вяземского была в распоряжении Пушкина продолжительное время, и естественно предположить, что он мог не один раз обращаться к ней во время своих литературных занятий. Произведенное нами сопоставление текста «Фонвизина» с произведениями и набросками Пушкина 1830-х годов подтверждает это предположение.³²

Кроме Пушкина, о книге Вяземского сообщал читателям Н. И. Греч. В обзоре текущей словесности, под названием «Письмо в Париж к Якову Николаевичу Толстому», он писал «Князь П. А. Вяземский, неусыпно занимаясь службою (он служит вице-директором Департамента внешней торговли), не оставляет и литературы. Ныне, слышал я, кончил он подробную биографию Фонвизина».³³

Наконец, во второй половине 1834 г. «Фонвизин» был представлен в Санкт-Петербургский цензурный комитет. 3 января 1835 г. П. А. Корсаков поставил на «Фонвизине» цензурский

³⁰ Речь идет о стихотворении Вяземского «К Языкову» (1833).

³¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2031, л. 3.

³² См. ниже.

³³ Библиотека для чтения, 1834, т. 1, отд. 1, стр. 175.

гриф. Вяземский в это время находился в Италии и получил рукопись обратно не ранее второй половины марта 1835 г., по возвращении в Петербург. Однако в 1835 г. издать «Фонвизина» ему не удалось — возможно, что удрученный недавней смертью дочери, Вяземский не предпринял энергичных шагов для напечатания книги; однако, как показали дальнейшие события, вероятнее предположить, что ему не удалось найти издателя.

В середине февраля 1836 г. «Фонвизин» был вновь отдан в цензуру: истек годичный срок разрешения, и было необходимо снова завизировать рукопись. Вторичное цензурование «Фонвизина» П. А. Корсаков осуществил исключительно быстро: рукопись к нему поступила, как следует из его пометы, 14 февраля, а уже на следующий день — 15 февраля он подписал ее к печати.³⁴ На этот раз рукопись «Фонвизина» была получена из цензуры Пушкиным, который писал Вяземскому: «Поздравляю с благополучным возвращением из-под цензуры. Посылаю Ф.<он> Визина» (XVI, 127).

Между тем злоключения «Фонвизина» не кончились: в 1836 г. было получено цензурное разрешение, но издателя не находилось. Вяземский обратился к П. А. Муханову с просьбой начать переговоры с московскими издателями. Сообщая Вяземскому о неудаче своих попыток, Муханов писал 16 октября 1836 г.: «Не лучше ли взять *mezzo-termine*,³⁵ составить *извлечение* из биографии и продать поскорее, сказав, чтоб являлись за оным к Салаеву и назначив срок, после коего раздача будет прекращена. — Полную же жизнь Фонвизина напечатать особо, и ни сколь не смешивать с биографиею.

Можно же даже вам напечатать *все* сочинения Фонвизина (25 лет прошло, см. цен. <зурный> уст. <ав>) вместе с *жизнею* в одном томе в два столбца (как мой сборник) и пустить подешевле, тогда бы эта книга как классическая была бы необходима для всякого. Это издание с *жизнею* было бы вашею собственностью и на предбудущее время, ибо всякое другое как *безжизненное* не могло бы иметь ход».³⁶

Вяземский не воспользовался советом П. А. Муханова, и, отложив хлопоты об отдельном издании, стал печатать «Фонвизина» главами. Как раз в это время, в конце 1836 г., он составлял исторический и литературный сборник «Старина и новизна». В редакционном извещении, напечатанном Пушкиным в четвертом томе «Современника», говорилось, что среди других материалов в этом сборнике будет напечатано «несколько глав из биографических и литературных записок о Фон-Визине и временах его».³⁷ Среди

³⁴ См. также: Реестр рукописей и книг по Санкт-Петербургскому цензурному комитету 1836 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 200).

³⁵ Среднее решение (итал.).

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, 5084, лл. 59—60.

³⁷ Современник, 1836, т. IV, стр. 300.

бумаг Вяземского сохранилась программа не вышедшего в свет сборника «Старина и новизна» — из программы явствует, что Вяземский собирался опубликовать в этом сборнике четыре главы из книги о Фонвизине, а именно главы VIII—XI.³⁸ Однако вскоре стало ясно, что составление сборника, в котором, помимо беллетристики и критики, предполагалось поместить большое количество документов из разных эпох русской истории, потребует длительного времени, и Вяземский стал публиковать главы «Фонвизина» в периодических изданиях. Глава VIII появилась в пятом томе «Современника», материалы для которого еще отбирал Пушкин в последние дни жизни.

2

Характеризуя книгу Вяземского как одно из самых замечательных произведений русской словесности, Пушкин имел на это свои основания. В работе Вяземского его привлекало многое — от проблематики до метода осмысления и изложения. В 1830 г., заявляя о необходимости «истинной критики», Пушкин, по-видимому, не без задней мысли замечал: «Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда» (XI, 89).³⁹ Очень вероятно, что книга Вяземского и должна была, по мысли Пушкина, явиться опытом такого «египетского суда» о Фонвизине, тем более что к этому времени в каких-то своих частях она была известна Пушкину. Отрывки из первых глав «Фонвизина» были напечатаны в «Литературной газете» на правах самостоятельных экскурсов, излагавших основные принципы подхода их автора к литературным явлениям прошлого.

Вяземский пытается проанализировать глубинные исторические процессы, производным от которых является положение литературы. Именно такой смысл содержался в пушкинском требовании раскрыть причины «успеха и влияния» литературных произведений, т. е. их общественную функцию и социальные корни. Сделать это было невозможно на основе того примитивно-оценочного метода критики, который почти безраздельно господствовал в журналистике 1820-х годов. Исключением являлись критические статьи Любомудров, — недаром Пушкин так горячо приветствовал обзор Киреевского; однако они несли на себе слишком явствен-

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 949. Кроме глав «Фонвизина», Вяземский предполагал напечатать в этом сборнике воспоминания Ф. В. Ростопчина, отрывки из записок И. И. Дмитриева о Державине, Петрове и Карамзине, повесть В. Ф. Одоевского «Сильфида», повесть В. А. Соллогуба «Три жениха», письма Карамзина (1803—1809), отрывок из стихотворной сказки Н. М. Языкова «Серый волк», свои стихи, стихотворения Ю. А. Нелединского-Мелецкого, стихотворение И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон» с биографическими объяснениями издателя о В. Л. Пушкине, «Анюку и смерть».

³⁹ Литературная газета, 1830, № 3 (11 января), стр. 24.

ный отпечаток шеллингианской философской схемы, рассматривая исторический процесс как саморазвитие человеческого духа. В 1836 г., набрасывая статью об «Истории поэзии» Шевырева, Пушкин считает необходимым отметить: «Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии немцев... Он избирает способ изложения исторический — и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа» (XII, 65). И далее, в конспективном изложении книги, Пушкин постоянно выделяет общественно-исторические причины, обусловившие характер тех или иных национальных литератур. К 1834—1835 гг. относится пушкинский фрагмент плана истории русской литературы «Отчего первые стихотворения были сатиры?» и т. д. (XI, 495), где опять ставится вопрос об обусловленности литературных форм и жанров общественной жизнью.

Пафос вступительных глав к исследованию Вяземского о Фон-Визине как раз и заключается в установлении непосредственной связи между литературой и общественной жизнью. Так развернуто и детализировано вопрос еще не ставился в современной Вяземскому русской критической и исторической литературе, и как бы Вяземский ни решал его, в самой постановке вопроса он оказался впереди не только Бестужева и Киреевского, но и Берлинского периода «Литературных мечтаний».

«История литературы народа, — так начинается первая статья Вяземского, — должна быть вместе историею и его общежития <...>. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются движения, страсти, мнения, самые предрассудки современного общества, если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо владычеству и влиянию литературы, то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества».⁴⁰ Детерминирующим фактором оказывается, таким образом, общественная жизнь в целом, в ее политических, идеологических, бытовых определениях. Очень характерно, что из концепции Вяземского совершенно выпадает представление о «народном духе» — отправная точка романтических историко-литературных построений, так или иначе связанных с шеллингианством в его разнообразных русских модификациях. Перед нами элементы не просто исторического, но социально-исторического мышления, и это не ускользнуло от внимания современной критики. М. А. Максимович в обозрении русской литературы за 1830 год отметил: «В сем году внятнее заговорили о литературе, как о выражении

⁴⁰ К. Вяземский. Введение к жизнеописанию Фон-Визина. — Литературная газета, 1830, № 2 (6 января), стр. 11.

общества».⁴¹ Это замечание, имея в виду Вяземского, иронически процитировал «Московский телеграф»,⁴² который также претендовал на «социологическое» освещение литературы. В одном из следующих номеров «Нового живописца» (сатирического приложения к «Телеграфу») появилось обширное рассуждение о литературе и обществе.⁴³ Однако Пушкина в этой журнальной полемике занимал не приоритет Вяземского в постановке проблемы, а то, что последний наиболее удачно сформулировал целый ряд близких ему самому принципов. Как раз около 1830 г., под непосредственным влиянием политических событий, намечаются изменения в исторических взглядах Пушкина и поворот к более углубленному изучению западноевропейской и русской истории. Пушкин рассматривает теперь исторический процесс в его динамике, а современные события — как звено в длительной цепи причинно-следственных отношений, которое непосредственно возникает из предшествующего исторического этапа и в известной мере определяет последующий.

Литература, и в более широком смысле — культура, оказывается существенной стороной этого общего движения многообразных форм общественного бытия, где всё друг друга обуславливает, взаимопроникает и образует единое целое. В эти представления Пушкина очень удачно укладывалось рассуждение Вяземского в конце III главы (фрагм. 26): «Все еще вчерашнее, все сегодняшнее, а еще более все завтрашнее». Против этого места Пушкин ставит: «Прекрасно». Этот тезис был нужен Вяземскому, чтобы обосновать избранный им жанр, принципы подхода к теме и отбор материала. Сожалея, что «Исповедь» Фонвизина осталась незавершенной, Вяземский продолжал: «Житницы преданий наших пусты, и если надеяться на жатву для наших романов, исторических комедий, биографий лиц и общества, то разве на ту, которая зеленеет в глазах наших. Теперь никак не свяжешь настоящего с прошедшим, упований с преданиями; никак не сведешь концов с концами. <...> Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов записок, за несколько Несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история». В печатном издании «Фонвизина» Вяземский заострял свою мысль: «Тогда была бы у нас не одна изящная, но зато и голословная, а была бы живая литература фактов, со всеми своими богатыми последствиями».⁴⁴ В соответствии с этой декларацией Вяземский и строит свою

⁴¹ <М. Максимович>. Обзорение русской словесности 1830 года. — Денница. альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. М., 1831, стр. I—II.

⁴² Московский телеграф, 1831, № 4, стр. 540—541.

⁴³ Разговор после бесед с литераторами. — Новый живописец. . . , 1831, № 24, стр. 399—414.

⁴⁴ Вяземский, т. V, стр. 34.

книгу, обильно насыщая ее документальным материалом и (в отличие, например, от книги Кс. Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов», создававшейся почти одновременно), всячески избегая беллетризации. В позднейшем предисловии к своему труду он указывал на документальность его как на одну из своих основных заслуг.⁴⁵

Все это очень близко не только многочисленным высказываниям, но и творческой практике Пушкина 1830-х годов; именно как материал для истории своего времени он начинает писать автобиографические записки, отчасти то же задание имеет и дневник и еще в большей степени «Table-Talk». Уточнившиеся и углубившиеся представления об истории расширили и понимание исторического документа. Быт, нравы, характеры воспринимаются теперь как одна из существенных сторон исторического процесса, и в этом отношении анекдот становится в одном ряду с другими историческими источниками, только центр тяжести переносится с фактической на психологическую достоверность события. Рассказ, передающий непосредственные наблюдения над внешностью, привычками, поведением исторического лица, зафиксированная в чьей-то памяти его живая речь, даже слух о нем, отражающий восприятие его личности современниками, — все это оказывается достоянием истории, так как помогает воссоздать его психологический и бытовой облик, обусловленный временем и средой. Поэтому Вяземский свободно включает в биографию анекдот о Панине и Екатерине II;⁴⁶ равным образом и Пушкин охотно печатает в «Литературной газете» предания полуанекдотического и анекдотического характера.⁴⁷ В «Современнике» основную часть журнала занимают внебеллетристические произведения, преимущественно мемуарного и хроникального характера («Хроника русского» А. И. Тургенева, записки Н. А. Дуровой, Д. Давыдова и т. д.). Современная Пушкину и более ранняя русская историография охотно пользовалась устным преданием, но если раньше это было результатом недостаточной разработанности источниковедческих проблем, то теперь это стало осознанным принципом, возникшим из ощущения живого исторического процесса, проходящего на глазах. «События, нравы и лица, коими пренебрегает история», становятся необходимым и неотъемлемым дополнением письменного документа.

Можно думать, что эти мысли вызревали у Вяземского в непосредственном творческом общении с Пушкиным и задолго до работы над книгой; вероятно, отчасти поэтому Пушкин посылает в 1826 г. Вяземскому — и только ему — отрывки из своих унич-

⁴⁵ Там же, стр. VII.

⁴⁶ Там же, стр. 58.

⁴⁷ Об использовании Пушкиным предания в исторических работах см. большой материал в кн.: И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. Изд. «Советский писатель», М., 1964.

тоженных записок (письмо к Вяземскому от 14 августа 1826 г. — XIII, 291). Во всяком случае, на протяжении всего чтения рукописи Пушкин сохраняет неослабевающий интерес к ее документации, причем круг добавленных им источников многообразен: здесь и нравоописательные «Картины Парижа» Мерсье — произведение, откровенно ориентирующееся на хронику и документ, и наряду с ними Стерн — традиционный для русской литературы «сентиментальный путешественник», из произведений которого Пушкин как бы выделяет и ставит на первый план их «фактографическую» основу. На равных правах появляется и семейное предание — ссылки на рассказы С. Л. Пушкина о последних днях Фонвизина и на впечатления М. А. Ганнибал о первых постановках «Недоросля» (фрагм. 56, 104, 8).

Среди этих разнородных источников, приобретающих для Пушкина значение документа, есть и такие, которые особенно привлекают Пушкина — это в первую очередь записки Казановы — «бессыдные записки», как охарактеризовал Пушкин их в одной из заметок 1830 г. (XI, 94). Мемуары эти вышли в Лейпциге в 1826—1832 гг.; более позднее их издание Пушкин приобрел для своей библиотеки.⁴⁸

Эта энциклопедия «закулисного» XVIII века, своеобразная летопись бесчисленных любовных походов, дипломатических встреч и политических бесед венецианского авантюриста, описавшего свои наблюдения над европейской жизнью в течение трети столетия — с 1740 по 1773 г., оказывается для Пушкина особенно благодарным материалом. Отсюда он заимствует характеристику Сен-Жермена (фрагм. 64), которую мы находим потом в «Пиковой даме»; повесть с фантастическим колоритом вырастает из исторического анекдота полулегендарного характера. Вторжение мемуарного источника в ее художественную ткань придает ей силу известного рода исторической и психологической достоверности. Так перекрещиваются интересы литератора и историка; аналогичным образом возникли многие повести Пушкина — до «Капитанской дочки» включительно.⁴⁹

С другой стороны, Казанова служит Пушкину источником сведений о политической жизни XVIII в.; внимательный читатель Казановы сказался, по-видимому, в определении союза Франции и Австрии как «политического чуда» (фрагм. 69). Самая устойчивость интереса Пушкина к этим мемуарам была показателем укрепления принципа историзма в его художественном и социальном мышлении: на практике этот принцип осуществлялся в стремлении воссоздать ускользающее от традиционной истории

⁴⁸ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. — Пушкин и его современники, вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 185, № 706.

⁴⁹ См. об этом: А. Лежнев. Пушкин и реальность факта. — Наши достижения, 1937, № 1, стр. 119—129.

многообразие общественной жизни вплоть до ее мельчайших проявлений.

Задача такого рода, пожалуй, легче всего решалась в пределах жанра биографии. Естественно, что проблема документированной биографии выдающегося деятеля культурной и политической жизни в тесной связи с формировавшей его средой приобретает в глазах Пушкина и Вяземского особое значение. Однако на пути создания такой биографии вставали свои, специфические трудности, и Вяземский горько сетует на «скудость способов и средств применять жизнь действительную к жизни умственной» — на плохую сохранность биографических материалов, затрудняющую создание целостной картины. «Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего». Пушкин пометает: «Прекрасно» (фрагм. 8). Почти то же и в близких выражениях он пишет в «Путешествии в Арзрум» в 1829 г., вставляя туда мемуарный отрывок о Грибоедове: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны». Несколько ранее, после смерти Карамзина, у его друзей и последователей возникает замысел его биографии, и Пушкин сразу же откликается; в 1830 г. он настойчиво побуждает Плетнева написать биографию Дельвига. В обоих случаях — и особенно в первом — биография выдающегося человека мыслилась как историческое исследование о его личности и о его времени.

Со всем этим кругом проблем непосредственно связана пушкинская помета о Джонсоне. Вяземский рассказывает анекдот о некоем путешественнике, проезжавшем через немецкий город и обобщившим в путевом дневнике одно из своих наблюдений следующим образом: «Здесь все женщины рыжи и злы». Пушкин раскрывает имя этого путешественника, называя «славного доктора Johnson», и «немецкий» город исправляет на «французский» (фрагм. 56).

Имя Джонсона, знаменитого критика и автора «Расселаса», обросло анекдотами, но этот анекдот к Джонсону отношения не имеет. Вяземский заметил ошибку и в издании своей книги поправки Пушкина не учел.

Самая ошибка Пушкина, однако, очень показательна. Наиболее вероятный источник ее, как и ряда сведений Пушкина о Джонсоне — знаменитая биография Босвелла «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Именно здесь впервые был опубликован путевой дневник Джонсона во время его поездки во Францию. Биография Босвелла была хорошо известна в близких Пушкину кругах; в 1827 г. Вяземский публикует в «Московском телеграфе» отрывок из письма А. И. Тургенева, где тот пересказывает отзыв о Босвелле Н. И. Тургенева; биография Джонсона характери-

зуется здесь как «лучшая из всех биографий», дающая «кроме множества весьма умных замечательных рассуждений, разговоров, кроме полного изображения характера Джонсона, также и характер времени, в которое он жил». Именно такой «Босвеллевской, живой биографией» должна быть, по мнению автора заметки, биография Карамзина.⁵⁰

Вяземский не случайно обращает внимание на высказывания Н. И. Тургенева о Босвелле как раз в период, когда вынашивался замысел биографии Фонвизина. Не исключена возможность, что книга Босвелла в известной мере служила для него образцом: в конце 1820-х годов он с особой старательностью добывает устные сведения о Фонвизине, именно те, «коиими пренебрегает история». Законно предположить, что речь о босвелловской биографии Джонсона в связи с общими проблемами историко-биографического жанра заходила и при беседах Вяземского с Пушкиным. Книга Босвелла была наглядным доказательством возможности расширить рамки биографического жанра, заменив традиционное однолинейное жизнеописание выпуклым объемным изображением. Именно по этому пути пошел Вяземский в биографии Фонвизина, именно за это и ценил в первую очередь его книгу Пушкин.

3

Одним из основных завоеваний исторического мышления, утверждавшегося в России на протяжении второй половины 1820-х—1830-х годов, было убеждение в закономерности исторического процесса. При отсутствии диалектического понимания категорий необходимости и случайности это убеждение привело на первых порах к историческому фатализму, что было свойственно, в частности, теориям Любомудров.⁵¹ Не разделяя фаталистических концепций, Пушкин делает принцип закономерности исходной точкой своих исторических и социологических размышлений, требуя при этом, однако, его конкретного рассмотрения и применения. В 1836 г., отвечая на «Философическое письмо» Чаадаева, Пушкин противопоставляет его абстрагирующей исторической схеме мысль об «особом предназначении» России. Нас не должен смущать несколько метафорический стиль пушкинского письма: речь идет не более и не менее как о требовании исследовать специфические законы исторической жизни России. Требование это сложилось не в 1836 г., а значительно ранее; самое письмо Чаа-

⁵⁰ См.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 23—24 и комм., стр. 511. Биографию Босвелла Тургенев упоминает и позже, в 1835 г., подчеркивая необходимость собирания анекдотов и устных рассказов как средства характеристики общественной и литературной жизни (там же, стр. 63—64).

⁵¹ См. об этом: И. Тойбин. Пушкин и Погодин. — Ученые записки Курского педагогического института, вып. V, 1956, стр. 70—122.

даеву вобрало в себя фрагменты незавершенной статьи 1834 г. «О ничтожестве литературы русской». От тех же постулатов отправляется Пушкин, возражая в 1830 г. Н. А. Полевому, склонному переносить на русскую историю конечные выводы французской романтической историографии, полученные на материале истории других европейских стран. Очень вероятно, что в этом была одна из точек соприкосновения позиций Пушкина и Любомудров; однако пушкинская позиция вырывает совершенно самостоятельно и до начала его тесных контактов с кругом «Московского вестника». Она сказывается уже в 1826 г. в записке «О народном воспитании», совершенно явственно проступая за официальной фразеологией этого документа. Весьма существенно, на какие историко-философские концепции ориентируется здесь Пушкин. Такой анализ в полном объеме не произведен, однако несомненно, что Пушкин воспринял многое из того, что было изложено в «Записке о древней и новой России» Карамзина; хотя текст документа стал известен лишь в 1836 г., самое представление Карамзина о русском историческом процессе и целый ряд его конкретных соображений и предложений безусловно были известны его друзьям хотя бы из устных бесед.

Значение «Записки» Карамзина как этапа в развитии русской философско-исторической мысли по сие время недооценено; ее политическая доктрина и характер ее консерватизма также еще ждут подробного исследования. В данном случае нас интересуют не конечные политические выводы «Записки», а ее историческая методология: «Записка» была наиболее заметной попыткой поставить вопрос об органическом развитии форм русской общественной жизни и рассмотреть современность с точки зрения соответствия (или несоответствия) ее всему процессу в целом. Это очень близко к методологии пушкинской записки «О народном воспитании». Как у Пушкина, так и у Вяземского мы обнаруживаем следы воздействия и некоторых принципиальных идей Карамзина; так, в напечатанном в «Литературной газете» «Введении к жизнеописанию Фонвизина» мы находим констатацию «недостатка в основательном учении» в России и «в знании, которое по месту своему в чиновничьем гражданском, могло бы исключительно посвятить себя трудам ума»; эти два обстоятельства, а также «обязанность дворянства, более или менее, но вообще грамотного, служить, и алчная нетерпеливость быть офицерского чина в лета, когда еще не стыдно быть слушателем университетских лекций», по мысли Вяземского, составляют «одни из главных причин застоя нашего в движении мысли и творческой деятельности».⁵² Мы без труда уловим здесь черты пушкинской критики непросвещенного дворянства: «В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится

⁵² Литературная газета, 1830, № 3, стр. 21.

вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил» и т. д. (XI, 44). Все это восходит к «Записке о древней и новой России», но Пушкин и Вяземский усиливают просветительское звучание положений Карамзина (Николай I не без некоторых оснований усмотрел в пушкинском просветительстве родство с декабристскими программами).

Однако позиции Пушкина и Вяземского не тождественны, хотя и близки. Понятие «просвещение» у Пушкина выступает уже в осложненном виде. Многократно на протяжении 1830-х годов противопоставляя «дикость» и «цивилизацию», «образованность» и «невежество», Пушкин выдвигает в качестве различающего признака «уважение к минувшему», а более широко — в масштабе нации — национальное, историческое и политическое самосознание. Производным от этого положения является требование национальной специфичности культуры, «своего» вклада в историю, органического, а не внешнего усвоения инонациональных интеллектуальных ценностей. Все это является непрременным условием истинного «просвещения». И здесь совершенно закономерно появляется термин «полупросвещение», который не был изобретением Пушкина, но получил свое наполнение в пределах его концепции.⁵³

Впервые это слово употреблено Пушкиным в статье о «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина (1830) для характеристики Сорванцова (XI, 96). Пушкин вводит его для обозначения разрыва между варварством жизненного уклада «русского барича» и усвоенными им европейскими внешними формами поведения и даже европейскими гуманистическими идеями, которые Сорванцов не может применить на практике. Все это — «полупросвещение»

⁵³ Происхождение этого выражения обычно связывается с формулировками Екатерины типа «полумудрецы сего века» и манифеста Николая I 1826 г. («полупознание»). См. комментарий Н. К. Козмина в изд.: Сочинения Пушкина, т. IX, кн. II, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 759. Примеры других сходных и даже совпадающих формулировок у Пушкина и в манифесте см.: Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. Гослитиздат, М., 1958, стр. 397. Однако самого слова «полупросвещение» ни у Екатерины, ни в манифесте нет. В русской критике и публицистике 1820-х—1830-х годов оно, напротив, было довольно обычным; см., например, «Разговор двух приятелей» (Московский телеграф, 1825, № 5, прибавление, стр. 77, 78; статья подписана «X.» и обычно — без больших оснований — приписывается В. Ф. Одоевскому — см.: Н. К. Козмин. Очерки по истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903, стр. 48, прим. 2; П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель, т. I, ч. I, М., 1913, стр. 221; впрочем, о «полупросвещении» Одоевский писал в своих позднейших заметках — Русский архив, 1874, № 7, стлб. 43). Слово это мы находим у М. Ф. Орлова в книге «О государственном кредите» (1833), которую Пушкин читал в 1833—1834 гг. (см.: М. Ф. Орлов. Капитуляция Париджа. Политические сочинения. Письма. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 136); об употреблении его у Вяземского см. ниже.

в сфере быта и нравов, хотя быт и нравы чиновника и помещика получают непосредственный выход в общественную жизнь. Вторично Пушкин возвращается к этому определению в статье «Александр Радищев», раскрывая ее следующим образом: «Невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приносившие ко всему» (XII, 36). Развитие и расширение значения термина здесь подготовлено предшествующими размышлениями Пушкина на эту тему.

В «Фонвизине» Вяземский то и дело затрагивает вопросы, имевшие для Пушкина принципиальное значение, и как бы включается в круг осмысляемых Пушкиным проблем. Так происходит и с понятием «полупросвещение». Нельзя считать случайным, что оно появляется у Пушкина в статье о Фонвизине, генетически связанной с работой Вяземского над изданием фонвизинских сочинений. В главе VIII своей книги Вяземский пишет: «В „Бригадире“ можно видеть, что погрешности воспитания русского живо поражали автора; но худое воспитание, данное бригадирскому сынку, это *полупросвещение*,⁵⁴ если и есть какое просвещение в поверхностном знании французского языка, в поездке в чужие края без нравственного, приговорительного образования, должны были выделаться из него смешного глупца, чем он и есть».⁵⁵ Как мы видим, понятие употреблено в значении, почти тождественном первому (узкому) значению этого слова у Пушкина. Дальше Вяземский не идет; его суждения и заключения, иногда сами по себе тонкие и пронизательные, не освещены сколько-нибудь целостной историко-философской концепцией. Вяземский — критик, журналист, публицист — и очень редко философ или историк; его словоупотребление неожиданно и нередко блистательно, но это не общественно-политическая терминология, как у Пушкина. Однако в другом месте своей книги, вновь вернувшись к вопросам воспитания, Вяземский прямо подходит к философско-историческому обоснованию понятия «просвещение» как оно складывается у Пушкина. Протестуя против космополитического характера русского воспитания, он пишет: «В применении к воспитанию частному, т. е. личному, а не народному, не должно терять из виду, что именно для того, чтобы европейцем быть, должно начать быть русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле европейском и, следовательно, должна в сынах своих иметь полномочных представителей за себя. Русский, перерожденный в француза, француз в англичанина и так далее, останутся всегда сиротами на родине и не усыновленными чужбиною». Против этого места Пушкин ставит: «прекрасно» (фрагм.

⁵⁴ Выделено нами, — В. В., М. Г.

⁵⁵ Вяземский, т. V, стр. 135—136.

12). Та же помета стоит и против характеристики русской драмы («Наша драма подкидыш..» — фрагм. 75); накладываясь на теоретический опыт «Бориса Годунова» и замыслов статьи о народной драме, формула Вяземского соотносилась с теми же пушкинскими требованиями выработки национально-исторического самосознания, но уже в иной сфере — в сфере литературы.⁵⁶

4

Существенную группу помет составляют замечания, касающиеся заграничного путешествия Фонвизина. Как и в других случаях, Пушкин читал эти главы книги под определенным углом зрения, и пометы, при всем многообразии их содержания, оказываются связанными единой мыслью и проецированными на современную проблематику. Почти все они полемичны, и это не вызывает удивления. Немногочисленные свидетельства современников донесли до нас отголоски споров Пушкина и Вяземского 1830-х годов, споров, принимавших порой ожесточенный характер. Вспоминая о них, Вяземский писал в «Автобиографическом введении»: «Между прочим, находил он <Пушкин>, что я слишком живо нападаю на Фонвизина за мнения его о французах, и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужеземными писателями. Этого чувства я не знаю».⁵⁷ Споры эти развертываются на протяжении 1830—1832 гг., достигая большого накала после выхода стихотворения «Клеветникам России», и охватывают довольно широкие сферы политической жизни. Резкий отзыв Вяземского об этих стихах (и стихах Жуковского) хорошо известен;⁵⁸ союзником его являлся А. И. Тургенев.⁵⁹

⁵⁶ См.: Б. С. Мейлах. Незавершенная литературно-эстетическая декларация Пушкина 30-х годов. В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 88—97.

⁵⁷ Вяземский, т. I, стр. LI. Печатный текст «Автобиографического введения» не учитывает авторской правки. В частности, к данному свидетельству Вяземского имеется его приписка о помете Пушкина (см. стр. 124). В другом месте, относящемся также к Пушкину, печатный текст дефектен; определение в нем позиции Пушкина (там же, стр. LVII) содержит алогизм. В рукописи Вяземский исправил ошибку переписчика, но исправление не попало в печать. Приводим это место по автографу: «Он (Пушкин, — В. В., М. Г.), хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отчуждениям, так сказать, в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывающей, что она член Европы: то есть до-Петровской России; я, напротив, вообще держался понятий международных, узаконившихся у нас вследствие преобразования древней России в новую» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1183, л. 58).

⁵⁸ См.: П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 211—215. См. также: XIV, 261.

⁵⁹ См.: Вяземский, т. VIII, стр. 168; письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 11 августа 1832 г. — ЖМНП, 1913, март, стр. 18;

Свидетельства Вяземского и А. И. Тургенева, удостоверяющие самый факт споров и «русофильства» Пушкина, «громившего Запад», следует сопоставить с дневниковыми записями Н. А. Муханова за 1832 г. Записи эти имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу и дают свидетельствам Вяземского и Тургенева необходимую перспективу. 29 июня Н. А. Муханов пишет: «К Вяземскому поздравить с именинами. Нашел у него Полукет<ову> и Алекс<андра> Пушкина. Она осталась чужда разговору, который продолжался между мною и Пушкиным о новейшей литературе фр<анцузской> и нововышедших в свет книг<ах>. Он находит, что лучшая из них Table de nuit, Musset. Я спросил мнения его о Дюмоне, которого еще не читал, но он известен мне по критике Débats и по мнению некоторых моих знакомых: Увар<ова>, Тол<стого>, Пан<ина>, всех очень его хвалящих. — Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор, в коем я хотя не читал Дюмона, но совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старается похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением, коему дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересен, что Jules Janin врет, что французы презрительны, что таланта истинного у них нет, что лучшие их таланты не французы, что Мирабо не Француз, что Journal des Débats нельзя принимать за мнение всей Франции, и что ее мнение даже неважно и проч. Спор усиливался».⁶⁰

Швейцарский публицист Пьер-Этьен-Луи Дюмон (1759—1829) в молодости жил в России — в 1782—1783 гг. он был священником в Петербурге; затем уехал в Англию и служил секретарем у маркиза Лансдоуна; в начале Великой французской революции переехал в Париж, там сблизился и сотрудничал с Мирабо; в 1791 г. уехал снова в Англию, где стал секретарем и переводчиком Бентама. В январе 1832 г. в Брюсселе посмертно были изданы его мемуары «Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives». В книжных лавках Парижа воспоминания Дюмона появились в двадцатых числах января и сразу же вызвали разгромную рецензию Жюля Жанена в «Journal des Débats» от 22 января. Три месяца спустя в той же газете была напечатана вторая рецензия Жюля Жанена на книгу Дюмона. Всячески под-

М. Гиллельсон. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева. — Русская литература, 1964, № 1, стр. 126—127.

⁶⁰ Русский архив, 1897, № 4, стр. 654. Уточнено по рукописи (Отдел письменных источников государственного исторического музея, ф. 117, № 81, лл. 43 об.—44 об.). В письме к жене Вяземский сообщал об этом споре с Пушкиным: «Был Муханов, Полукетова, Блулов, Пушкин, с которыми мы два битых часа спорили о книге» (Звенья, т. IX, 1951, стр. 405).

черкивая, что французу Мирабо не подобает набираться ума у женева Дюмона, Жюль Жанен заявлял, что теперь, после появления мемуаров Дюмона, стало понятным, почему некоторые речи Мирабо обладают недостатками; разгадка в том, что в них «сердце, душа, ум женева, английский, русский секретарей Мирабо».⁶¹

Здесь нам придется прервать чтение дневника Н. А. Муханова и изложение обстоятельств и предмета споров Пушкина и Вяземского, чтобы посмотреть, как они проецируются на проблематику помет о заграничном путешествии Фонвизина. Самый факт такой проекции очевиден и сомнений не вызывает.

Проблематика спора была подготовлена расхождениями между Пушкиным и Вяземским в польском вопросе и в оценке французских событий 1830—1831 гг.⁶² Его полемическая запальчивость объясняется как острейшим восприятием этих событий, так и конкретным поводом спора — декларативным утверждением национальной исключительности в статьях Жанена. Отсюда — брошенные в пылу полемики фразы типа: «французы презрительны», «лучшие их таланты не французы» и т. д. Для нас особенно интересно, что спор этот происходит в июне 1832 г., т. е. отделен от времени помет на «Фонвизине» несколькими месяцами, а может быть и меньше. К сожалению, точные хронологические рамки полемики Пушкина с Вяземским о европейских делах нам неизвестны. Во всяком случае глава «Фонвизина» о заграничных письмах сатирика определенно содержит внутреннюю полемику, даже не слишком завуалированную, и пометы Пушкина — лишь продолжение разногласий, начавшихся ранее. В этом контексте смысляется помета «Сам ты Гиббон» против цитаты из Гиббона в «Фонвизине», где утверждаются достоинства французского национального характера (фрагм. 61).

Помета против цитаты из Гиббона — лишь наиболее ясный случай. Расхождения по вопросам современной политики сквозят почти во всех пометах Пушкина к тексту этой главы. Многочисленные критические замечания Фонвизина о нравах Западной Европы, его иронический постоянный рефрен «славны бубны за горами», его суждения о том, что во многих отношениях русская

⁶¹ Journal des Débats, 1832, 22 avril.

⁶² О позиции Пушкина см.: В. А. Францев. Пушкин и польское восстание 1830—1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Прага, 1929; М. Д. Белаяев. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрову. В кн.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрову. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 257—300; Б. В. Томашевский. Пушкин и Июльская революция 1830 г. (Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрову). — Там же, стр. 301—361; V. Lednicki. Pouchkine et la Pologne. A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine. Paris, 1928. Очень характерны отметки ногтем в тексте писем Фонвизина, где идет речь о польских делах (фрагм. 47, 48); вряд ли можно сомневаться, что они сделаны Пушкиным.

жизнь предпочтительнее западноевропейской, вызывают у Вяземского обвинение Фонвизина в пристрастии, в том, что его письма из-за границы «писаны будто с кафедры, во услышание и трепет грешников». Этим письмам Фонвизина Вяземский противопоставляет положительную оценку западноевропейской жизни в «Письмах русского путешественника» Карамзина, писанных, как он заявляет, «без педанства, без догматической важности».

Полемический задор Вяземского явственно сказался в его упреке брезгливости Фонвизина, находившего, что «Париж немножко почище свиного хлева». Пушкин против этого места отвечает на полях: «Нечистота Парижа вошла в пословицу. Voyez Voltaire, Mercier, Stern etc» (фрагм. 56). Пушкин имел в виду «Картины Парижа» Мерсье, «Вавилонскую принцессу» Вольтера, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Стерна, в которых грязь парижских улиц описана с достаточной яркостью. Здесь против него свидетельствовал и Карамзин, также писавший в «Письмах русского путешественника» о нечистоте Парижа. Вяземский вынужден был признать справедливость замечания. Но, отступив в этом частном вопросе, Вяземский оставил неприкосновенными свои последующие нападки на Фонвизина за его иронические замечания о «мерзком» столовом белье у французов и т. п.

С неодобрением писал Вяземский об итальянских впечатлениях Фонвизина: «Будем ли мы иметь право изобличать перед судом Европы Масона, Кларка и других ему подобных, если не подосадуем на соотечественника своего, когда он, например, говорит, — далее Вяземский цитирует смонтированные им отрывки из писем Фонвизина к родным из Рима от 7 (18) декабря 1784 г. и от 1 (12) февраля 1785 г., — что честных людей во всей Италии, по истине сказать, так мало, что можно жить несколько лет и ни одного не встретить; что господа делают со своими холопьями деньги, которые сии последние получают от приезжих; что в знатнейших домах должно пройти несколько хлевов, чтобы добраться до гостиной; что в Папских владениях застрелить человека или собаку все равно; что для человечества Рим есть земной ад!». Против этого абзаца Пушкин написал: «Но если это правда?» (фрагм. 67). Подготавливая рукопись к печати, Вяземский оставил это место в сокращенном виде: «... что честных людей во всей Италии, по истине сказать, так мало, что можно жить несколько лет и ни одного не встретить, — что для человечества Рим есть земной ад!». На первый взгляд может показаться, что Вяземский согласился с пометой Пушкина, выбросив ряд реалий из инвективы, подобранной из писем Фонвизина; на самом деле, исключив менее значительные подробности, Вяземский усилил впечатление о степени недовольства Фонвизина итальянской жизнью. Тенденциозный характер этой цитаты становится особенно ясным при сопоставлении ее с текстом письма самого Фонвизина: «Теперь живем мы в папском правлении, и нет дня, в которой бы жена моя,

выехав, не плакала от жалости, видя людей мучительно страждущих: без рук, без ног, слепые, в лютейших болезнях, нагие, босые и умирающие с голоду везде лежат у церквей под дождем и градом. Я не упоминаю уже о тех несчастных, которые встречаются кучами в болячках по всему лицу, без носов и с развращенными глазами от скверных болезней; словом, для человечества Рим есть земной ад. Тут можно видеть людей в адском мучении. Сколько тысяч таких, которые не знают, что такое рубашка. Летом ходят так, как хаживал праотец наш Адам, а зимою покрыты лохмотьем вместо кафтана и брюхо голое наружи. Вот как здесь шеголяют, между тем как папа и кардиналы живут в домах, каких нет у величайших государей».⁶³ Из этой зарисовки глубоких социальных противоречий Рима Вяземский взял одну строчку: «... для человечества Рим есть земной ад!». Соединив ее с другими высказываниями Фонвизина о том, что в Италии почти нет честных людей, Вяземский полностью отошел от оригинала, придав словам Фонвизина более обобщенный смысл, более негативный характер. В этом приеме сказалась публицистическая заправка Вяземского и острота политических споров, в атмосфере которых писалась и исправлялась рукопись «Фонвизина».

Полемическая запальчивость Вяземского с особой силой обнаруживается в его изложении писем Фонвизина о Вольтере. Вот что пишет Вяземский по этому поводу: «Во время пребывания путешественника <Фонвизина> в Париже, приезжал Вольтер. Восторги, поклонения, апофеоз заживо, которыми приветствовала его благодарность сограждан, сие торжество, напоминающее народные празднества древней Греции, не возбудили никакого умиления в душе писателя. Крики упоенной публики в театре: vive Voltaire! кажутся ему неблагопристойными, и вместо того, чтобы в лице его участвовать в торжестве, приносящем честь всем авторским заслугам, он, как будто чуждый сим заслугам, дивится, что народ может гордиться своим писателем и приносить ему дань удивления и любви». Возражая Вяземскому, Пушкин пишет на полях его рукописи: «Описание Вольтерова торжества в Ф. В. превосходно и есть исторический документ. О Вольтере Ф. В. везде отзывается не только с уважением, но и с явной симпатией» (фрагм. 60).

В письме от 20 (31) марта 1778 г. Фонвизин писал родным: «Вчера Волтер был во Французской академии. Собрание было многочисленное. Члены Академии вышли ему навстречу. Он посажен был на директорское место и, минуя обыкновенное баллотирование, выбран единогласно в директоры на апрельскую четверть года. От Академии до театра, куда он поехал, народ провожал его с непрерывными восклицаниями. Представлена была новая

⁶³ Д. И. Фонвизин, Собр. соч., т. 2, Гослитиздат, М.—Л., 1959, стр. 537—538; из письма от 7 (18) декабря 1784 г. (В дальнейшем — Фонвизин).

трагедия: „Ирена, или Алексей Комнин“. При входе в ложу публика аплодировала ему многократно с неописанным восторгом, а спустя несколько минут Бризар, как старший актер, вошел к нему в ложу с венком, который надел ему на голову. Волтер тотчас снял с себя венок и, заплакав от радости, сказал вслух Бризару: „Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir!“⁶⁴ Трагедия играна была гораздо с большим совершенством, нежели в первые представления. По окончании ее новое зрелище открылось. Занавес опять был поднят; все актеры и актрисы, окружая бюст Волтеров, увенчивали его лавровыми венками. Сие приношение публики сопровождала громким рукоплесканием, продолжавшимся близ четверти часа непрерывно. Наконец представлявшая Ирену г-жа Вестрис, оборотясь к Волтеру, читала следующие стихи <...>. Для показания своего удовольствия публика велела повторить чтение сих стихов и аплодировала им с великим криком. Как же скоро Волтер, выходя из театра, стал садиться в свою карету, то народ закричал: „des flambeaux, des flambeaux!“ По принесении факелов, велели кучеру ехать шагом, и бесчисленное множество народа с факелами провожало его до самого дома, крича непрестанно: „Vive Voltaire!“⁶⁵

С явной симпатией писал Фонвизин о встрече с Вольтером в апреле 1778 г.: «Мы с женою предпочли видеть „Альзиру“ и приехали в театр очень кстати. За нашею каретою ехал Волтер, сопровождаемый множеством народа. Вышед из кареты, жена моя остановилась со мною на крылечке посмотреть на славного человека. Мы увидели его почти на руках несомого двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, приметил он, что мы нарочно для него остановились, и для того имел атенцию, к ней подойдя, сказать с видом удовольствия и почтения: „Madame! Je suis bien votre serviteur très humble.“⁶⁶ При сих словах сделал он такой жест, который показывал, будто он сам дивится своей славе. Сидел он в ложе madame Lebert, но публика не прежде его усмотрела, как между четвертым и пятым актом. Лишь только заметила она, что Волтер в ложе, то зачала аплодировать и кричать, потеряв всю благопристойность: „Vive Voltaire!“ Сей крик, от которого никто друг друга разуметь не мог, продолжался близ трех четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый акт, четыре раза принималась, но тщетно! Волтер вставал, жеста благодарил партер за его восхищение и просил, чтоб позволил он кончить трагедию. Крик на минуту утихал, Волтер садился на свое место, актриса начинала, и крик поднимался опять с большим стремлением. Наконец все думали, что пьесе век не кон-

⁶⁴ «Господи! Вы же хотите меня уморить» (франц.).

⁶⁵ Фонвизин, т. 2, стр. 441—442; см. также письмо к П. И. Панину (там же, стр. 409—411).

⁶⁶ «Сударыня! Я — ваш покорнейший слуга» (франц.).

читься. Господь ведаёт, как этот крик перервался, а Вестрис преуспела заставить себя слушать. Трагедия играна была отменно хорошо».⁶⁷

Итак, перед нами намеренно односторонняя интерпретация писем Фонвизина, «осовременивание» исторического материала, проецирование его на современные споры о России и Западной Европе, и самый материал здесь лишь повод, но не первопричина. Однако не являясь первопричиной, он тем не менее весьма существен и не может быть исключен из анализа. Отнюдь не безразлично, на какой именно арене разыгралась острая схватка между Пушкиным и Вяземским. В этом отношении значительный интерес представляет полемика о Даламбере и Кондорсе. Вяземский пишет: «Почтешь ли следующий отзыв отзывом литератора: „Из всех ученых более всех удивил меня Даламберт: я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премежку фигуру и преподлинную физиогномию!“». И хотя в этой характеристике явно чувствуется недоброжелательный подтекст, особенно если учесть всю совокупность высказываний сатирика о французских энциклопедистах — Пушкин пишет на полях рукописи: «Отзыв очень любопытный и вовсе не оскорбительный. — Даламб.<ер> и Кондорсет имели подлинную наружность. Первый был известен своим буфонством» (фрагм. 58). Здесь вновь сказывается принципиальное расхождение между Пушкиным и Вяземским в оценке позиции Фонвизина. Как и в случае с Вольтером, Вяземский противопоставляет Фонвизина французским просветителям, Пушкин сопоставляет их, усматривая черты идейной и духовной близости. Слова «отзыв... вовсе не оскорбительный» свидетельствуют, что Пушкин толковал его приблизительно следующим образом: Фонвизин был исполнен уважения к ученым заслугам Даламбера («воображал лицо важное, почтенное») и в момент встречи был поражен контрастом между высотой его интеллектуальной деятельности и отсутствием достоинства в его внешнем облике и повседневном поведении. Это последнее для Пушкина — исторически засвидетельствованный реальный факт, и самое удивление Фонвизина, с точки зрения Пушкина, скорее говорит о признании сатириком значительности трудов Даламбера, нежели о пренебрежении. Отзыв перестает быть «оскорбительным». Но помета Пушкина имела и другой подтекст, более глубокий.

Еще в конце 1827 или в начале 1828 г. Вяземский занес в записную книжку следующую заметку: «Даламберт: Фон-Визин» оклеветал его. Искательства его и других энциклопедистов были не подлость, а политические домогательства: им нужен был союз дворов и вельмож, чтобы утвердить свое положение: тем более, что во Франции они угрожаемы бывали правительством. Далам-

⁶⁷ Фонвизин, т. 2, стр. 447—448.

берту верно были нужны не деньги».⁶⁸ Вяземский имеет в виду письмо Фонвизина к П. И. Панину, в котором он писал: «Корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самых философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они человеческою слабостию. Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие. Я докажу опытом справедливость моего примечания. Приехал в Париж брат г. Зорича, полковник Неранчич, человек, впрочем, честный, но совсем незнакомый с науками. Служил он весь век в гусарских полках, никогда не брал книг в руки и никогда карт из рук не выпускал. Лишь только проведали д'Аламберт, Мармонтель и прочие, что он брат г. Зорича, то не почли уже за нужное осведомляться о прочих его достоинствах, а явились у него в передней засвидетельствовать свое низжайшее почтение. Мое к ним душевное почтение совсем истребилось после такого подлого поступка. Расчет их ясно виден: они сею низостью ласкались чрез Неранчича достать подарки от нашего двора. Рука, от которой бы они их получили, удовольствована б их тщеславие, а подарки корыстолюбие».⁶⁹ Как известно, С. Г. Зорич был в 1777—1778 гг. фаворитом Екатерины II.

Это письмо Фонвизина к П. И. Панину подразумевал Вяземский, когда стыдил сатирика в своей рукописи: «Даламберта, Дидерота, Мармонтеля описывает он <Фонвизин> шарлатанами, обманывающими народ за деньги, таскающимися по передним вельможам для испрашивания милостыни...». Пушкин подчеркнул слова «таскающимися по передним вельможам» и на полях поставил NB (фрагм. 57). Можно не сомневаться, что подчеркнутое место служило одним из опорных пунктов в возражениях Пушкина Вяземскому. В 1836 г. Пушкин вновь вернется к этому предмету на материале биографии Вольтера, променявшего «свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого»; вернется, чтобы сделать вывод: «...настоящее место писателя есть его ученый кабинет <...> независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы» (XII, 81).

Таким образом, обозначается несколько аспектов и узловых пунктов, вокруг которых концентрируется полемика. Попытаемся их выделить.

Один из них, проходящий в подтексте, — сравнительная оценка социальной жизни России и Западной Европы. Пушкин возражает против безоговорочного предпочтения последней, к чему склонен Вяземский. Этот аспект полемики подготовлен размышлениями Пушкина о своеобразии русского исторического процесса,

⁶⁸ П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 113.

⁶⁹ Фонвизин, т. 2, стр. 481.

о чем нам приходилось говорить выше; за ним стоят представления Пушкина о «просвещении» и «полупросвещении» и о выработке национального самосознания.

Второй вопрос — об общественном поведении французских энциклопедистов, уже — об их взаимоотношениях с Екатериной II. Это — часть проблемы социальной зависимости или свободы писателя (философа) на материале XVIII в. Восприятие Пушкиным личности и деятельности Фонвизина стоит в непосредственной связи с этой проблемой, которая уходит своими корнями глубоко в социально-исторические представления Пушкина и прежде всего в его концепцию «века Екатерины», получившую в условиях 1830-х годов особый и остро актуальный смысл.

5

Свой взгляд на деятельность Екатерины II Пушкин, как известно, изложил впервые в 1822 г. в «Заметках по русской истории XVIII века», неоднократно служивших предметом исследования. Давая резко отрицательную характеристику «Тартюфа в юпке и в короне», Пушкин выделяет несколько существенных черт ее царствования. Во-первых, это узурпаторство и фаворитизм, следствием которого явилось унижение дворянства и обогащение небольшой группы любимцев. Во-вторых, глубокое лицемерие ее внутривластной деятельности («фарса <...> депутатов», «непристойно разыгранная», но имевшая в Европе свое действие; формальное уничтожение рабства с одновременным раздариванием крестьян и закрепощением Малороссии, деятельность тайной канцелярии при формальном уничтожении пытки; поощрение просвещения и преследование писателей и т. д.); наконец — гонение на духовенство. Право на «благодарность потомства» Екатерина заслуживает лишь некоторыми своими внешнеполитическими акциями.

До сих пор не существует работ, устанавливающих соотношение всей этой концепции в целом со взглядами позднего Пушкина. Не подлежит сомнению, что многое из нее сохранилось и в 1830-е годы.⁷⁰ Однако в целом ряде конкретных оценок Пушкин 1830-х годов прямо противоречит своим «Заметкам» 1822 г., и нетрудно показать, что это — результат уточнившихся представлений о роли

⁷⁰ Так, Пушкин продолжает отмечать факты фаворитизма и развращенности екатерининского двора — ср. выписанный им анекдот о шести фрейлинах, получивших именные знаки шести заговорщиков (XII, 202), анекдоты о Зубове и Черткове (XII, 329); очень характерны записи об узурпаторстве как следствии постепенного падения дворянства в заметках о дворянстве 1830 г. (XII, 206) и особенно запись в дневнике от 30 ноября 1833 г. о распущенности гвардии при Екатерине, что для Пушкина было следствием узурпаторства и показателем возможности перерождения монархии в деспотизм (XII, 315). Вопросы о роли русского духовенства Пушкин коснется в письме к Чаадаеву 1836 г.

тех или иных деятелей в историческом процессе, рассмотренном под определенным углом зрения.

Отношение к Екатерине оказывается сложным уже в 1820-е годы; в дальнейшем оно осложняется еще более.⁷¹ Характерно в бесцензурном «Послании цензору» в том же 1822 г. упоминание «Наказа» Екатерины как своего рода кодекса независимости писателя и ссылка на чтение Фонвизинным «Недоросля» «в глазах монархини» как доказательство относительной свободы писателя в царствование Екатерины. К этому эпизоду Пушкин будет впоследствии возвращаться. В 1825 г. он перепечатывает в примечаниях к I главе «Евгения Онегина» отрывок из речи Карамзина 1819 г. с апологетической характеристикой просветительской деятельности Екатерины (VI, 653—654) (в полных изданиях романа это примечание было опущено). К 1824 г. относится набросок «Мне жаль великия жены» — характерный образец сочетания иронического отношения к самой Екатерине — «милой старушке», живой «приятно и немного блудно» с признанием за ней общественных заслуг: «мы ей одолжены И просвещеньем, и стихами» (II, кн. 2, 868, черновые варианты). Наконец в 1825 г. в письме Бестужеву Пушкин эскизно намечает одну из существенных тем своих будущих историко-социологических размышлений; это тема взаимоотношения писателя и власти, возникающая во многом под влиянием личных впечатлений — в первую очередь от общения

⁷¹ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 577, 584, и П. Н. Берков. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV, Изд. АН СССР, 1962, стр. 79—89, где речь идет о возможной полемике Пушкина в «Заметках по русской истории XVIII века» с «Историческим похвальным словом Екатерине» Карамзина. Полемическое задание «Заметок», кажется, не подлежит сомнению, особенно если принять их толкование как памфлетной записки, предназначавшейся для нелегального распространения (см. комментарий Ю. Г. Оксмана в кн.: А. С. Пушкин. Собр. соч., т. VII, Гослитиздат, М., 1962, стр. 391). Между прочим, этот особый публицистический тон пушкинского произведения сразу же почувствовал Вяземский, впервые прочитавший его во втором берлинском издании «Стихотворений А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений» 1870 г. и отметивший «запальчивость» Пушкина; он склонен был объяснить ее «жгучей и вулканической» атмосферой тайных обществ, в которой «раскалялся» и он сам (см.: Князь Вяземский и Пушкин. С предисл. и примеч. Н. Барсукова. М., 1904, стр. 42). Тогда мы должны будем признать, что «Заметки по русской истории» не исчерпывают отношения Пушкина к Екатерине и в 1822 г. и намеренно заострены в публицистических (или даже агитационных) целях. А. Н. Шебунин даже отказывался видеть в «Исторических замечаниях» «что-либо иное, кроме чисто публицистического произведения» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 438). В известной мере то же относится и к «Историческому похвальному слову Екатерине» Карамзина, имеющему совершенно определенное идеологическое задание; темные стороны царствования Екатерины Карамзин видел и сказал о них, в ряде случаев предвосхитив пушкинские «Заметки» (см.: Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 39—41).

с Воронцовым. Гарантию независимости литературной и общественной позиции писателя Пушкин склонен в это время усматривать в его личной независимости в социальном и экономическом отношениях. Поэтому век Екатерины — век дворянской литературы, по мысли Пушкина, — не привел к сервилizmu писателей, хотя он и был «веком ободрений»; пример тому — Державин, «лесть» которого, как в оде на возвращение Зубова из Персии, оборачивалась иной раз актом большой гражданской смелости. На протяжении 1830-х годов эта тема углубляется и расширяется, получая историческое обоснование. В деятельности Екатерины Пушкин видит теперь закрепление начатого Петром революционного переворота, изменившего соотношение социальных сил. Екатерина ускорила распад старой землевладельческой аристократии политикой фаворитизма и поддержки «новой аристократии», всецело обязанной своим возвышением самодержцу и составляющей его опору; она превратила гвардию в личных телохранителей-драбантов и т. д. Все это было потенциальным переждением «монархии» в «тиранию».⁷² Однако потенции эти не реализовались. Высказывания Пушкина о месте екатерининского царствования в русском историческом процессе, к сожалению, настолько кратки и фрагментарны, что сколько-нибудь полная реконструкция всей системы его взглядов чрезвычайно затруднительна; очень досадно, в частности, что в черновике письма Чаадаеву 1836 г. характеристика Екатерины оборвана: [Jusqu'à Catherine II] on a continué chez nous la révolution de Pierre au lieu de la consolider. Catherine II craignait encore l'Aristocratie; [et n'a pas mis de bornes à] [à l'e <...>] (XVI, 260).⁷³ Под «аристократией» здесь понимается, конечно, старая аристократия. Есть и другие данные, позволяющие судить, что в представлении Пушкина процесс деклассирования и политического унижения старого дворянства при Екатерине не зашел еще слишком далеко; оно продолжало сохра-

⁷² Ср. в связи с этим размышления о наследственности знати как гарантии ее независимости: «противоположное неизбежно явится средством тирании» (XII, 485) и социальный утопизм намечаемых контрмер: укрепление майората как средства создания независимости слоя дворянства, см.: С. Я. Боровой. 1) Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х годов. В сб.: Пушкин и его время, вып. 1, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 246—264; 2) М. Ф. Орлов и его литературное наследие. В кн.: М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 307. Отсюда и внимание Пушкина к предполагаемым реформам Николая I — «контрреволюции революции Петра»; среди них Пушкин выделяет «ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных» (письмо Вяземскому от 16 марта 1830 г. — XIV, 69). См. об этом замечания А. Н. Шабунина в рецензии на статью П. Попова «Пушкин в работе над историей Петра I» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 439).

⁷³ Перевод: [До Екатерины II] продолжали у нас революцию Петра. вместо того, чтобы ее упрочить. Екатерина II еще боялась аристократии [и не поставила границ тем] [тем <...>].

нять сословный дух независимости, стремление к активной политической деятельности и культурные традиции (ср. воспоминания о фронде Л. А. Пушкина, отказавшегося присягнуть Екатерине во время переворота 1762 г. — в черновике плана «Опровержений на критики» есть характерная запись: «Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я (XI, 388); в тексте «Опровержений на критики» Пушкин замечает, что его предок был выпущен из заточения через два года и потом всегда пользовался уважением Екатерины (XI, 161). Не умножая подобных примеров, приведем еще только один, по нашему мнению, чрезвычайно показательный. В «Замечаниях о бунте» (1835) Пушкин пишет по поводу истории Шванвича: «Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и пр. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги» (IX, 374).

Историческая концепция «века Екатерины» у Пушкина, таким образом, оказывается неразвернутой и не лишенной противоречий; она намечена, но не сложилась в стройную систему взглядов. Цитированное место в «Замечаниях о бунте» показывает, что Пушкин к 1835 г. начинает выделять в истории этого времени те моменты, которые дают некую аналогию его социальным размышлениям 1830-х годов. Вообще для Пушкина существует несколько аспектов восприятия русского XVIII века, из которых на передний план выступает тот или другой; в пределах каждого происходят свои изменения и уточнения; общая же картина возникает как некая равнодействующая. К 1830-м годам все большее значение приобретает для Пушкина общекультурный аспект «екатерининского века», что, впрочем, характерно не для одного Пушкина; почти все критики, обращаясь к этому времени, говорят прежде всего о развитии «просвещения». У Пушкина такое представление в значительной мере было обусловлено обстановкой ожесточенных споров о «литературной аристократии», которые возгласил «Московский телеграф». С 1829 г. направление журнала Полевого принимает отчетливо антидворянский характер, крепнувший на протяжении 1830—1831 гг.⁷⁴ Борьба с дворянством, его сословными предрассудками, его моральными принципами и его культурой ведется последовательно и пронизывает весь материал журнала, не исключая даже переводных статей, выбранных под определенным углом зрения.⁷⁵

⁷⁴ См.: В. Г. Березина. 1) Литературно-общественная позиция Николая Полевого в «Московском телеграфе» 1825—1831 гг. Автореф. канд. дисс. Изд. ЛГУ, 1949, стр. 4; 2) Н. А. Полевой в «Московском телеграфе». Ученые записки ЛГУ, 1954, № 173, вып. 20, стр. 92.

⁷⁵ См. об этом в кн.: Ив. Иванов. История русской критики, части I и II. СПб., 1898, стр. 494 и сл.; об отражении этих тенденций в художе-

Борьба сразу же переносится в область литературы и истории. Начавшись полемикой об «Истории» Карамзина (затем и Полевого), она достигает памфлетной остроты в знаменитом эпизоде с «Посланием к вельможе». Есть своя особая закономерность в том, что предметом ожесточенной борьбы с далеко идущими социальными выводами стало стихотворение об аристократе XVIII в., как и в том, что аристократ этот у Пушкина намеренно идеализирован, так же как и его эпоха; в том, наконец, что в полемике на первый план выступил вопрос о свободе и сервиллизме художника. Вся эта проблематика, имевшая глубокие корни в буржуазном радикализме Полевого, прослеживается и в его статьях, посвященных литературе XVIII в. «Век Екатерины», — пишет Полевой, — был для России блестящим веком Людовика XIV и Медицисов. По их образцу устроилось и русское меценатство литературной иерархии. Литераторы искали покровительства вельмож, и не приближались к трону. Им указан был предел, далее которого нельзя было переступить в отношении установленного порядка. Потемкин называл Фонвизина *Денисом* и возил Петрова в обозе при себе. Уровень покровительства (*протекции*) и классицизма сглаживал все». ⁷⁶ Высказывания подобного рода можно было бы умножить. Полевой видит положительное значение этого периода в деятельности Новикова, который «первый создал отдельный от светского круг образованных молодых людей среднего состояния», ⁷⁷ и осторожно, но настойчиво проводит мысль, что основная заслуга Екатерины — в развитии промышленности и внесословном взгляде на своих подданных. ⁷⁸ Общая же оценка Полевым русской литературы XVIII в. безусловно отрицательна; резко выраженная нормативность его подхода к писателям этого времени неизбежно следовала из всей совокупности его обществен-

ственном творчестве Полевого см.: Д. Бернштейн. Художественное творчество Н. А. Полевого. — Литература и марксизм, 1929, № 5, стр. 89—120; см. также характеристику общественной позиции Полевого в статьях: М. К. Азадовский. Н. М. Языков. В кн.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 26 и сл.; В. Н. Орлов. Н. А. Полевой и «Московский телеграф». В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 256—299; Е. Н. Курянова. Н. А. и К. А. Полевые. В кн.: История русской критики, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 239—261.

⁷⁶ Н. <А.> Полевой. Сочинения Державина, т. 4, СПб., 1831 г. — Московский телеграф, 1832, № 15, стр. 543.

⁷⁷ Московский телеграф, 1830, № 2, стр. 206—208.

⁷⁸ Ср. в «Державине», где вся концепция творчества поэта подчинена единому заданию: доказать, что моменты близости ко двору были одновременно и моментами творческого спада; та же мысль — о враждебности «света» культуре и искусству — в более поздней рецензии на книгу К. Полевого о Ломоносове (Очерки русской литературы, ч. 1. М., 1839, стр. 254). Екатерина последовательно противопоставлена двору и вельможам как единственный человек, умеющий ценить дарования.

ных взглядов и полемической заостренности его литературной деятельности.⁷⁹

В 1830-е годы высказывания Пушкина о литературе прошлого, в существе своем подготовленные складывающейся у него исторической концепцией, тоже приобретают полемически-резкую форму. «Было время — литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок» (письмо Погодину около 7 апреля 1834 г. — XV, 124). «Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен)» (письмо П. А. Корсакову около 27 сентября 1836 г. — XVI, 162). Это противопоставление становится типичным. Наблюдая за развитием буржуазных отношений в журналистике, Пушкин видит, что на смену старым формам словной зависимости писателя приходят новые формы — экономической зависимости его от книжного рынка, от конкурентов, складывающихся форм литературной рекламы и т. д. Рассматривая профессионализацию литературного труда как историческую неизбежность, Пушкин с необычайной страстностью ополчается против превращения литературы в отрасль «промышленности», т. е. прямого принорования литературной проблематики и литературных форм к уровню малоквалифицированного читателя, — а именно эту тенденцию почти открыто провозглашала «Северная пчела». В деятельности Полевого Пушкин с известными основаниями усматривал идеологическую подготовку этого «цинизма демократии» (т. е. буржуазии, в понимании Пушкина), который уже сказывался в литературе перерождением «словесности» в «коммерцию».

Уродливые формы, в которых проходило становление буржуазных отношений в литературной среде, достаточно хорошо известны на примере «Северной пчелы» и романов Булгарина. В борьбе с «аристократией» Булгарин постоянно искал опоры в правительственных кругах — от двора до III отделения. Существовало твердое убеждение, что такую поддержку он снискал путем доносов, — убеждение, основанное частью на фактах, частью на полуапокрифических слухах; но во всяком случае несомненной реальностью было полуофициозное положение «Северной пчелы», почти монополю владевшей общественным мнением. Пушкин неоднократно писал об этом и в печатных памфлетах, и в обращении к Бенкендорфу 1832 г. (XV, 205—206). Литературные нравы «демократа» Булгарина были неслыханным посягательством на сложившиеся нормы этики, и противопоставление литераторов «прежних времен» литераторам-дельцам «вшивого рынка» возникало как закономерная реакция. Это обстоятельство необходимо учитывать, рас-

⁷⁹ Подробнее о концепции литературы XVIII в. у Полевого см.: П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 51—53.

смотря на вопрос о так называемом литературном аматёрстве, который вовсе не сводится к признанию или отрицанию литературной профессионализации. Между тем в литературе нередко противопоставление Пушкина — литератора-профессионала Вяземскому — аристократу и дилетанту. Вяземский посвящает литературному «дилетантизму» страницу в конце книги, говоря о полемике XVIII в. в сравнении с современной. Здесь становится совершенно очевиден дальний прицел идеализации XVIII в., которую допускает Вяземский. С одной стороны, при Екатерине — открытая схватка «добровольных, бескорыстных борцов», с другой — нападения исподтишка «наемников, ратующих из денег», «торгующих равно и присягою и оружием своим», готовых «прибегать ко всем пособиям предательства». В дальнейшем намеки на систему политических доносов становятся еще более откровенными: «...они имеют в запасе другое оружие потаенное, ядовитое, имеют свои неприступные засады, из коих поражают противников своих наверное. Сей язвы литератур и обществ, которые их терпят потому, что и в божием творении пресмыкаются ядовитые гады и следовательно нужны в общем плане создания, не знала старинная литература наша». Следующий кусок, уже совершенно прозрачный, Вяземский вычеркнул, возможно из соображений автоцензуры, и в печати он неизвестен. «Если кто захотел бы, опровергая нас, защитить современную литературу от наших обвинений, мы могли бы отвечать ему выпискою из Словаря Академии Российской: „Что ты запираешься? Есть на то видоки!“ (Словарь Акад.<емии> Российской, том 1, стран. 505)».⁸⁰ Пушкин смотрит на происходящее глубже, нежели Вяземский. В «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) мы находим место, которое в известном смысле является ключевым для уяснения острейших форм полемики о «литературной аристократии». «На кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию, — *pas si bête*. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состоянию, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) не хорошо — и даже неблагоприятно» (XI, 173).

Здесь вновь сказывается историческая подоплека социологических размышлений Пушкина. Ни Полевой, ни тем более Булгарин, не ставят вопроса о последствиях дифференциации дворянства.

⁸⁰ П. А. Вяземский. Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине. . . , л. 117.

«Родовой дворянин», «аристократ» остается для них носителем определенного заданного комплекса атрибутов. Согласно Пушкину, этот процесс ведет к перераспределению социальных сил и накладывает печать на социальную психологию. С другой стороны, писатели «демократического», т. е., в понимании Пушкина, «демагогического» лагеря в своей борьбе против этого дворянства находят опору, помимо монопольно захваченной ими печати, в правительственных кругах. «Аристократизм» Пушкина оказывается формой защиты, отстаивания своих прав на идеологическую и политическую независимость и наряду с этим утверждением передовой культурно-исторической роли дворянства, которое к 1830-м годам оставалось еще носителем основной части национальных культурных ценностей. В 1830 г. Пушкин возвращается к мемуарам г-жи де Сталь, прочитанным восемью годами ранее, чтобы почерпнуть из них «социологическую» характеристику русской литературы; приведенная по памяти, неточно и вне контекста, эта цитата из «Dix années d'exil» повторена Пушкиным на протяжении 1830—1836 гг. четыре раза,⁸¹ причем в «Путешествии из Москвы в Петербург» оказалась непосредственно связующим звеном между характеристикой литературы XVIII и XIX вв. «У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частью дворяне («En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature»). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться. Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги или хвалебным объявлением заманить покупателей. . . . Литература стала у нас ремесло выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то» (XI, 255).

На основе подобных противопоставлений и рождается идеализация «века просвещения», еще усиленная в полемических целях. Вероятнее всего, Пушкин сам осознавал ее как идеализацию; приукрашенность фигуры Юсупова в «Послании к вельможе» была для него совершенно очевидна. Что касается Екатерины, то в сознании Пушкина все время присутствовали pro и contra: очень по-

⁸¹ В наброске письма Бенкендорфу 19 июля—10 августа 1830 г. (XIV, 252—253) и около 27 мая 1832 г. (XV, 205); в письме к Баранту 16 декабря 1836 г. (XVI, 199) и в «Путешествии из Москвы в Петербург».

казательно, что он предлагает Вяземскому исключить то место первой главы, где речь идет о стихах Державина на смерть Потемкина (фрагм. 3). В строках Вяземского Пушкин почувствовал опасность превращения идеализации Екатерины в апологию; вряд ли его удовлетворяла и оценка Державина как поэта, находившего источник поэтического вдохновения в преклонении перед именем императрицы (выше мы говорили, как Пушкин понимал «лесть» Державина). Все это не укладывалось в концепцию Пушкина. «Независимость» писателя как социальной единицы для Пушкина неотделима от его духовной независимости. К концу 1830-х годов эти поиски духовной свободы, получившие столь явное выражение в стихотворении «Из Пиндемонти», становятся для Пушкина острейшей личной проблемой, а тема зависимости личности от условий экономического бытия проходит в целом ряде крупных произведений этой поры. XVIII век воспринимается теперь как своеобразный «век рыцарства», исторически обреченный, но сохраняющий значение некоего этического и эстетического образца (ср. «Послание к вельможе»). Общественная и литературная деятельность Фонвизина осмысливается в кругу именно этой проблематики.

То, что из всех литераторов XVIII в. едва ли не больше всех в 1830-е годы Пушкина интересует Фонвизин, совершенно естественно. С начала 1820-х годов фигура Фонвизина сопутствует пушкинским размышлениям о взаимоотношениях монарха и писателя. Фонвизин — оппозиционер и вольнодумец — появляется в «Заметках по русской истории XVIII века» и в близкой трактовке — в «Послании к цензору» (1822). Это представление — Фонвизин «друг свободы» и «сатиры смелый властелин»⁸² закреплено в первой главе «Евгения Онегина». Отражение того же восприятия дают нам и пометы на рукописи Вяземского: характерная отметка ногтем стоит внутри цитаты из предисловия к фонвизинскому переводу «Иосифа» Битобе: «Свободное слово мое возвышенным стихотворства языком вещати будет» (фрагм. 29).

В 1830 г. Пушкин дважды делает ссылку на чтение «Недоросля» в присутствии Екатерины («О новейших бластителей нравственности», «Опровержения на критики»), приводя первых слушателей комедии в пример широты эстетических воззрений. К этому времени появляются новые аспекты восприятия Фонвизина. Уже в 1826 г. у Пушкина были особые соображения о роли творчества Фонвизина для русской литературы; лаконичную и поверхностную характеристику Фонвизина, данную Вяземским в статье «О жизни и сочинениях Озерова» («Фонвизин <...> пи-

⁸² В данном случае не имеет существенного значения, какому чтению этой строки отдать предпочтение — «смелый властелин сатиры» или «властелин смелой сатиры» (см.: П. Н. Берков. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина»). — Русская литература, 1962, № 1, стр. 60—63).

сал прозою комедии, доньше лучшие на нашем театре, и даже единственные, как по истине представленных характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием») Пушкин сопровождает пометой: «Не поэтому. Но о Ф. Визине поговорим после» (XII, 219). Статьи Пушкина 1830-х годов создают ощущение, что Пушкин все время собирается продолжить этот «разговор» печатно: «тьнь Фонвизина» стоит за его лаконичными высказываниями об общественном значении литературы. Эта тема, казалось, уже намечается в статье о «Разговоре у княгини Халдиной», где Пушкин дает понять, что сатира Фонвизина вторгалась в самые глубокие тайники русской общественной жизни, и его «нравоописание» имело значение социологического исследования. Но и здесь Пушкин как будто сдерживает себя — быть может, не желая высказываться подробнее до выхода в свет труда Вяземского. Даже в статье о «Юрии Милославском» имя Фонвизина как образцового мастера «простонародного» драматического диалога остается в черновике (XI, 365; см. также ассоциацию в черновике статьи «О новейших блюстителях нравственности» — XI, 371). Создается впечатление, что Пушкин озабочен тем, чтобы имя Фонвизина не употреблялось всуе; лишь в тех случаях, когда сатирику не воздается должное, он считает себя обязанным высказаться печатно. Многозначительна поправка к суждению Киреевского в «Деннице» («... от Фон-Визина до Грибоедова мы не имели ни одного истинно комического таланта»): «Кажется автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: *кроме Фон-Визина и Грибоедова?*» (XI, 108). В «Романе в письмах» (1829) как будто завеса приподнимается. Имя Фонвизина оказывается связанным с центральным вопросом пушкинских размышлений о русской общественной жизни — вопросом о просвещении, его качестве и его социальной роли. В заметках о «Разговоре у княгини Халдиной» Пушкин опирался на драматический отрывок Фонвизина для определения понятия «полупросвещение». Здесь «Недоросль» дает как бы формулу, определяющую понятие «отсутствие просвещения»: эта формула — «Простаковы и Скотинины» (VIII, 53), которой Пушкин будет пользоваться и в дальнейшем: большинство его упоминаний и цитат из комедии связано как раз с этими именами. «Верное изображение нравов» Фонвизиным — то, что мы назвали бы типизацией — для Пушкина имеет теперь глубочайшее общественное значение: это сгусток социального опыта, отражение объективных процессов, проходящих в обществе. Познание этих процессов позволяет писателю влиять на формирование общественных нравов. Эта типично просветительская позиция сказывается в помете о ранних постановках «Недоросля»: возражая Вяземскому, склонному ограничивать воспитательную роль фонвизинской комедии, якобы не доходившей до своих адресатов — провинциальных помещиков, Пушкин замечает: «... в представлении „Недоросля“ в театре бывала давка — сыновья Простаковых

и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут — и следств.енно» видели перед собою близких и знакомых — свою семью» (фрагм. 8). Активная функция литературы для Пушкина 1830-х годов является неперменным условием истинного просвещения, и его собственная деятельность журналиста и публициста направлена именно к этой цели.

6

Вся проблематика пушкинских помет, которую мы вкратце пытались очертить выше, сосредоточивается как в фокусе в одной помете — по нашему мнению, едва ли не центральной. Пушкин высказывает свое полное согласие с утверждением Вяземского: Екатерина «не только уважала ум, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила к нему, но, так сказать, баловала и щадилла неизбежные уклонения его». Против этой цитаты стоит пушкинская оценка: «прекрасно» (фрагм. 3).

Перед нами — черты того идеализированного «века просвещения», о котором уже пришлось говорить. Но до сих пор речь шла о предпосылках такой идеализации: они объясняют почву, на которой могло возникнуть это утверждение, но истинный смысл пометы глубже. Попытаемся его вскрыть.

Для этого нам нужно вернуться к прерванному чтению дневника Н. А. Муханова.⁸³

4 июля 1832 г. Н. А. Муханов записал: «Поехал к Пушкину. Видел у него Плетнева и статую Екатерины, весьма замечательную. Говорили о его газете, мысли его самые здравые: анти-либеральные, анти-полевые, ненавидит дух журналов наших. Обещался быть ко мне на другой день. Он очень созрел». На следующий день (5 июля) в дневнике записано: «Написал <А. П.> Толстому, что Пушкин должен быть ко мне для свидания с ним <...> Пришел Алек<сандр> Пушкин. Говорили долго о газете его. Он издавать ее намерен с сентября или октября, но вряд ли успеет. Нет еще сотрудника. О Погодине. Он его желает: хочет мне дать

⁸³ Николай Алексеевич Муханов (1802—1871) приехал в 1832 г. в Петербург для устройства на службу. С помощью Вяземского, хлопотавшего через Д. Н. Блудова и Д. В. Дашкова, он был определен чиновником особых поручений Министерства внутренних дел. С Пушкиным у него были приятельские отношения, что видно не только из цитируемого дневника, но также из того, что Пушкин читал ему, одному из немногих, стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (см.: Пушкин в письмах Карамзинных. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 96). По-видимому, о Пушкине идет речь в недатированном письме А. П. Толстого к Н. А. Муханову: «Слухи носят, что у тебя множество хороших стихов покойника. Сделай дружбу, пришли на короткое время с подателем и сверх того скажи, можно ли заставить тебя сего дня от 6 до 9 часов вечера? Весь твой А. Толстой. 25. Пят<ница>» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 117, № 116, л. 17).

к нему поручение. О Вяземском он сказал, что он человек ожесточенный, айги, который не любит России, потому что она ему не по вкусу. О презрении его к русским журналам, о Андросове и статье Погодина о нем. Толстой говорил, что Андросов презирает Россию, унижает, о несчастном уничтожении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них не оппозиция правительству, а отечеству. Пушкин очень сие апробовал и говорит, что надо об этом сделать статью журнальную. Пушкин и Толстой очень сошлись мнениями. Пушкин говорил долго. Квасной патриотизм и совершенно согласно мыслями с Толстым, всё в его духе. Цель его журнала, как он понимает — хочет доказать правительству, что оно может иметь дело с людьми хорошими, а не с литературными шельмами, как доселе сие было. Водворить хочет новую систему. Наконец расстались очень довольные друг другом. Я много ожидаю добра от сего журнала». ⁸⁴

Попытаемся развернуть ход рассуждений Пушкина, поверхностно и в общем виде переданных в записи Н. А. Муханова.

Речь идет об известной пушкинской программе воздействия на правительство со стороны передовых дворянских писателей, т. е. о воплощении в действительности утопического проекта «просвещенной монархии». Такой проект предполагал, что писатели, формирующие общественное мнение, опираются на знание специфических законов русской общественной жизни, почерпнутое как из непосредственных наблюдений над нею, так и из углубленного изучения русской истории. Поэтому Пушкин предпочитает Вяземскому — публицисту «западнической» ориентации — Погодина — историка, известного своим интересом к «коренным началам» русской жизни и занятого изучением ее исторических основ. В эту проблематику без труда включаются споры Пушкина с Вяземским на страницах «Фонвизина»: Пушкин постоянно стремится показать историческую достоверность суждений Фонвизина — углубленного наблюдателя социальной жизни; в подтексте звучит противопоставление его Вяземскому. Понятным оказывается и спор об энциклопедистах, к которым у Пушкина в этот период отношение сложное: их безоговорочная защита и апологетическое отношение к их суждениям — для Пушкина оборотная сторона того же «полупросвещения», в котором он обвинял Полевого и позже будет обвинять Радищева — это некритическое усвоение чужих идей, без соотнесения их с особенностями того национального субстрата, на который они должны быть привиты. Характерно, что Пушкин считает необходимым сразу же защитить Фонвизина от обвине-

⁸⁴ Русский архив, 1897, № 4, стр. 657. Уточнено по рукописи (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 117, № 81, лл. 52 об.—55). О статье Андросова и возникшей в связи с ней полемикой см.: Н. Барсуков. Живая и труды М. П. Погодина, кн. IV. СПб., 1891, стр. 65—71.

ний в националистических пристрастиях (заметки о Даламберё, Кондорсе и о Вольтере). Столь же характерно, что он выделяет и другой аспект отношения Фонвизина к французским философам — осуждение их заискивания перед Екатериной.

Отсюда прямо протягивается нить к плану 1834 г. «О ничтожестве литературы русской».

Фрагментарность этого плана ставит перед его исследователями почти непреодолимые трудности. Заранее отказываясь от мысли дать его полное толкование, выскажем лишь несколько соображений, придерживаясь проблематики рассмотренных нами помет.

Наиболее вероятное чтение плана предложено в 1955 г. П. Н. Берковым: «Екатерина, ученица 18 стол.<етия>. Она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Ека<терина>, Ф<он> Визин и Радищ<ев>. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же как народ (члены ком<иссии> — депутаты). Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин, (Радищев)».⁸⁵

Слова «Екатерина, Фонвизин и Радищев» вписаны на полях, как можно судить, уже после окончания плана. Таким образом, Пушкин выделяет эти имена, составляющие отдельную проблему: из нее-то и должен, по-видимому, вытекать вывод: Словесность отказывается за нею <Екатериной> следовать...».

По каким признакам могли быть сопоставлены (или противопоставлены) Фонвизин и Радищев?

Во-первых, по признаку отношения к французской философии, о чем шла речь выше. Пушкин упрекает Радищева в слепом следовании Гельвецию, Дидро, Рейналю и другим. Самостоятельность же Фонвизина в оценке французских просветителей ему, очевидно, импонирует, как это явствует из помет на книге Вяземского.

Второй аспект — не менее, а быть может более важен. И Фонвизин, и Радищев — социальные наблюдатели, во многом верно подмечавшие язвы современной им общественной жизни. Статья «О ничтожестве литературы русской» пишется одновременно с «Путешествием из Москвы в Петербург», где Пушкин отправляется от книги Радищева, но включает туда и материалы из писем Фонвизина к Панину — письмо от 18 (29) сентября 1778 г., где сравнивается положение русского и французского крестьянина. Проблематика радищевского «Путешествия» шире той, которую Пушкин

⁸⁵ См.: П. Н. Берков. Пушкин и Екатерина II. — Ученые записки ЛГУ, № 200, Серия филол. наук, вып. 25, 1955, стр. 212—215. При последующих перепечатках этого места плана П. Н. Берков читал: «Екатерина. Фонвизин и Радищев»; см.: П. Н. Берков. 1) Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века, стр. 91; 2) Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, стр. 47. Нам кажется более оправданной запятая после слова «Екатерина» — чтение, принятое в академическом издании (XI, 496).

мог найти у Фонвизина, и в большей мере соответствовала кругу тем, разрабатываемых Пушкиным в 1834—1836 гг. В этом отношении Пушкин отдает предпочтение Радищеву, и интерес к нему оказывается более устойчивым.

Наконец, третий аспект, получивший развитие и обоснование в статье «Александр Радищев» — статье, по целям и замыслу не совпадающей с «Путешествием из Москвы в Петербург» — это вопрос о роли писателя-социолога, о формах и пределах его оппозиционности. В этом, собственно, зерно темы «Екатерина, Фонвизин и Радищев» и следующего за ним пункта плана.

Об оппозиционности Радищева Пушкин писал подробно в статье «Александр Радищев». О Фонвизине в этой связи он упоминал еще в начале 1820-х годов. При этом он, конечно, опирался не на «Недоросля». Более чем вероятно, что ему было известно фонвизинское «Рассуждение о непременных государственных законах» — как подлинный текст, так и переработка его Никитой Муравьевым были широко распространены в декабристских кругах.⁸⁶

Глухое упоминание об этом произведении есть в «Фонвизине» Вяземского. «Рассказывают, — пишет Вяземский, — что он <Фонвизин>, по заказу графа Панина, написал одно политическое сочинение для прочтения наследнику. Оно дошло до сведения императрицы, которая осталась им недовольною и сказала шутя в кругу приближенных своих: „Худо мне жить приходит: уж и г-н Фонвизин хочет учить меня царствовать“».⁸⁷ Сведения, сообщаемые Вяземским, намеренно завуалированы; Вяземский знал и текст документа, и ту агитационную роль, которую он выполнял в период деятельности тайных обществ; переработка его Муравьевым была переписана в четвертую записную книжку Вяземского.⁸⁸ Вязем-

⁸⁶ См.: К. В. Пигарев. Рассуждение о непременных государственных законах Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева. — Литературное наследство, 1956, т. 60, кн. 2, стр. 339—344; В. Г. Базанов. Федор Герман и муравьевский вариант «Рассуждения» Д. И. Фонвизина. — Русская литература, 1964, № 1, стр. 109—123.

⁸⁷ Вяземский, т. V, стр. 185.

⁸⁸ См.: П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 70 и 411. Первые отзывы этой статьи в творчестве Вяземского прослеживаются еще в стихотворении «Негодование» (1820), о чем говорилось выше. О ней же Вяземский упоминал в письме А. А. Бестужеву от 10 мая 1823 г.: «...за исключением „Недоросля“, двух или трех сатирических мелочей и статьи, известной под названием „О необходимости законов“, все, что ни писал он, весьма посредственно» (Русская старина, 1888, № 11, стр. 316). Не исключена возможность, что общение с Бестужевым дало Вяземскому и дополнительные сведения о статье Фонвизина; Бестужев доставлял Вяземскому некоторые неизвестные в то время фонвизинские произведения: комедию «Корион» (при письме от 5 апреля 1823 г. — Литературное наследство, 1956, т. 60, кн. 1, стр. 202) и пытался отыскать для него комедию «Гофмейстер» (Русская старина, 1888, № 11, стр. 16; письмо Бестужева Вяземскому от 23 мая 1823 г. — Литературное наследство, 1956, т. 60, кн. 1, стр. 205). У Бесту-

скому было известно, что «Рассуждение» — не просто «политическое сочинение» для чтения наследника, а конституционный проект; по преданиям, сохранившимся в семье потомков Фонвизина, писатель составлял его для графа Панина, желавшего «ограничить абсолютизм твердыми аристократическими институциями»; существовала даже легенда о неудавшемся заговоре против Екатерины в пользу Павла, поклявшегося соблюдать конституцию; в заговор этот будто бы входил и Фонвизин.⁸⁹ Нет сомнения, что в какой-то своей части история «Рассуждения» Фонвизина была известна и Пушкину, хотя прямых упоминаний этого произведения у него нет. Анализ «Рассуждения» как одного из возможных источников «Заметок по русской истории XVIII века» и складывающихся в 1830-е годы у Пушкина представлений о просвещенной монархии сейчас не может входить в нашу задачу. Для нас важно в данном случае лишь то, что в сознании Пушкина должен был присутствовать образ Фонвизина — автора конституционного проекта, с необычайной смелостью раскрывшего перед наследником престола органические пороки современной ему общественной жизни. По существу тот же образ присутствует и в статье «Российская Академия», где Пушкин без комментариев перепечатывает знаменитые фонвизинские «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание».

Итак, Фонвизин и Радищев стояли, согласно Пушкину, во главе литературы, «отказавшейся следовать» за правительством и выдвигавшей свои планы социального переустройства, основанные на наблюдениях над общественной жизнью. Не исключена возможность, что именно эти представления Пушкина дают контекст его помете «прекрасно» против того места книги Вяземского, где речь идет о «расколе просвещения» в XVIII в. (фрагм. 16). «Тогда просвещение образовало раскол, — пишет Вяземский, — а в каждом расколе обнаруживается жар, пристрастие, деятельность. Ныне просвещение — господствующая вера в нравственном мире, и потому оно спокойнее».

Все эти предварительные замечания подводят нас непосредственно к пушкинской помете о Екатерине (фрагм. 3).

жева был текст статьи «О необходимости законов», который Н. Бестужев в 1824 г. давал читать и копировать А. П. Беляеву (там же, стр. 344).

⁸⁹ Ср., например, в полном тексте «Рассуждения» высказывание о роли и функции дворянства, близко подходящее к аналогичным суждениям Пушкина: Фонвизин произносит инвективу против государства, «в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честью, дворянство, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородных души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавером» и т. д.; здесь же — резкие характеристики крепостничества (Ф о н в и з и н, т. 2, стр. 265—266).

Суждение Вяземского о том, что Екатерина «не только уважала ум, но любила, <...> баловала и щадила неизбежные уклонения его», отмеченное Пушкиным как «прекрасное», имело своеобразную судьбу. В измененном виде оно вошло в статью Пушкина «Александр Радищев». Указывая, что «благоразумные мысли» и «благонамеренные предположения», содержащиеся в книге Радищева, «принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением» (XII, 36), Пушкин говорит далее о благоприятных возможностях для подачи правительству радищевских социальных проектов: «... само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы — чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью» (XII, 36).

Эта парафраза принципиального положения Вяземского в «Александре Радищеве» позволяет внести корректив в понимание статьи как «перехитренной из цензурных видов», утвердившееся со времени появления статьи В. Е. Якушкина и не окончательно поколебленной детальным возражением П. Н. Сакулина.⁹⁰ Резкий тон отзыва о Радищеве, конечно, диктовался цензурными соображениями, но существо изложенной в статье программы не могло быть ни конспирацией, ни маскировкой желания напомнить о радищевской книге. Пушкин ищет исторических прецедентов своей собственной позиции. В том же 1836 г. он предпринимает настойчивые попытки напомнить правительству об истории представления Александру I «Записки о древней и новой России». В статью «Российская Академия» он вставляет лаконичное, но недвусмысленное упоминание об этом эпизоде, «важном для друзей <...> славной памяти» Карамзина и «неизвестном еще для современников». «По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о *древней и новой России*, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота» (XII, 45). Здесь все характерно — и преувеличенные похвалы Александру I (Пушкину не могло быть неизвестно охлаждение Александра к Карамзину после представления «Записки»), и апологетический тон отзыва о великой княгине Екатерине Павловне, и красноречивое умолчание о содержании запрещенного произведения Карамзина. За этим последовала неудачная попытка

⁹⁰ В. Е. Якушкин. Радищев и Пушкин. В кн.: В. Е. Якушкин. О Пушкине. М., 1899; П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. Изд. «Альциона», М., 1920.

напечатать самую рукопись. Наконец — и это для Пушкина очень важно — здесь подчеркнут чисто этический момент патриотического «благородства» Карамзина, шедшего на риск опалы. Сделано это совершенно сознательно. Варианты цитированного места из «Александра Радищева» в черновой рукописи содержат некое противопоставление. Вместо «само правительство не только не пренебрегало писателями» было начато: «и в какое время? когда правительство»; затем, зачеркнув строку, Пушкин пишет: «особливо в то время когда правительство не только не отвергало благородных мнений и советов писателей» и т. д.; вместо «и их не притесняло» было «и их не преследовало», вместо «чувствовало нужду в содействии» — «чувствуя еще нужду в соучастии» и т. д. Наконец, первоначальная редакция концовки читалась: «... не пугаясь малодушно их смелости и не оскорбляясь невежественно их откровенностью» (XII, 355—356; выделено нами, — В. В., М. Г.). Так вскрывается политический смысл и установка идеализации «просвещенного абсолютизма» Екатерины. Наряду с якобы представленным ею типом монарха, который основывает свою политику на изучении закономерностей общественной жизни и обращается за советом к писателям — этим социальным экспертам, в сознании Пушкина уже начинает возникать иной тип правительства — «малодушного» и «невежественного», которое пренебрегает таким советом и помощью и даже оскорбляется им. Здесь сказывались реальные впечатления от политики Николая I.

Утопическая дворянско-романтическая программа воздействия на правительство, контуры которой впервые наметились в «Записке о народном воспитании», была недвусмысленно отвергнута уже в 1826 г.⁹¹ К 1831—1835 гг. относятся попытки Пушкина основать политическую газету; попытки эти не реализовались, по-видимому, также натолкнувшись на сопротивление Николая.⁹² В начале 1832 г. разыгрывается история с запрещением «Европейца», из которой становится очевидным, что правительство видит в деятельности писателей пушкинского круга форму оппозиции и совершенно не склонно считаться с их проектами социальных реформ.⁹³ В этих условиях чисто этический вопрос о «честности» писателя, о самостоятельности и смелости его позиции приобрел

⁹¹ См. отзыв Николая I о «Записке» в письме Бенкендорфа Пушкину от 23 декабря 1826 г. (XIII, 314—315) и запись слов Пушкина в дневнике Вульфа от 16 сентября 1827 г.: «Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро» (А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 137).

⁹² Ср. в письме Пушкина Н. Н. Пушкиной от 29 сентября 1835 г.: «Государь обещал мне Газету, а там запретил» (XVI, 51). Об истории газеты см.: Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). — Пушкин и его современники, вып. V. СПб., 1907, стр. 30—74.

⁹³ См. об этом: Русский архив, 1896, № 1, стр. 109—119; М. Гилельсон. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». — Русская литература, 1965, № 4, стр. 114—124.

политическое звучание. Поэтому подчеркивание «рыцарской совестливости» Радищева, его безупречной порядочности, граничащей с «безумием» Дон-Кихота, имело едва ли не большее значение, чем критика философских основ его социальных проектов. Быть может, в этом была одна из причин, почему фигура Радищева заслонила собою фигуру Фонвизина; характер последнего «имел нужду в оправдании», как замечает Пушкин, и именно в социальном оправдании: он был причастен к дворцовым интригам, он «забавлял знатных» и т. д.⁹⁴

Статья «Александр Радищев» была последним пушкинским произведением, в котором получили яркое выражение его мысли, отраженные в пометах на книге Вяземского, — и, быть может, самым потрясающим документом, запечатлевшим сомнение Пушкина в возможности осуществления его многолетних планов влияния на правительство.

Анализ помет Пушкина на рукописи Вяземского обнаруживает сложность его отношения к Радищеву, Фонвизину и «веку Екатерины». Порицая Радищева за некритическое восприятие западноевропейских общественных теорий, осуждая его тактическую линию, Пушкин в то же время считает его наряду с Карамзиным первейшим представителем независимой русской образованности. Высоко ценя сатирическое творчество Фонвизина, одобряя острую наблюдательность его заграничных писем, разделяя, по-видимому, некоторые мысли его конституционного проекта, Пушкин критиковал его поведение с сильными мира сего, поведение, которое порой умаляло его писательское и человеческое достоинство. Не однолинейным было и восприятие «века Екатерины»: оно отражало и эволюцию общественных взглядов Пушкина. Осознавая это время как необходимое органическое звено русского просвещения, Пушкин привносит в свои оценки правления Екатерины и полемический подтекст, противопоставляя в последние годы жизни идеализированное царствование ее современному положению вещей,

⁹⁴ «Путешествие из Москвы в Петербург». В черновой редакции резче: «... характер коего (...) не очень достоин уважения» (XI, 226). Пушкин указывает, что Фонвизин забавлял знатных, в совершенстве передразнивая Сумарокова. Об имитаторских способностях Фонвизина пишет очень подробно и Вяземский, рассказывая, что Фонвизин иной раз снискивал ими расположение вельмож, и приводя целый ряд свидетельств, бросающих тень на «характер» писателя (Вяземский, т. V, стр. 72). Этот фрагмент текста в рукописи отмечен ногтем, по-видимому, Пушкиным (фрагм. 50). Ср. с этим свидетельство Ф. Германа: несмотря на свое официальное назначение (оно приведено в объяснительной записке на вопросные пункты вице-губернатора и Герман, конечно, преследовал цель самореабилитации), свидетельство это все же отражает черты восприятия личности Фонвизина, имевшие хождение в декабристских кругах: «... предание изустное сохранило память о сем авторе как о человеке нечестных нравов» (В. Базанов. Федор Герман и муравьевский вариант «Рассуждения» Д. И. Фонвизина, стр. 117).

т. е. в конечном счете «непросвещенному» режиму Николая I. В этой неразрывной связи исторического и современного — смысл помет Пушкина на рукописи Вяземского.

7

Судьба пушкинского круга передовых дворянских писателей была предрешена историческим развитием России. Однако преждевременная смерть Пушкина в значительной мере ускорила оттеснение его соратников по перу на периферию литературной и общественной жизни. Судьба «Фонвизина» в годы после смерти Пушкина является наглядным свидетельством того, как бесприютно и одиноко чувствовали себя литературные друзья Пушкина в эпоху торжества Булгарина и Сенковского. В этом отношении весьма показательным полемическое объяснение Вяземского по поводу невыхода в свет его монографии о Фонвизине, в котором он писал, что обещание его выпустить книгу «не было ни срочным, ни денежным обязательством ни пред публикою, ни пред издателем. Труд мой был бескорыстный и независимый. Я твердо знаю, и дай бог всем знать это так же твердо как и я, что взяв с публики наперед деньги за обещанную книгу, должно послать ей книгу в срок, или возратить деньги».⁹⁵ Вяземский весьма недвусмысленно намекал на Н. А. Полевого, собравшего подпиской деньги за свое многотомное сочинение «История русского народа» и не выполнившего своих обязательств перед подписчиками. В декабре 1836 г. Пушкин, делая замечания на проекте письма Вяземского к С. С. Уварову по поводу диссертации Устрялова, писал по этому поводу: «О Полевом не худо было напомнить и пространнее. Не должно забыть, что он сделан членом корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести, — не говорю уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии Наук» (XII, 286).

За этими выпадами в сторону «коммерческой литературы» стоял глубокий антагонизм между представителями передовой дворянской культуры и новыми литературно-общественными группировками, которые вытесняли их с авансцены общественной жизни. Демонстративно противопоставляя свою этическую позицию «литературным плутням», Вяземский доводил до сведения лиц, купивших салаевское издание Фонвизина, что «когда напечатана будет биография, то лица, коих имена означены в списке, приложенном к помянутому изданию, получают ее от меня безденежно».⁹⁶ И далее он добавлял: «... сочинения фон Визина и без моей придачи имеют в себе достаточную цену. Но питая бескорыстную любовь к книж-

⁹⁵ Современник, 1837, т. VII (ценз. разр. 2 мая), стр. 374.

⁹⁶ Там же, стр. 374—375.

ному делу и к успехам сей умственной промышленности в России, не хочу я, хоть бы и невольно и совершенно невинно, нарушить случайным примером своим доверенность, которую потребители должны иметь к обещаниям производителей. Доверенность сия к сожалению всех благомыслящих людей и так уже в наш не золотой, но денежный век, слишком часто потрясаема с тех пор, что литература не что иное, как новая ветвь внутренней торговли».⁹⁷ Вяземский продолжал — иными средствами и в иной сфере — журнальную борьбу с представителями «торгового направления», и в первую очередь с Булгаринным и Сенковским. В противовес меркантильному, столь ему ненавистному духу Вяземский утверждал свою полную независимость от купли и продажи продуктов литературного труда: «Я ни с кого денег не брал: следовательно, я полный и безответственный хозяин моей рукописи. Биография несколько лет тому назад уже написана, около двух лет уже одобрена цензурою, а когда выйдет она в свет, не знаю: когда мне вздумается, — вот одно мое условие».⁹⁸

Сенковский не преминул принять вызов Вяземского, и вскоре в «Библиотеке для чтения» появилась язвительная заметка. Составитель литературной летописи журнала Сенковского сделал попытку обратить против Вяземского его собственное оружие. Пройдя молчанием объяснение Вяземского о «Фонвизине», он по сути дела полемизировал именно с ним, не без ехидства спрашивая по поводу известия о подготовке московским книгопродавцем Н. Н. Глазуновым перепечатки салаевского издания сочинений Фонвизина: «Не появится ли тут наконец та знаменитая и вожделенная биография Фон-Визина, которую по заказу Солоева <так!> написал некто князь П. А. В-ский, и которую мы, бедные подписчики г. Солоева, должны получить, потому что таково было условие подписки? Мы без этой биографии жить не можем, она была нам обещана, а подобные обещания исполнять должен всякой. Дайте нам биографию, за которую мы заплатили! Возвратите нам добро наше!..».⁹⁹

Издательский тон заметки вывел из себя Вяземского, который, чувствуя свое бессилие отражать бесцеремонные нападки Сенковского, обратился с жалобой к С. С. Уварову. Хотя последний в своем письме от 5 ноября 1837 г. заверил Вяземского, что цензоры, пропустившие эту заметку, получили нагоняй,¹⁰⁰ можно думать, что в глубине души С. С. Уваров, с которым у Пушкина и Вяземского в 1830-е годы были неприязненные отношения, был доволен щелчком, полученным Вяземским от Сенковского.

⁹⁷ Там же, стр. 375.

⁹⁸ Там же, стр. 374.

⁹⁹ Библиотека для чтения, 1837, т. 25, отд. VI, стр. 41.

¹⁰⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2909, л. 1. Под письмом С. С. Уварова приписано рукою Вяземского: «Некто князь П. А. В-ий по поводу биографии Ф. Визина в Библиотеке для чтения. В.»

В последующие годы были напечатаны еще три главы «Фонвизина»: глава XI в альманахе А. Ф. Воейкова «Сборник на 1838 год» и главы IX—X в альманахе «Утренняя заря», изданном на 1841 г. В. Владиславлевым.¹⁰¹ В рецензии на «Утреннюю зарю» Белинский писал, что напечатанные главы «Фонвизина» «возбуждают сильное желание прочесть сочинение в целом: так велик интерес этих отрывков. В русской литературе нет ничего подобного в этом роде, — и нет сомнения, что только один князь Вяземский мог бы у нас написать историю литературы в отношении к обществу, так, чтоб это была история литературы и история цивилизации в России от Петра Великого до нашего времени. Из отрывков его „Биографии Фонвизина“ видно, как глубоко постиг он в этом отношении время великого царствования Екатерины Великой».¹⁰² И далее Белинский высказывал уверенность, что, «когда книга князя Вяземского выйдет вполне, мы будем иметь одно из тех произведений, которые составляют капитальные владения литературы».¹⁰³ В то же время в «Библиотеке для чтения» главы «Фонвизина» были обойдены молчанием: они вовсе не упомянуты в рецензии на «Утреннюю зарю», помещенной в журнале Сенковского.¹⁰⁴ Отражались давнишние неприязненные отношения Вяземского с «Библиотекой для чтения», которые начали сглаживаться лишь в середине 1840-х годов — в 1844 г. в этом журнале «Фонвизин» был охарактеризован следующим образом: «Лет через тридцать пять после его (Фонвизина, — В. В., М. Г.) смерти напечатано довольно полное собрание его сочинений, к которому готовил биографию князь П. А. Вяземский. К сожалению, это сочинение одного из остроумнейших наших писателей остается известным публике только по отрывкам из него, напечатанным в разных периодических изданиях. Нет сомнения, что князь Вяземский, несколько лет собиравший материалы для биографии Фонвизина, представил бы в оживленном рассказе жизнь его и много черт современного ему общества, которое всегда составляло предмет изучения остроумного биографа Державина, Озерова и Дмитриева. Судя по отрывкам, тут было бы много парадоксов, но умные парадоксы, право, лучше тех холодных возгласов, какими до сих пор ограничиваются у нас суждения о Фонвизине».¹⁰⁵

Между тем и сам Вяземский все больше начинал осознавать ненормальность того, что «Фонвизин» целиком не опубликован. В 1842 г. он возобновил работу над монографией. 31 марта 1842 г. П. А. Плетнев писал ему: «Имею честь возвратить Вашему сия-

¹⁰¹ Кроме того, отрывки из «Фонвизина» напечатаны в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» (1842, с. 37, стр. 357—394).

¹⁰² Отечественные записки, 1841, т. 14, № 1, отд. VI, стр. 5. Белинский и й, т. IV, стр. 454.

¹⁰³ Там же, стр. 6.

¹⁰⁴ Библиотека для чтения, 1841, т. 45, отд. VI, стр. 1—10.

¹⁰⁵ Там же, 1844, т. 67, отд. VI, стр. 64—65.

тельству бумаги и представить новые касательно Илиады и Фонвизина. Полюбуйтесь, как хлопотал многоученый муж».¹⁰⁶ В записке П. А. Плетнева речь шла о прозаическом переводе отрывка из шестой песни «Илиады», сделанном Фонвизиным — Вяземский поместил этот перевод в одиннадцатую главу своей книги. 4 апреля 1842 г. П. А. Плетнев вновь писал Вяземскому о материалах для «Фонвизина»: «Наконец имею честь препроводить к Вашему сиятельству все собрание писем Фонвизина, хранящееся в библиотеке Академии. Прошу Вас покорнейше ни под каким видом не выпускать его из вашего кабинета. Читать и выписывать можно под вашим надзором. Я принял всю ответственность перед Академиею на себя — вот почему я трушу, чтобы какой-нибудь писарь не ввел меня в хлопоты».¹⁰⁷

По-видимому, и в начале 1840-х годов Вяземский не сразу решил для себя вопрос о форме издания своего труда и некоторое время продолжал рассматривать его как обширное предисловие к сочинениям Фонвизина. 7 октября 1842 г. С. П. Шевырев писал ему, отвечая (как ясно из письма, с большим опозданием) на какой-то его запрос: «Мне кажется, что биографию эту лучше бы напечатать особенно, не привязывая ее к сочинениям Фон-Визина. Она имеет самостоятельное достоинство — и есть единственный отрывок из истории русской литературы, какого мы до сих пор в печати еще не имели. Не возьмется ли сам Погодин за это издание? — Я поговорю с ним».¹⁰⁸ Однако вмешательство Погодина не понадобилось; из переписки Вяземского с А. И. Тургеневым явствует, что в середине 1842 г. «Фонвизин» был отдан в печать. 14 сентября 1842 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Я только четыре листа получил в Париже твоего „Фонвизина“ и те отдал Мицкевичу».¹⁰⁹ Как известно, А. Мицкевич использовал корректурные листы «Фонвизина» при чтении им курса славянских литератур в Париже.

11 октября 1842 г. Вяземский заверял А. И. Тургенева: «Мой „Фонвизин“ к концу года выйдет».¹¹⁰ Казалось, что «Фонвизин» вот-вот появится, и А. И. Тургенев уже предполагал сразу же осуществить его французское издание — 30 декабря 1842 г. он писал Вяземскому: «Да что же ты не посылаешь „Фонвизина“? Я, кажется, писал к тебе, что назначаю его для перевода Жюльвекуру, который сочетает тебя с другою современною знаменитостью и издаст особо, как издал Пушкина и Павлова».¹¹¹

¹⁰⁶ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2551, л. 10.

¹⁰⁷ Там же, л. 11.

¹⁰⁸ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825—1874 гг. (Из Остафьевского архива). Изданы с предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб., 1901, стр. 140.

¹⁰⁹ Остафьевский архив, т. IV, стр. 161.

¹¹⁰ Там же, стр. 179.

¹¹¹ Там же, стр. 197.

В это же время корректурные листы (или неполный экземпляр рукописи) Вяземский выслал Н. М. Языкову, от которого они попали к Гоголю. Сохранился черновик письма Гоголя к Вяземскому с оценкой «Фонвизина»: «Пишу к вам письмо вследствие прочтения нескольких разрозненных листков из биографии Фонвизина, которые вы прислали Языкову. Я весь [полон сего] чтения. Я читал прежде отрывки, и уже в них видны следы многообъемлемости ума вашего. Теперь я прочел в большой целостности — почти половину всего сочинения (многих листков из середины недостает). Не скажу вам ничего о глубоком достоинстве всего сочинения: об интересе эпохи и лица и самого героя биографии. В них меня ни один столько не занял, как сам биограф. Критик, государст<венный> муж, полит<ик>, поэт, все соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость! Все принесли ему дань, со всего взята <она>».¹¹² Несколько лет спустя в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь публично высказал свое мнение о труде Вяземского: «В его книге „Биография Фонвизина“ обнаружилось еще видней обилие всех даров, в нем заключенных. Там слышен, в одно и то же время, политик, философ, тонкий оценщик и критик, положительный государственный человек и даже опытный ведатель практической стороны жизни, словом — все те качества, которые должен заключать в себе глубокий историк в значении высшем».¹¹³

Однако вернемся к истории «Фонвизина». И в 1842 г. его печатание не было доведено до конца. 17 января 1843 г. Вяземский сообщил А. И. Тургеневу: «Мой „Фонвизин“, или печатание его лежит под спудом, или под красным сукном до возвращения Языкова. Теперь все мои утра принадлежат службе, и я не имею сторукой деятельности французов, которые на все поспевают».¹¹⁴

Прошел еще год, и 21 марта 1844 г. Вяземский писал Жуковскому: «Ф<он>-Визин мой все еще лежит недопечатанный. Остается несколько страниц допечатать, но ни к чему охоты нет. Душная и тлетворная атмосфера все подавляет».¹¹⁵

Лишь в 1848 г. «Фонвизин» был издан в полном виде. В «Автобиографическом введении» Вяземский писал по этому поводу: «В отсутствия, иногда довольно продолжительные, директоров, я управлял департаментом внешней торговли; при

¹¹² Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. XII, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 105—106. (В дальнейшем — Гоголь). В издании этот черновик датирован июлем—сентябрем 1842 г. Просьба Гоголя в конце письма писать ему ответ в Рим до востребования (он приехал туда в начале октября) позволяет, как нам кажется, датировать этот черновик сентябрем 1842 г.

¹¹³ Гоголь, т. VIII, стр. 391.

¹¹⁴ Остафьевский архив, т. IV, стр. 207. Языков — директор департамента внешней торговли.

¹¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 80.

нем издавалась „Коммерческая газета“ и была типография. По старому ремеслу обращал я на них особенное внимание. Управляющий типографию был человек знающий свое дело и усердный к нему. Он часто просил меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнил о спящей царевне своей, то есть о рукописи, и отдал ее в типографию. Фонвизин был напечатан, помнится мне, в числе шести или восьми сот экземпляров».¹¹⁶

Печатание «Фонвизина» в типографии департамента внешней торговли Министерства финансов было начато в 1846 г., что явствует из протокола заседания Санкт-Петербургского цензурного комитета от 26 ноября 1846 г., на котором была рассмотрена просьба Вяземского: «6. Прошение князя Вяземского, в коем изъяснено, что издаваемые им биографические и литературные записки о Фонвизине и веке его были проценсированы покойным П. А. Корсаковым, ныне г. Вяземский просит С.-Петербургский цензурный комитет: во 1-х, передать А. В. Никитенко рукопись его с отпечатанными листами для поверки того, что типография Департамента Внешней торговли напечатала его сочинение, не отступая от подлинника; во 2-х, просит позволить представить А. В. Никитенко для проценсирования в корректурных листах последнюю главу его записки о Фонвизине и все относящиеся к ним приложения, которые большею частию состоят из писем разных государственных и должностных лиц Фонвизину.

Определено: уведомить князя Вяземского, что цензурный комитет на 1-й пункт его просьбы изъяснил свое согласие и поручил рассмотрение напечатанных листов г. цензору Никитенко; что же касается до 2-го пункта, т. е. до представления последней главы о Фонвизине в *корректурных листах*, то комитет не может дозволить сего, потому что это противно цензурного устава».¹¹⁷

Этот документ объясняет, почему экземпляр рукописи «Фонвизина», одобренный к печати в 1836 г. П. А. Корсаковым, сохранился в делах Петербургского цензурного комитета: сличив рукопись с корректурными листами, А. В. Никитенко не счел нужным вернуть ее Вяземскому, а может быть даже удержал ее у себя в делах в качестве оправдательного документа; Вяземский же не востребовал рукопись из цензуры, так как «Фонвизин» вышел из печати, и он в ней не нуждался.

Представление рукописи «Фонвизина» с цензорским грифом П. А. Корсакова не избавило книгу Вяземского от повторного цензурования, которое, впрочем, не было особенно затруднитель-

¹¹⁶ Вяземский, т. I, стр. LI—LII. Вяземский ошибся: сохранилось его письмо к И. И. Зотову с поручением заведовать делами по продаже «Фонвизина» — из этого письма видно, что его книга была издана в количестве 1500 экземпляров (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1145). По-видимому, тираж был распродан к 1858 г. — в это время Вяземский предполагал осуществить второе издание «Фонвизина».

¹¹⁷ ЦГАИЛ, ф. 777, оп. 27, № 39, лл. 135 об.—136.

ным: многие главы были за эти годы опубликованы в различных периодических изданиях, а печатный текст не подвергался новому рассмотрению по существу. 20 февраля 1847 г. А. В. Никитенко писал Вяземскому: «На другой день после того, как я имел честь быть у Вашего сиятельства, я сделался болен и теперь только начинаю выходить и заниматься делом. Вот почему я не мог быть во вторник в заседании ценсурного комитета, чтобы объявить, что место, затруднившее нас в биографии Фонвизина, уже напечатано, и следовательно» препятствий никаких теперь в этом отношении не представляется. Комитету нужно предварительно это знать, потому что он судил дело. И так неблагоприятно ли будет Вашему сиятельству в следующий вторник прислать кого-либо в ценсурный комитет часа в два для получения книги? Мне крайне жаль, что вся эта процедура так длилась; если бы я не забыл про альманах Владиславлева, где напечатан отрывок из Фонвизина, то дело обошлось бы без всяких хлопот. Теперь, по крайней мере, есть надежда, что наша литература не будет долее дожидаться этого умного, благородного и изящного сочинения».¹¹⁸

Однако прошел еще год, прежде чем А. В. Никитенко подписал «Фонвизина» к печати. Дальнейшая задержка была вызвана подготовкой многочисленных приложений — 23 ноября 1847 г. Вяземский писал М. П. Погодину: «Занимаюсь теперь корректурую приложений своих к *Фон-Визину*. Текст уже отпечатан. Надеюсь, что книга явится к новому году. Мой *Фон-Визин* — настоящее дитя холеры. В первую холеру он родился, а во вторую поступил в люди. Чувствую невыгоду долгого держания его под домашним кровом. Многое, что, может быть, было ново за семнадцать лет тому, теперь сказано и пересказано и успело даже быть искажено. Но видно такая моя судьба. Я никогда не умел барышничать ни обстоятельствами, ни собою, ни временем. Напротив, я впадал в другую крайность. Я всегда как будто выжидал убытка. У меня свои два правила: не спеши, сделаешь скорее; не делай сегодня того, что можешь отложить до завтра, режь будешь раскаиваться. Но правду сказать и то, что я эти правила употребил во зло; а как доберешься до сущности, то окажется, что главная причина всему: Русская, православная лень и беспечность».¹¹⁹

Просьба Вяземского в цензурный комитет в 1846 г. о цензуровании двенадцатой главы «Фонвизина» не по рукописи, а по корректурным листам имеет прямое отношение к ее творческой истории. В рукописи 1832 г. (ЦГИАЛ) в начале этой главы Вяземский пометил: «не печатать до присылки другого списка». В этой рукописи (равно как и рукописи 1831 г. — ЦГАЛИ) эта глава содержала лишь описание последнего вечера Фонвизина. При подго-

¹¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2402, л. 1.

¹¹⁹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IX. СПб., 1895, стр. 423—424.

товке «Фонвизина» к печати в 1846 г. Вяземский заменил свой пересказ воспоминаний И. И. Дмитриева об его встрече с Фонвизиним точным текстом записок Дмитриева, посвященным этому эпизоду. Кроме того, Вяземский значительно расширил двенадцатую главу, изложил в ней в законченном виде свою историко-литературную концепцию, полемически заострив ее против отечественной журналистики 1840-х годов.

Приведя слова Фонвизина о почтмейстере, не читавшем Ломоносова, Вяземский сопроводил их следующим комментарием: «Если бы ныне допросить многих из так называемых критиков наших, которые повелительно рьят и судят о Ломоносове и о других, по их мнению, допотопных явлениях словесности нашей, то и они добросовестно должны были бы сознаться, что и им не пришлось читать ни Ломоносова, ни Петрова, ни Сумарокова, ни Хераскова, ни Богдановича, которых, однако же, перечитывали и изучали Жуковский, Батюшков и Пушкин. Для нового поколения нашего, которое до головокращения, беспамяतства и одышки бежит за успехами века, для этих почтмейстеров новейшей литературы, озабоченных также гоньбою времени, некогда и не для чего оглядываться обратно».¹²⁰ По справедливому предположению П. Н. Беркова, выпады Вяземского против современной журналистики имели в виду в первую очередь Белинского.¹²¹ Однако вряд ли следует исключать, как это предлагает П. Н. Берков, из числа неназванных Вяземским поименно критиков Н. А. Полевого. Правда, Н. А. Полевой умер в феврале 1846 г., но не следует забывать, что в сознании Вяземского Н. А. Полевой был неотделим от Белинского — вернувшись с похорон Н. А. Полевого, Вяземский записал 28 февраля 1846 г.: «Полевой у нас родоначальник литературных наездников, каких-то кондотьеры, ниспровергателей законных литературных властей <...>. Белинский — Полевой, объевшийся белены».¹²² Итак, как нам представляется, раздраженные тирады Вяземского в новой редакции 1846 г. имели в виду не только Белинского, но и многих других критиков, представителей социально враждебных Вяземскому общественных течений.

Обвиняя критику 1840-х годов в забвении старины, в ниспровержении литературных авторитетов, Вяземский писал в новой редакции двенадцатой главы: «Только у необразованных, диких народов нет прошедшего. Для них век мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на своз, как уже отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о том, обращаетесь к первобытной дикости. <...> Вы настоящие гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свет, разлившийся искони и постепенно разливающийся из

¹²⁰ Вяземский, т. V, стр. 187.

¹²¹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. 1, стр. 80—81.

¹²² П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 286—287.

одного нетленного и все более и более питаемого светильника. Не только в области наук и искусства, но и в самой политике, только те перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условие прочности их есть то, чтобы они развивались из недр прошедшего, из святости народной, из хранилища истории и опыта».¹²³

Суждение Вяземского о неразрывной преемственности прошедшего, настоящего и будущего, столь категорично и концептуально сформулированное в новой редакции двенадцатой главы, содержалось и в других главах «Фонвизина», написанных в начале 1830-х годов, и, как мы видели, было полностью одобрено Пушкиным. В цитированном пассаже из XII главы мы без труда обнаружим черты текстуальной близости к публицистическим заметкам Пушкина 1830-х годов. «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, — писал Пушкин в 1830 г. в «Опровержении на критики», — <...> но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» (XI, 162). Но диалектика исторического процесса такова, что одна и та же мысль, высказанная в разное время, приобретает различное общественное «наполнение»: в 1830-е годы эта концепция выражала оппозиционные настроения передового дворянства и должна была, по мысли Пушкина, обосновать тезис о независимости старинной аристократии от самодержавия, о ее направляющей роли в развитии страны; в 1840-е годы это же самое теоретическое построение стало консервативным заслоном дворянской публицистики перед лицом новых общественных, исторически более прогрессивных и более демократических течений. Заострение двенадцатой главы «Фонвизина», при оставлении неизменными предшествующих глав, в частности главы, содержавшей положительную характеристику французских энциклопедистов, создало положение, исключающее возможность появления полностью положительных или целиком отрицательных отзывов со стороны современной критики.

А. Д. Галахов в «Отечественных записках» дал в целом благожелательную оценку монографии Вяземского. В то же время упреки автора по адресу современной журналистики вызвали возражения критика: «Вслед за эту литературную часть книги князя Вяземского, за которую, как видят читатели, нельзя не благодарить автора, умевшего, сколько позволяют средства, воссоздать писателя и его эпоху и доставившего нам почти первую прекрасную литературную биографию, за эту часть следует другая часть, совсем не литературная <...> вследствие неуместной полемики, сочинение князя Вяземского распалось на две части, друг другу противоречащие: в первой он говорит, что старая лите-

¹²³ Вяземский, т. V, стр. 192—193.

ратура наша не была выражением общества, что он отдал бы ее за несколько исторических записок того времени, а в другой он бранит писателей позднейшего времени, зачем они забыли эту самую литературу, зачем они не читают Хераскова, Петрова, Сумарокова». ¹²⁴ А. Д. Галахов справедливо подметил, что ниспровержение литературных авторитетов XVIII в., столь ясно проявившееся у Белинского и других критиков 1840-х годов, было начато в статье самого Вяземского — в «Фонвизине» и в предшествующих ему работах Вяземский высказал немало горьких истин писателям XVIII в. Эти суждения Вяземского закономерно пришли в противоречие с его позднейшими взглядами на литературу.

Разбирая историко-литературную концепцию Вяземского, А. Д. Галахов упрекнул автора в недооценке сатирического направления: «... если князь Вяземский из Ломоносова, Петрова и Державина составляет лирический триумвират, который действовал впоследствии на развитие лирического направления нашей литературы, то в рендант к нему мы можем составить другой триумвират — сатирический: из Кантемира, Сумарокова и Фонвизина, который в свою очередь есть родоначальник сатирического направления в русской литературе». ¹²⁵

В споре Вяземского с Фонвизиным по поводу оценки французских энциклопедистов западник А. Д. Галахов, естественно, взял сторону биографа: «Письма Фонвизина из-за границы всем известны. Мы знаем, как много верных заметок представляют они о жизни Западной Европы тогдашнего времени; с другой стороны, нельзя не заметить, что они были написаны человеком, находившимся в каком-то раздраженном состоянии. Вот эту-то вторую сторону писем прекрасно объяснил князь Вяземский». ¹²⁶

Сочетание в книге Вяземского защиты французских энциклопедистов с нападками на современную журналистику вызвало также двойственное — правда, с других позиций, полярно противоположных «Отечественным запискам» — отношение к этому труду на страницах «Москвитянина». С одной стороны, С. П. Шевырев выступил в защиту славянского языка и исконных русских начал, которым Вяземский не придавал, по мнению критика, должного значения. С другой стороны, осуждение демократического духа, господствовавшего в журналистике 1840-х годов, получило полное одобрение С. П. Шевырева: «Слово биографа, перед окончанием книги, загорается чувством справедливого негодования против тех литературных скороходов, которые бегут напоказ перед

¹²⁴ Отечественные записки, 1848, т. LVIII, отд. V, стр. 11—12 (без подписи). В подстрочном примечании к письму Я. К. Грота к П. А. Плетневу от 30 октября 1848 г. утверждается, что эта статья написана А. Д. Галаховым (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1897, стр. 347). Содержание статьи подтверждает это авторитетное свидетельство.

¹²⁵ Отечественные записки, 1848, т. LVIII, отд. V, стр. 3.

¹²⁶ Там же, стр. 7.

толпою за временем, кружась на одном и том же месте».¹²⁷ С. П. Шевырев вступил в открытую полемику со статьей «Отечественных записок» о монографии Вяземского.

Статья в «Отечественных записках» побудила откликнуться на книгу Вяземского Я. К. Грота, который в это время преподавал русскую словесность в Гельсингфорсском университете. О своем намерении написать рецензию Я. К. Грот сообщил П. А. Плетневу 30 октября 1848 г. и получил горячее одобрение последнего.¹²⁸ Одновременно Я. К. Грот воспользовался книгой Вяземского для своего учебного курса — 5 ноября он писал П. А. Плетневу: «Из книги Вяземского о Фонвизине сделал я на шведском языке извлечение, которым наполнил три мои лекции об этом писателе, так как я теперь именно читаю о литературе в царствовании Екатерины. Это извлечение не могло не показаться интересным моей аудитории».¹²⁹

Во второй половине ноября 1848 г. Я. К. Грот закончил свою рецензию и отослал ее П. А. Плетневу; последний писал ему 24 ноября: «Фонвизин твой — истинная прелесть. Таковы должны быть всегда критики. Ты не только полон собственных взглядов, да и беспристрастен в самом восторге своем. Не мог я не поделиться этим удовольствием с его виновником. Вяземский тоже в восхищении. Но он не только хорош, как сочувствующий, — он еще и полезный руководитель в своем владении. Он возвратил мне твою рукопись с своею запискою и с особыми замечаниями. Все это в подлиннике я сегодня же препровождаю к тебе. Записку мне возврати в письме своем. Фонвизина же, исправив до последней запятой по указаниям Вяземского, сам отправь к Очкину и спроси, угодно ли ему на известных условиях касательно платы напечатать статью у себя».¹³⁰

Я. К. Грот учел замечания Вяземского, но не «до последней запятой», как того хотел П. А. Плетнев — он писал в Петербург: «Письмо и записка Вяземского были для меня чрезвычайно интересны. По его замечаниям я тотчас внес некоторые перемены в свою критику и хотя не мог во всем принять его мнений, однако ж думаю, что он будет доволен моими поправками».¹³¹ Скорее всего основное несогласие Я. К. Грота с Вяземским заключалось в различной оценке французских энциклопедистов. Защищая Фонвизина, Я. К. Грот упрекнул Вяземского в непоследовательности суждений о литературных явлениях XVIII и XIX вв.: «Князь Вяземский сам с справедливым негодованием осуждает

¹²⁷ Москвитянин, 1848, № 5, отд. II, стр. 50. Вяземский благодарил С. П. Шевырева за его разбор «Фонвизина» (Русский архив, 1885, № 6, стр. 311—312).

¹²⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 347—348.

¹²⁹ Там же, стр. 350.

¹³⁰ Там же, стр. 360.

¹³¹ Там же, стр. 365.

известные явления нашей современной литературы. Бог знает, не было ли в тогдашней литературе французской чего-нибудь подобного или еще похуже; если так, то естественно, что представитель образования, еще юного и незараженного порчею, неизбежно в период дальнейшего развития, сильно был поражен тем, что видел, и в отзывах своих не сумел защититься от крайностей. Тем не менее негодование его несколько сродни тому, которое иногда овладевает пером его биографа, и в общем источнике их строгости мы находим их примирение». ¹³² Я. К. Грот правильно нащупал «ахиллесову пяту» монографии Вяземского: высказывания о современной журналистике находились в противоречии со всем содержанием его труда о Фонвизине, и в особенности с его защитой энциклопедистов.

Революционные события середины XIX в. придавали особую злободневность спорам об энциклопедистах, свидетельствуя о размежевании общественных сил: парадоксальность позиции Вяземского как автора «Фонвизина» заключалась в том, что он, порицая современные силы, стоявшие за прогресс, в то же время ратовал за французскую философию XVIII в. Три года спустя, в 1851 г. в «Московских ведомостях» появились статьи И. А. Фонвизина, который взял под защиту высказывания сатирика об энциклопедистах. Ссылаясь на сочинения Руссо, Лагарпа, Фридриха II, Талейрана, Б. Констан, Ламартина и др., И. А. Фонвизин упрекал Вяземского: «Автор, кажется, решился всеми силами и превозносить так называемых философов XVIII в. (энциклопедистов) и с презрением отзываться о тех, которые осмелились сказать что-нибудь не в похвалу корифеев философии прошедшего века <...>. Превозносить похвалами Вольтера, Даламберта и Дидерота было бы несколько извинительно в прошедшем XVIII веке, но в XIX это уже становится анахронизмом». ¹³³

Возвращаясь к полемике 1848 г., отметим, что нападки Вяземского на современную журналистику вызвали возражения в журнале «Пантеон и репертуар русской сцены». Сказав, что труд Вяземского — «прекрасное произведение, делающее честь и автору его и литературе нашей», Ф. А. Кони писал: «Тем неприятнее было нам встретить в подобном произведении редкие, правда, вы-

¹³² Санкт-Петербургские ведомости, 1848, № 282, 15 декабря, стр. 1131. Начало статьи Я. К. Грота в № 281, окончание в № 283.

¹³³ Московские ведомости, 1851, № 90 (28 июля), стр. 825. Подпись: «И. Ф.-В-нь». Продолжение статьи в № 205 (1 сентября), стр. 975—986 и в № 138 (17 ноября), стр. 1329—1331. В словаре И. Ф. Масанова нет расшифровки этого псевдонима, однако сохранился автограф первой части этой статьи, писанный рукою И. А. Фонвизина (Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 319, п. 5, № 22). Эти статьи И. А. Фонвизина были также напечатаны (под тем же псевдонимом) отдельным оттиском — такой экземпляр сохранился среди книг С. Д. Полторацкого (в настоящее время хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве — шифр: Е ⁴⁶/₂₅₀).

ходки против нового поколения и современной журналистики, выходы, какие мы привыкли встречать разве только в нижнем этаже кой-каких газет, нападающих на все новое, потому что новое не признает их авторитетов».¹³⁴ Намек был более чем прозрачен: критик сравнил нападки Вяземского с писаниями Ф. Булгарина — «нижний этаж кой-каких газет» — это фельетоны за подписью Ф. Б., печатавшиеся в нижних полосах «Северной пчелы».

Защищая современную журналистику от обвинений автора «Фонвизина», Ф. А. Кони писал далее: «Напрасно г-н Вяземский говорит, что новое поколение отвергает все старое, совершенное до него: нет! оно не отвергает прошедшего, не унижает трудов отцов и дедов, но с уважением воздает им должное, не увлекаясь, впрочем, слепым авторитетом <...>. Горько, когда писатель благородный и добросовестный восстает против юных сподвижников своих, в трудном деле литературы, и как бы бросает им перчатку. Нет! мы не примем вызова, а умеренностью и справедливостью покажем, что заслуживаем другой отзыв».¹³⁵

Характеризуя литературные взгляды Вяземского, Ф. А. Кони отметил их двойственный характер: «Книга г. Вяземского проникнута современным духом анализа <...>. Но сквозь новую броню проглядывает местами старое платье. Г-н Вяземский, разумеется, не мог совершенно оторваться от прежних начал, с которыми свыкся, сроднился, так сказать; он принял новое направление критики, но основания остались старые, и некоторые суждения его чисто литературные отзываются учением французской школы. Для него еще существуют и классицизм, и романтизм; он не придерживается первого, но не прощает второму его былой победы; он, например, признает достоинства Шекспира, но не хочет признать достоинства в его последователях <...>. Поэтому некоторые страницы книги г-на Вяземского кажутся написанными двумя руками».¹³⁶ В этом высказывании Ф. А. Кони речь шла о непосредственности историко-литературных воззрений Вяземского при соотнесении их со взглядами критиков 1840-х годов, для которых борьба между романтизмом и классицизмом была уже историческим преданием.

Ф. Булгарин — старинный неприятель Вяземского — написал довольно кислый отзыв: «Любопытного в книге много, привлека-

¹³⁴ Пантеон и репертуар русской сцены, 1848, т. IV, № 7, отд. VII, стр. 144. Статья без подписи, но она явно принадлежит редактору журнала Ф. А. Кони — обещая напечатать особую статью о русских драматургах, автор статьи писал в примечании: «Пантеон намерен представить читателям ряд критических статей о Сумарокове, Княжине, Озерове, Грибоедове, Гоголе и других замечательных деятелях нашей драматической литературы» (там же, стр. 144). Тон примечания явно редакторский. Во исполнение этого обещания в 1850 г. в журнале за подписью Гр. Перетца, псевдонима Ф. А. Кони, была напечатана рецензия на сочинения Княжнина и Озерова.

¹³⁵ Пантеон и репертуар русской сцены, 1848, т. IV, № 7, отд. VII, стр. 144—145.

¹³⁶ Там же, №№ 8—9, отд. VII, стр. 16.

тельного мало, оттого, что Фонвизин не согрет теплым сердечным чувством. Автор рассматривал Фонвизина как рассматривают древнюю статую: Фонвизин представлен жалким, слабым нравственным существом, и видимое в нем чувство — это паралич. Мы видим ум и талант его, видим тело, но не видим души».¹³⁷

Соглашаясь с критикой Вяземского современной литературы, «прозванной нами в шутку натуральной школою», солидаризируясь в этом вопросе со своим былым противником, Ф. Булгарин в то же время, приняв на свой счет выпады автора «Фонвизина» по поводу нравственных качеств литераторов, энергично возражал ему: «Для изображения современных литераторов и их взаимных между собою отношений, автор сочинил страницу, которая была бы не лишнею в изображении Дантова „Ада“ <...> Разбойничий вертеп в „Жилблазе“, в сравнении с этою картиною — девичий пансион!».¹³⁸

Отрицательная оценка «Фонвизина», данная Ф. В. Булгариным, не встретила сочувствия даже у Н. И. Греча, поспешившего отмежеваться от его мнения. Н. И. Греч писал: «Вот лучшая из книг, вышедшая в свет в нынешнем 1848 году! Долгом поставляем обратить на нее справедливое, уважительное внимание всех любителей литературы, всей русской публики <...>. Автор оживил свой рассказ необыкновенным своим умом, острым, верным, наблюдательным. В его книге всякий мыслящий читатель найдет себе богатую пищу, не раз задумается над глубокомысленною истиною, не раз обрадуется счастливому наблюдению, таившемуся в собственном его уме, и теперь высказанному биографом Фонвизина».¹³⁹

В благожелательном кратком отзыве Ксенофонта Полевого отмечалось, что «в некоторых местах автор предается совершенно историческим изысканиям, и это едва ли не самые важные и любопытные части его книги».¹⁴⁰ Несколько месяцев спустя в рецензии на перевод Н. Х. Кетчером «Кориолана» Шекспира Ксенофонт Полевой оспорил одну из частных мыслей Вяземского в «Фонвизине», а именно его утверждение, что в конце XVIII и в начале XIX в. в России больше, чем в последние десятилетия, уделялось внимания переводческой деятельности. Полемизируя с Вяземским, Ксенофонт Полевой утверждал, что старые переводы были низкого качества и поэтому не оказали влияния на отечественную литературу, в то время как переводы последнего времени имеют

¹³⁷ Северная пчела, 1848, № 232, 16 октября, стр. 927.

¹³⁸ Там же, стр. 926.

¹³⁹ Там же, № 257 (15 ноября), стр. 1026—1027. Впрочем, П. А. Плетнев заподозрил искренность Н. И. Греча — 17 ноября он писал Я. К. Гроту: «Третьего дня Н. Греч в „Северной пчеле“ расхвалил книгу Вяземского. Видно, понадобился на что-нибудь автор. Прежде эта братия только глумилась над ним» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 356).

¹⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости, 1848, № 102 (8 мая), стр. 405.

неспоримые преимущества и достоинства.¹⁴¹ Это критическое замечание вызвало взрыв негодования со стороны П. А. Плетнева — 14 августа он писал Я. К. Гроту: «На этой неделе взбесил меня Очкин. Когда Вяземский подарил ему отрывок из своего „Фонвизина“, он высокопарно объявил „о появлении знаменитого творения“ и торжественно благодарил автора, „украшившего газеты его превосходного статью“. Теперь Ксенофонт Полевой, говоря о переводе Кетчером новой пьесы Шекспира, отозвался с обыкновенным пренебрежением о литературных мнениях Вяземского, изложенных в „Фонвизине“, и до небес восхвалял своего покойного брата. И что ж? Очкин преспокойно поместил эту дичь в своей газете, даже не оговорясь, что всего этого, как редактор, он не разделяет с своим сотрудником. Даже, кажется, эти люди и не чувствуют нелепости своих поступков».¹⁴² Раздражение П. А. Плетнева показывает, насколько остро еще воспринимались в конце 1840-х годов расхождения прежних лет у представителей пушкинского круга с Н. А. и К. А. Полевыми. Эта же застарелая литературная вражда сквозила и в рецензии Е. Ф. Розена.¹⁴³ Вспоминная о давних нападках Н. А. Полевого на «бесплодие» Вяземского, критик размахивал томом «Фонвизина»; его не смущало то, что Н. А. Полевой был уже в могиле: инерция многолетних неприязненных журнальных отношений побудила Е. Ф. Розена еще раз недобрым словом помянуть издателя «Московского телеграфа».

Однако Е. Ф. Розен полемизировал не только с мертвым Н. А. Полевым; отмечая «неумытное правосудие» Вяземского в оценке писем Фонвизина из Франции, он в своей рецензии задирал «Москвитянина»; делая выпады против «московских схоластов», Е. Ф. Розен воскрешал споры писателей пушкинского круга с московской журналистикой. Таким образом, в спорах вокруг «Фонвизина» отголоски журнальной полемики пушкинской поры переплетались с идейными разногласиями 1840-х годов.

Судьба книги Вяземского оказалась сходной с судьбой ее автора: она пережила себя. В движении и противоборстве новых общественных и литературных проблем она оставалась застывшим памятником предшествующего периода, не развивая пушкинские начала, а консервируя их. Она обнаруживает свое истинное значение, лишь будучи возвращена в свою среду, в пушкинский круг начала 1830-х годов; там она раскрывается для нас и как самостоятельное и заметное явление общественно-литературной жизни, и как фактор, помогающий нам уяснить некоторые существенные черты мировоззрения Пушкина, вошедшие в нее как органическая и неотъемлемая часть.

¹⁴¹ Там же, № 178 (11 августа), стр. 711—712.

¹⁴² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 300.

¹⁴³ Сын отечества, 1848, № 6, отд. VI, стр. 1—23.

ПРИМЕЧАНИЯ

<4>

По-видимому, Пушкин сделал помету, не дочитав до конца страницу, где Вяземский сообщает о работе Вольтера над «Историей Петра Великого» по заказу Елизаветы; прочтя рассуждения Вяземского, Пушкин вычеркнул свое замечание как излишнее. Легенда о том, что исторические работы Вольтера прямо инспирировались русским двором, была широко распространена (см.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, Л., 1947, стр. 20—25).

<8>

Пометы на полях типа «Лит. г. 1.2.3» указывают отрывки, которые печатались в «Литературной газете» Дельвига, и сделаны для облегчения прохождения книги в цензуре: в цензурной практике 1830-х годов тексты, бывшие уже в печати, пропускались, как правило, с большей легкостью, чем новые тексты. *Бабушка* — Мария Алексеевна Ганнибал (1745—1818); с конца 1770-х и до 1798 г. жила в Петербурге вместе с дочерью, Н. О. Ганнибал. Вероятно, М. А. видела одну из очень ранних постановок «Недоросля», премьера которого состоялась 24 сентября 1782 г. в театре Книппера (Вольном Российском театре) на Царицыном лугу, в бенефис И. А. Дмитриевского. Постановке предшествовали чтения пьесы в частных домах, после чего интерес к предстоящей постановке (намеченной первоначально на май) был очень подогрев (см. письма Пикара к кн. А. Б. Куракину от 11 марта и 28 мая 1782 г. — Русская старина, 1878, № 5, стр. 52, 60). Успех премьеры общеизвестен; современники писали о «несравненном» наполнении театра (Драмматический словарь... СПб., 1880, стр. 88; см. также: М. П. Троянский и К. Сценической истории комедий Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» в XVIII веке. — Театральное наследство. Сообщения. Публикации. Изд. «Искусство», М., 1956, стр. 10—12). Возможно, что М. А. Ганнибал видела пьесу несколько раз (ср.: «бывала давка»). «Недоросль» был повторен в 1783 г. (30 января и 10 мая); о постановках в 1784—1786 гг. сведений нет. Наибольшее число постановок падает на 1795 г. (см.: М. П. Троянский. Подневный репертуар старейшего национального профессионального театра страны — Российского театра Петербурга. 1757—1832 гг. — неизд., хранится в Научно-исследовательском институте театра, музыки и кинематографии, кабинет рукописных и иконографических материалов, БК, ед. 144). Возможно, что М. А. Ганнибал видела «Недоросля» вместе с дочерью и будущим зятем, С. А. Пушкиным, лично знавшим Фонвизина (см. стр. 54

наст. изд.). Исторические сведения, сообщенные ею Пушкину, совершенно точны; о восприятии «Недоросля» как зеркального отображения нравов рассказывают и другие мемуаристы (ср.: Н. Греч. Чтения о русском языке. СПб., 1840, ч. II, стр. 120—121). Рассказы М. А. Ганнибал о Фонвизине, по-видимому, заинтересовали Пушкина еще в годы лицей, в период пробуждения интереса к личности и творчеству сатирика и работы над поэмой «Тень Фонвизина» (1815); как можно думать, к тому же времени относится и переписка Пушкина с бабушкой; по воспоминаниям О. С. Павлищевой, Дельвиг восхищался русским эпистолярным слогом М. А. Ганнибал (М. Цяловский. Воспоминания О. С. Павлищевой. — Летописи Гослитмузея, кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 457). Таким образом, помета Пушкина является косвенным подтверждением воспоминаний О. С. Павлищевой и рассказов П. И. Бартенева (переданных отчасти со слов его тетки Е. П. Янковой, хорошо знавшей Марию Алексеевну), сообщавших, что внуки были обязаны М. А. Ганнибал начатками национального воспитания и что в памяти Пушкина осталось много рассказанных ему семейных преданий (см.: Д. Благово. Рассказы моей бабушки Е. П. Янковой. М., 1885, стр. 450; П. Бартнев. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии. М., 1854, стр. 3; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 313); возвращение к семейному преданию, как материалу для документированной биографии Фонвизина характерно для творческой работы Пушкина в это время (см. вступительную статью; см. также: В. Вацуро, М. Гиллельсон. Неизвестные строки Пушкина. — Наука и жизнь, 1967, № 1, стр. 135—137).

<13>

Замечание Вяземского о «внезапности» русской образованности близко словам Пушкина в набросках статьи о русской литературе 1830 г.: «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» (XI, 184). Характеристике Ломоносова как «самобытного сподвижника просвещения» между Петром I и Екатериной I Пушкин дал в «Путешествии из Москвы в Петербург» (XI, 225, 248); в черновых вариантах закреплена ассоциация «Ломоносов — Петр I» (XI, 459). В той же статье Пушкин касается языковой реформы Ломоносова, как положившей начало смешению старославянского и русского языков в творчестве «бездарных последователей» Ломоносова, исказивших его первоначальный замысел (XI, 226). В беловой редакции «Путешествия» Пушкин обращается к сравнительной оценке взглядов Ломоносова и Карамзина на литературный язык (XI, 249). Все это — точки соприкосновения статьи Пушкина с проблематикой книги Вяземского (см. фрагм. 1, 27, 28; в фрагм. № 28 есть две отметки ногтем, по-видимому, сделанные Пушкиным).

<30>

Пушкин и Вяземский имеют в виду слова Мирабо, переданные мадам де Сталь: «*La petite morale tue la grande, répétoit souvent Mirabeau; mais l'occasion de la grande ne se présente guère, selon lui, dans tout le cours d'une vie*» (Considérations sur les principaux événemens de la Révolution Française. M-me de Staël. Oeuvres complètes, t. XII, Bruxelles, MDCCCXXX, стр. 180). Перевод: «Малая мораль убивает большую, часто повторял Мирабо; но для большой морали, согласно ему, случай не представляется в течение целой жизни».

<35>

В статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» Вяземский писал о слоге «Истории Пугачева»: «Рассказ везде живой, но обдуманый и спокойный, может быть, слишком спокойный. Сдается, что Пушкин будто сторожил себя; наложенною на себя трезвостью, он будто силится отклонить от себя и малейшее подозрение в употреблении поэтиче-

ского напитка. Прозаик крепко-накрепко запер себя в прозе, так чтобы поэт не мог и заглянуть к нему. Впрочем, такое хладнокровие, такая мерность была естественными свойствами дарования его, особенно когда выражалось оно прозою. Он не любил бить на эффект, *des phrases, des mots à effet*, как говорят и делают французы. Может быть доводил это правило почти до педантизма» (Вяземский, т. II, стр. 375). Далее в рукописи имеется фраза, не включенная в печатный текст: «Еще задолго до занятий своих относительно Пугачевского бунта критиковал он одно выражение мое, касающееся той же самой эпохи. В сочинении моем о Фонвизине сказал я по поводу смерти Бибикова...» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 981, л. 61 об.). В тексте рукописи оставлено место для соответствующей цитаты из «Фонвизина». Несколькое приподнятому и риторическому описанию смерти А. И. Бибикова в книге Вяземского Пушкин в 1833 г. в «Истории Пугачева» противопоставил свое описание, в котором значительно больше реалий и нет метафорических выражений высокого стиля (см. IX, кн. 1, 54).

«56»

Л.-С. Мерсье в книге «Tableau de Paris» (1781) описал грязь парижских улиц в разделах «Ручьи», «Вытопка сала», «Бойни», «Тлетворный воздух» (Л.-С. Мерсье. Картины Парижа, т. 1. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 100—112). Ссылка на Вольтера, по-видимому, относится к главе 19 повести «Принцесса Вавилонская», где сказано: «Переезжая из страны в страну <...>, Амазан, — этот образец постоянства, — прибыл в новую столицу Галии. Этот город, подобно многим другим, пережил все стадии варварства, невежества, глупости и нищеты. Его первое название «Лютеция» означало грязь и навоз...» (Вольтер. Философские повести и рассказы, т. 1. Изд. «Academia», М.—Л., 1931, стр. 452). О нечистоте Парижа писал также Стерн (А. Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Гослитиздат, М.—Л., 1949, т. VII, гл. XVII, стр. 483) и Карамзин в «Письмах русского путешественника» (Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. 1, Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 367); см. фрагм. 62, где стоит отметка ногтем (несомненно пушкинская) против ссылки Вяземского на Карамзина, подтверждающей справедливость наблюдений Фонвизина.

Джонсон (Johnson, 1709—1784) Сэмюэль — английский критик. В библиотекке Пушкина было двухтомное издание труда Джонсона «The Lives of the English Poets» (London, 1826); тома не разрезаны (Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. — Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 259, № 1032). Основным источником знакомства с личностью и творчеством Джонсона была биография его, составленная Босвеллом (J. Boswell. The Life of Samuel Johnson, 2 vols., 1791), — в дальнейшем многократно переиздававшаяся с добавлениями (см. подробнее во вступительной статье; см. также: Д. С. Г. Симмонс. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги». В кн.: Международные связи русской литературы. Сб. статей. Под ред. акад. М. П. Алексеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 161—174). Многочисленные анекдоты о Джонсоне составили целую коллекцию «Джонсонианы» (см., например: Н. L. Piozzi. Anecdotes of the late Samuel Johnson, LL. D. during the last twenty years of his life, 1786). Пушкин упоминает Джонсона в статье о «Слове о полку Игореве» (1834) в связи с выступлением критика против версии о подлинности оссиановских поэм Макферсона: «Джонсон тотчас уличил Макферсона» (XII, 147). Заслуживает внимания в этой связи заметка «Когда Макферсон издал Стихотворения Оссиана», опубликованная в подготовленном самим Пушкиным номере «Литературной газеты» (1830, 21 января, № 5); авторство этой заметки, приписанной Пушкину Н. О. Лернером (Северные записки, 1913, февраль, стр. 28—44) и с 1933 г. введенной в издания сочинений Пушкина в отдел «Dubia», остается спорным. В. В. Виноградов (Проблема авторства и теории стилей. Гослитиздат, М., 1961, стр. 386—390), не исключая полностью возможности автор-

ства Пушкина, склонен все же считать ее составителем О. М. Сомова. Помета дает дополнительный аргумент в пользу авторства Пушкина; письмо Джонсона, цитируемое в статье в «Литературной газете», взято из книги Босвелла, где оно помещено в непосредственной близости от французского путевого дневника, относящегося к тому же году, что и письмо (1775). Эпитет «славный» по отношению к Джонсону означает, что роль и личность критика были Пушкину хорошо известны; об интересе к Джонсону Сомова — второго возможного автора заметки — мы ничего не знаем.

<59>

Форма «полька» зарегистрирована в пушкинском словоупотреблении один раз — в шутивно-ироническом контексте в письме Вяземскому около 7 ноября 1825 г. («на Марину у тебя <.....> — ибо она полка, и собою презрядна» — XIII, 240); одновременно в «Борисе Годунове» — форма «полячка» («Довольно, стыдно мне Пред гордою полячкой унижаться» — VII, 64); в балладе «Будрыс и его сыновья» (1833) в основном тексте и в вариантах — только «полячка» (III, кн. 2, 312, 902—903).

<60>

Можно думать, что зачеркивание принадлежит Пушкину. Книга Ж. де Местра «Петербургские вечера» (J. de Maistre. Les Soirées de Saint-Pétersbourg, 1821), на которую ссылается Вяземский, была в библиотеке Пушкина во втором издании 1831 г. (Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, стр. 279, № 1127); однако, несомненно, он знал ее и ранее. В его заметке «О записках Самсона, парижского палача» (1830) есть ссылка на «поэтическую» и «страшную» страницу о палаче у Ж. де Местра, под которой, по-видимому, понимается рассуждение о палаче в первом диалоге книги (J. de Maistre. Les Soirées de Saint-Pétersbourg. . . , t. 1, Paris, éd. Garnier, s. a., стр. 30—33 или, что менее вероятно, сравнение солдата и палача — там же, t. 2, стр. 4—6). Чтение книги де Местра, по-видимому, отразилось и в других его произведениях (см.: М. Алексеев. Пушкин и проблема «вечного мира». — Русская литература, 1958, № 3, стр. 35—39). Вяземский ссылается на четвертый диалог «Петербургских вечеров», где дается резко отрицательная характеристика личности и деятельности Вольтера; это место книги должно было особенно интересовать Пушкина; не исключена возможность, что он учитывал его в негативной части своих суждений о Вольтере (см., например, «О ничтожестве литературы русской», 1834 — XI, 271—272). «Портрет Вольтера» у де Местра завершается словами: «Suspendu entre l'admiration et l'horreur, quelquefois je voudrais lui faire élever une statue. . . par la main du bourgeois» — «Колеблясь между восхищением и ужасом, я по временам хотел бы, чтобы ему воздвигли памятник . . . рукой палача».

<61>

Гиббон (Gibbon, 1737—1794) Эдуард — английский историк. В библиотеке Пушкина был основной труд Гиббона во французском переводе Гизо «Histoire de la Décadence et de la chute de l'Empire Romain» (Paris, 1828, 13 томов; разрезан первый том и 25 стр. второго). В мае 1836 г. Пушкин приобрел французский перевод мемуаров Гиббона (1793, 2 тома — см.: Литературный архив, 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 37); как раз на эти мемуары Вяземский и имел первоначально в виду сделать ссылку в отмеченном Пушкиным месте рукописи. Упоминания Гиббона у Пушкина случайны («Евгений Онегин», гл. VIII, строфа XXXV—VI, 182; «О ничтожестве литературы русской», 1834—XI, 272); в последней статье сказано: «Англия в лице Юма, Гиббона и Вальпола приветствует энциклопедию». Возможно, что появление имени Гиббона в этом контексте ассоциативно связано со спорами Пушкина и Вяземского о Гиббоне и французском обществе XVIII в.

Помимо принципиального значения, помета имела и шуточный смысл. В авторских вставках к «Автобиографическому введению» Вяземского, не попавших в печатный текст, есть пояснение: «В одном месте, где противопоставляю мнение Гиббона о Париже и мнение Ф(он)-Визина, написал он (Пушкин, — В. В., М. Г.) на рукописи моей: Сам ты Гиббон. Разумеется в шутку и более в отношении к носу моему, нежели к моему перу. Известно, что Гиббон славился, между прочим, и курносием своим» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1183, л. 52 об.).

Можно думать, однако, что шутка Пушкина имела и иной подтекст, неизвестный Вяземскому: осенью 1830 г., за месяц с лишним до первого чтения рукописи «Фонвизина», Пушкин пародировал в «Истории села Горюхина» место из «Мемуаров» Гиббона, где шла речь об окончании «Истории упадка и разрушения Римской империи»; те же строки отразились и в написанном почти одновременно стихотворении «Миг вожделем настал, окончен мой труд многолетний» (см.: В. В. Томашевский. Заметки о Пушкине. Белкин и Гиббон. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 483—485). Таким образом, становится вероятной биографическая ассоциация с Вяземским, окончившим «многолетний труд» о Фонвизине.

<63>

В январе 1828 г. Вяземский отметил в связи с «Недорослем» в записной книжке: «Подражание Лабрюеру — дикий американец. Карамзин мне говорил об этом» (П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 112). О французских источниках «Недоросля» писали и ранее; в «Вестнике Европы» 1811 г. есть указание: «. . . Фон-Визин в своем „Недоросле“ многие разговоры Стародума взял из сочинений Дюфрени (Dufresny), а насмешку на счет географии из Вольтера. Но такоево заимствование не помрачит достоинства целой комедии» (Р. Ц. Письмо к приятелю. (О третьем чтении Беседы любителей Родного слова. В С.-Петербурге). — Вестник Европы, 1811, № 14, стр. 215). Пушкин с полным основанием называет источником «сцены экзамена» моралистический рассказ Вольтера «Жанно и Колен» («Jeannot et Colin», 1764), где рассуждения губернатора о вреде и бесполезности наук напоминают реплики госпожи Простаковой; текстуальным заимствованием является замечание о географии: «faut-il qu'il sache quelque chose; ne pourrait-on pas lui montrer un peu de géographie? — A quoi cela lui servira-t-il? répondit le gouverneur. Quand M. le marquis ira dans ses terres, les postillons ne sauront-ils pas les chemins? ils ne l'égareront certainement pas. On n'a pas besoin d'un quart de cercle pour voyager, et on va très-commodément de Paris en Auvergne sans qu'il soit besoin de savoir sous quelle latitude on se trouve» (Voltaire. Oeuvres complètes, t. XV, Paris, 1860. pp. 166—167). Перевод: «не нужно ли, чтобы он знал что-либо? Может быть, можно ему преподать кое-что из географии? — Но какая ему будет в том польза? — отвечал губернёр. — Когда господин маркиз отправится в свои угодья, — разве проводники не знают дороги? Они, без сомнения, не заблудятся. Для путешествия не нужны измерительные приборы, и можно отлично проехать из Парижа в Овернь, не зная, на какой широте находишься».

<64>

Сен-Жермен (Saint-Germain, ум. 1780) граф — знаменитый авантюрист XVIII в., подвизавшийся при дворе Людовика XV; выдавал себя за обладателя философского камня и эликсира долголетия; обладал незаурядными познаниями и способностями. Ни подлинное имя его, ни происхождение неизвестны; он появился в Париже в 1750-х годах и проник ко двору, снискав благосклонность короля и маркизы де Помпадур. Сен-Жермен принимал участие в политической жизни Франции и дворцовых интригах; навлек на себя вражду герцога Шуазеля и едва не был заключен в Бастилию; в 1760 г.

уехал в Англию, затем в Россию, где сыграл какую-то роль в перевороте 1762 г.; был знаком с А. и Г. Орловыми, Юсуповым и др.; в 1770-е годы жил в Германии; скончался в герцогстве Шлезвиг. Сведения о графе Сен-Жермене сохранились в многочисленных современных источниках (ср. воспоминания барона Глейхена, переписку Гримма, Вольтера, мемуары м-м Оссе (Hausset), м-м Жанлис и т. д.; отрывок из последних был переведен О. Сомовым — *Сын отечества*, 1825, № 19, стр. 347—355; см. также: Северная пчела, 1826, 4 сентября). Развернутую характеристику Сен-Жермена у Казановы см.: *Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt...*, t. VI, Bruxelles, 1833, ch. III. Прямого указания на шпионскую деятельность Сен-Жермена у Казановы нет; в гл. II 7-го тома он рассказывает о приказании короля арестовать Сен-Жермена как политического авантюриста (там же, t. VII, p. 96). Источником сведений о Сен-Жермене для Вяземского и, возможно, Пушкина были также рассказы кн. Н. Б. Юсупова (см.: П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 171; запись от 15 июня 1830 г.). Свою помету и характеристику Сен-Жермена Вяземским Пушкин почти дословно повторил в «Пиковой даме»: «Над ним смеялись как над шарлатаном, а Казанова в своих записках говорит, что он был шпион» (VIII, 228). Интерес Пушкина к «историческим загадкам» отразился и в его статье 1836 г. «О Железной Маске».

<69>

Берни (Bernis, 1715—1794) Франсуа Жоакен де Пьер — французский политический деятель (был известен также как галантный поэт), один из вдохновителей союза между Австрией и Францией в 1755 г. Возможно, что замечание Пушкина навеяно мемуарами Казановы, который близко общался с Берни в 1750-е годы и посвятил большой пассаж в своих записках этому дипломатическому акту, «полностью изменившему политическое положение в Европе», «которому европейские державы не могли поверить, настолько он казался невозможным». «Самые глубокомысленные головы пришли в замешательство от того, что этот похожий на чудо (*merveilleux*) трактат был задуман и осуществлен юным министром, который до того времени был известен только как *bel esprit*» (*Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt...*, t. IV, Bruxelles, 1833, стр. 332—338).

<90>

Свое несогласие с оценкой Вяземским Княжнина Пушкин впервые высказал в 1826 г., делая заметки на полях статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». Против фразы Вяземского: «Должно заметить однако же, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных» Пушкин категорически возразил: «И этого не вижу: в нем все дрянь, кроме некоторых од» (XII, 219). Против фразы Вяземского «Утешенная вдова до сего времени может служить у нас образцовою по достоинству прозаическому и комическому слогу, тонкой насмешки и веселости» Пушкин написал: «полно, так ли?» (XII, 220).

<92>

Под двусмысленм Вяземский подразумевал реплику Простаковой: «Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко» («Недоросль», д. I, явл. III).

<104>

В 1792 г. Сергей Львович Пушкин служил прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка в Петербурге и был связан с литературными кругами столицы (отчасти через брата, В. Л. Пушкина). Помета Пушкина — единствен-

ное свидетельство о его личном знакомстве с Фонвизиним. О коллекции картин Фонвизина имеется ряд сведений; в 1784—1785 гг., войдя в компанию с книгопродавцом и антикваром Г. Клостерманом, он ездил в Германию и Италию для приобретения картин, как оригиналов, так и специальных заказанных копий. В бумагах Вяземского сохранилась опись коллекции 1777 г., которую Фонвизин оставлял Я. Я. Убри, отъезжая в заграничное путешествие (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1155); среди прочих работ там были портреты Лекена и других французских актеров.

К стр. 65—66

Письмо И. Г. Салаева от 15 февраля 1832 г. сохранилось в бумагах Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2713, лл. 3—4). Этот чрезвычайно интересный документ показывает, между прочим, широкую ориентированность издателя в специальных вопросах изучения наследия Фонвизина; салаевское четырехтомное издание собрания сочинений Фонвизина, подготовленное П. П. Бекетовым (1830), по сие время сохраняющее свою ценность, основывалось на созданном Бекетовым фонде рукописей Фонвизина, с которым издатель, по-видимому, внимательно ознакомился (см. об этом издании: Г. Макогоненко. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия. В кн.: Д. И. Фонвизин, Собр. соч., т. II, Гослитиздат, М.—Л., 1959, стр. 633—634). Можно думать, что общение Салаева и Вяземского носило не столько коммерческий, сколько творческий характер.

Письмо Салаева является по существу первым негласным отзывом на редакцию «Фонвизина» 1832 г. и примыкает непосредственно к кругу публикуемых материалов. Приводим его целиком.

Сиятельный князь!

Переписав, по желанию вашему, рукопись «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине», я отправляю оную вместе с черноюю к вам на рассмотрение. Приношу вашему сиятельству мою чувствительнейшую благодарность за сей труд, совершенный на пользу русской словесности. Многие места при переписке показались мне очень хорошо отделанными, и особенно взгляд на старинные наши театральные произведения и разбор «Недоросля». Как прекрасно и справедливо оценили вы сие превосходное произведение! Как глубоко вникли в характеры действующих лиц и особенно г-жи Простаковой! Равным образом весьма любопытны и частные подробности жизни Фон-Визина. Отдавая должную справедливость прекраснейшему произведению сему и желая видеть оное сколь возможно совершенным, я осмеливаюсь сделать некоторые замечания на 6-ю главу, в надежде, что если ваше сиятельство и не убедитесь оными, то примете их как знак отличного моего к вам уважения и признательности.

Во-первых: должно заметить, что письма Фон-Визина напечатаны не вполне: некоторые из оных от времени утратились, а в напечатанных многие места исключены цензурою; следовательно, судить об оных слишком строго было бы несправедливо. Вам известно, милостивый государь, что иногда одна строка, исключенная из письма, дает оному совершенно другой смысл, вопреки желанию автора. Исключенные места относятся по большей части к России, где довольно достается и любезному отечеству нашему от его неперпимости. Это обстоятельство может служить ответом на его же слова: *«у нас все лучше и мы больше люди, чем немцы».*

Во-вторых: в обвинениях своих на Фон-Визина вы пишете, что он в замечаниях своих о характере французов применяет положения частные к целому народу, не допуская никаких исключений. Конечно, это была бы с его стороны совершенная несправедливость, потому что частные недостатки какого-либо народа не могут относиться к целому обществу; но в письмах его

есть и исключения: в одном месте говорит он: «достойные люди, к какой бы нации ни принадлежали, всегда составляют одно общество. *Выключи их из французской*, примечал я свойства французской нации». В другом месте пишет он: «надобно отказаться вовсе от здравого смысла, если не признать во Франции много *чрезвычайно хорошего*, всегда однако ж возле *чрезвычайно дурного*». Сии исключения показывают, что он во Франции видел не одно дурное, но и хорошее, и если худое более бросалось ему в глаза, нежели хорошее, то это есть свойство его нетерпимости и исключительного оуждения.

В-третьих: вступаясь за писателей французских, вы между прочимставляете их бескорыстие, говоря, что Даламберт отказался от обольстительного приглашения прусского короля, предлагавшего ему место в Берлинской Академии, и от приглашения императрицы Екатерины, предлагавшей ему 100 тысяч рублей жалованья, что сочинения Мармонтеля жгли в Париже, в то время как Екатерина переводила их в России. Замечания ваши справедливы; но должно заметить и то, что Даламберту известно было, как поступил Фридрих Великий с другом его Вольтером, и не это ли обстоятельство побудило его отказаться от приглашения прусского короля? Труднее всего опровергнуть последние два замечания ваши о Даламберте и Мармонтеле; разве сказать, что, может быть, сим бескорыстием не желали ли они обратить на себя внимание Европы, дабы тем сильнее действовать на умы современников своих. Впрочем, известно, что развращение нравов во Франции в той эпохе, которую описывает Фон-Визин, было весьма сильно и предуготовило царство терроризма во время революции; в этом согласны даже и многие их писатели.

И наконец, *в-четвертых*: касательно обвинения Фон-Визина в выписках из Дюкло о нравах французов, я слышал, будто бы в письмах автора к графу Панину, которые не напечатаны, есть места, где он именно объясняет, что сии выписки заимствовал он из Дюкло. Не выдаю это за справедливое, потому что сам не видел сих писем; но по крайней мере этот слух не без основания: вероятно, Фон-Визин знал, что княгиня Дашкова, племянница графа Панина, любившая французскую словесность, читала и сочинение Дюкло и могла объяснить дяде заимствования Фон-Визина, которые он скрывал пред ним, выдавая их за свои; может быть, даже и сам граф Панин читал сии сочинения, и потому Фон-Визину трудно было скрыть это перед ним. Впрочем, это одни догадки, не подкрепленные никакими доказательствами.

Простите смелости моей, сиятельный князь, что обременил вас столь пространном письмом. Истинно одно только желание видеть труд ваш совершенным и безошибочным руководило мною.

В заключение осмеливаюсь просить вас, просмотревши рукопись и поместивши в оную замечания, какие вы найдете нужными, прислать оную ко мне обратно для подачи в цензуру и потом в печать. Это необходимо потому, что

Уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейший слуга Иван Салаев.

Февраля 15 дня
1832 года
Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Текст	7

П р и л о ж е н и я

Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине	58
Примечания	120

Вадим Эразмович Вадуро
Максим Исаакович Гиллельсон

Н О В О Н А Й Д Е Н Н Ы Й А В Т О Г Р А Ф П У Ш К И Н А

*Утверждено к печати Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Н. А. Круликова*
Корректоры *Э. В. Гришина и Н. П. Яковлева*

Сдано в набор 21/XII 1967 г. Подписано к печати 3/VII 1968 г. РИСО АН СССР № 13—138В.
Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 4¹/₈. Печ. л. 8 + 2 вкл. (1/4 печ. л.) = 8¹/₄ усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 8.66. Изд. № 3557. Тип. зак. № 718. М-14929. Тираж 9300. Бумага типограф-
ская № 1. *Цена 55 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12